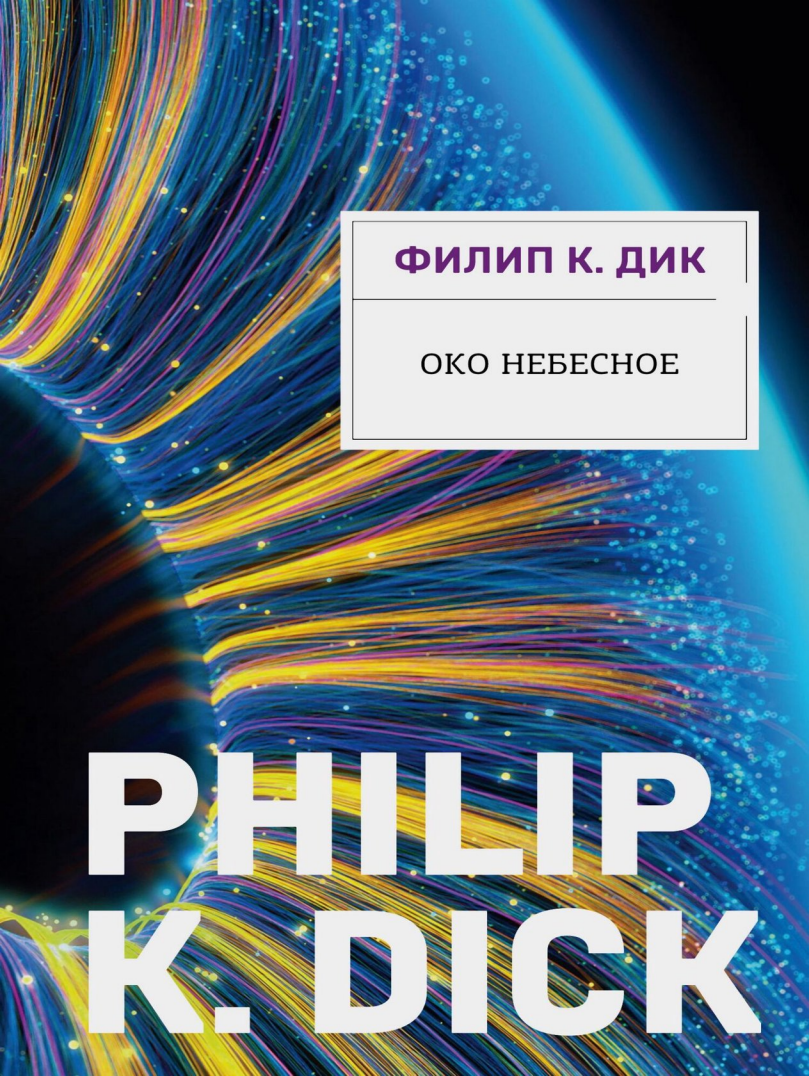
ФИЛИП К. ДИК
ОКО НЕБЕСНОЕ
PHILIP
K. DICK

Око небесное
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Киндред Дик. Око небесное
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Аннотация

То, что начинается как обычная экскурсия в физической лаборатории, из-за аварии ускорителя частиц превращается в апокалипсис. Посетители попадают в коллективный сон, который раскрывает их самые сокровенные надежды, мечты и страхи. Пока спасатели отчаянно пытаются вызволить жертв из обугленных обломков, их души начинают невероятное путешествие по фантастическим и кошмарным мирам. Джек Хэмилтон, один из тех, кто оказался жертвой аварии, понимает то, чего не понимают остальные: в каждом новом странном мире они оказываются в ловушке сил, которым подвластна сама реальность. Сил, которые, возможно, никогда не отпустят их.

Филип К. Дик был саркастичным индивидуалистом, и ни одно мировоззрение не могло избежать его язвительных и уморительных подколок. В этом романе смешались трагедия и сатира, которая преподает потрясающий урок любви и терпимости, скрытый под личиной научно-фантастической комедии.

«Ни разу не встречал такого, чтобы тема была раскрыта с такой технической ловкостью или наделена большим психологическим смыслом». – *Fantasy and Science Fiction*

«Дик был величайшим в научной фантастике знатоком современного чувства страха». – *New York Daily News*

«Дик развлекает нас реальностью и безумием, временем и смертью, грехом и спасением. Он наш собственный Борхес». – *Урсула ле Гуин*

«Дик работает с материалом, слишком безумным, чтобы понять его, слишком нравоучительным, чтобы забыть, слишком запоминающимся, чтобы от него отказаться». – *Washington Post*

Филип Киндред Дик
Око небесное

Philip K. Dick
Eye in the Sky

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1957, A. A. Wyn
Copyright renewed © 1985, Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Dick
© Кумок В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

1

Протонный дефлектор-отражатель белмонтского Беватрона подвел своих создателей в четыре часа дня второго октября 1959 года. Дальше все случилось мгновенно. Не контролируемый более отражателем луч с энергией 6 гигаэлектронвольт ударил в потолок зала, попутно испепелив наблюдательную площадку, расположенную над гигантским кольцеобразным магнитом.

В этот момент на площадке находилось восемь человек — группа туристов и экскурсовод. Лишенные опоры под ногами, люди рухнули на пол зала Беватрона и лежали там с переломами и сотрясениями, пока магнитное поле не отключилось и жесткое излучение не прекратилось.

Четверым из этой восьмерки потребовалась госпитализация. Двое, получившие ожоги меньшей степени, остались под наблюдением на неопределенный срок. Оставшихся осмотрели, им оказали амбулаторную помощь и отпустили. Местные газеты Сан-Франциско и Окленда сообщили о происшествии. Адвокаты пострадавших приступили к составлению исков. Кое-кто

из чиновников, отвечавших за Беватрон, вылетел прямо на помойку; туда же отправились отражающая система Уилкокса — Джонса и ее энтузиасты-изобретатели. Рабочие начали ремонт физических повреждений.

Все происшествие уложилось в считаные минуты. В четыре часа ровно отражатель дал дуба, а в две минуты пятого восемь человек уже летели с восемнадцати метров вниз сквозь фантастически заряженный энергетический луч, исходивший из круглой внутренней камеры магнита. Первым падал молодой негр-экскурсовод; он же первым и грохнулся на пол. Последним оказался на полу молодой инженер с соседнего ракетного завода — когда группу завели на смотровую площадку, он откололся от своих спутников и повернул обратно в коридор, роясь в карманах в поисках сигарет.

И возможно, не прыгни он вперед в попытке поймать падающую жену, он бы и не свалился вниз со всеми остальными. Последним, что он ясно помнил, была выпадающая из рук сигаретная пачка и безумный бросок вперед — туда, где, дрожа, исчезал в пустоте рукав Марши…

Все утро Хэмилтон провел в своей ракетной лаборатории. Делать он ничего не мог — только

точить карандаши и страдать от неизвестности. Его персонал вокруг занимался обычными делами, корпорация жила своей жизнью. К обеду явилась Марша, улыбающаяся и прекрасная, стильная и модная, словно ручная утка в парке «Голден Гейт». Его мрачный ступор мгновенно рассыпался под воздействием этого душистого и весьма недешевого маленького существа, которое ему посчастливилось заарканить и которое он ценил даже выше, чем свою хай-фай звуковую систему и свою коллекцию хорошего виски.

— Чего опять? — спросила Марша, присев на уголок его стола из броневой стали. Ладони ее в перчатках были плотно сложены вместе, зато стройные ножки беспокойно выплясывали. — Пойдем быстренько пообедаем, и двинули. Сегодня первый день работы этого отражателя, ты же сам хотел на него посмотреть. Забыл, что ли? Ну, готов?

— Я в газовую камеру готов, — резко ответил Хэмилтон. — И она для меня тоже почти уже готова.

Карие глаза Марши расширились; ее веселое оживление сменилось на серьезный, даже драматический тон.

— Ты о чем? Опять что-то секретное, о чем рас-

сказывать нельзя? Милый, ты не говорил, что сегодня у тебя что-то важное. За завтраком ты дурачился и подпрыгивал, как щенок, разве что не тявкал.

— За завтраком я еще не знал. — Взглянув на наручные часы, Хэмилтон безрадостно поднялся на ноги. — Да, давай поедим как следует. Возможно, напоследок. И возможно, это последняя экскурсия, на которую я отправлюсь.

Но он не успел добраться до выхода с территории, не говоря уже о ресторане за охраняемой зоной. Его остановил посыльный в форме, протягивающий аккуратно сложенную распечатку.

— Мистер Хэмилтон, это вам. Полковник Эдвардс приказал передать.

Дрогнувшими руками Хэмилтон развернул бумагу.

— Ну, — мягко сказал он жене, — вот оно. Пойди посиди на веранде. Если я не вернусь в течение часа, ступай домой и пообедай консервированной свининой с бобами.

— Но как же так? — беспомощно взмахнула она руками. — Ты так говоришь… мне страшно. Ты знаешь, что там?

Да, он знал. Наклонившись к жене, он поцеловал ее в алые, влажные и слегка дрожащие губы.

А затем направился широким шагом вслед за посыльным в штаб-квартиру полковника Эдвардса, в те комнаты для совещаний на высшем уровне, где уже торжественно заседало все руководство компании.

Когда он уселся, то сразу почувствовал вокруг себя густой, богатый оттенками запах бизнесменов среднего возраста: сочетание сигарного дыма, дезодоранта и дорогого обувного крема. Над длинным стальным столом тут и там звучали негромкие разговоры. Во главе стола сидел сам старина Эдвардс, за бруствером из огромной кучи докладов и формуляров. Строго говоря, у каждого чиновника был свой окопчик из оправдательных бумаг, раскрытого дипломата, пепельницы и стакана с теплой водой. Напротив полковника Эдвардса грузно восседала еще одна фигура в форме — Чарли Макфайф, глава службы безопасности, чьи сотрудники шныряли по ракетному заводу, выискивая русских агентов.

— А вот и ты, — пробурчал полковник Эдвардс, строго глядя на Хэмилтона поверх очков. — Много времени не отнимем, Джек, — у нас сегодня один-единственный пункт на повестке дня; тебе не придется торчать здесь по чужим вопросам.

Хэмилтон ничего не ответил. Он сидел в на-

пряженном ожидании, на лице его читалось волнение.

— Так вот, речь о твоей жене, — начал Эдвардс, облизнув палец и перелистав какой-то доклад. — Я так понимаю, что с тех пор, как Сазерленд уволился, ты возглавляешь наш исследовательский отдел. Верно?

Хэмилтон кивнул. Его ладони, лежащие на столе, побледнели. «Словно я уже умер», — подумал он горько. Словно уже висел на виселице, которая выдавила из него всю жизнь и веселье. Висел, словно какая-то колбаса в темноте подвала.

— Твоя жена, — гулким голосом продолжил Эдвардс, в то время как его пигментированные ладони вздымались и падали, пролистывая страницы, — была определена как представляющая угрозу для предприятия. Вот у меня здесь доклад. — Он кивнул в сторону капитана заводской полиции. — Макфайф представил этот доклад. Я бы добавил: *неохотно* представил.

— Чертовски неохотно, — вставил Макфайф, обращаясь прямо к Хэмилтону. В его жестких серых глазах читалась мольба о прощении. Хэмилтон с каменным лицом проигнорировал его.

— Ты, конечно, — снова загремел Эдвардс, — знаешь, как устроена здесь безопасность. Мы

частный концерн, но нашим покупателем является государство. Никто не покупает ракет, кроме Дяди Сэма. Поэтому нам надо быть начеку. Я ставлю тебя в известность об этом, чтобы ты мог сам решить эту проблему. Это в первую очередь твоя проблема. Для нас это важно только потому, что ты возглавляешь наши исследовательские лаборатории. Таким образом, это становится и нашим делом. — Он разглядывал Хэмилтона так, словно видит его в первый раз, — несмотря на то что лично нанял его еще в 1949-м, целых десять лет назад, когда Хэмилтон был молодым, талантливым, подающим большие надежды инженером-электронщиком с новеньким дипломом MIT.

— Значит ли это, — мрачно поинтересовался Хэмилтон, уставив взгляд на свои сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, — что Марше закрыт доступ на завод?

— Нет, — ответил Эдвардс, — это значит, что *тебе* будет закрыт доступ к засекреченным материалам до тех пор, пока ситуация не изменится.

— Но это значит… — Голос Хэмилтона растаял в потрясенной тишине. — Это же все материалы, с которыми я работаю.

Никто не ответил. Все управленцы компании

попрятались по своим окопам, скрылись за бумагами. Лишь из угла доносился легкий звон кондиционера.

— Да будь я проклят, — внезапно произнес Хэмилтон, очень громко и четко. Формуляры удивленно зашелестели. Эдвардс искоса с любопытством глянул на него. Чарли Макфайф зажег сигару и нервно пригладил тяжелой ладонью свои редеющие волосы. В своей простой коричневой униформе он был неотличим от обычного дорожного патрульного с толстым брюхом.

— Предъявите ему обвинения, — сказал Макфайф. — Дайте ему шанс побороться, полковник. Есть же у него *какие-то* права!

Какое-то время полковник Эдвардс сражался с грудой информации в рапорте безопасников. Потом, побагровев от напряжения, он просто толкнул весь рапорт целиком через стол к Макфайфу.

— Ваш департамент составил это, — пробурчал он, явно желая умыть руки, — вы ему и скажите.

— Вы что, собираетесь зачитать это прямо здесь? — запротестовал Хэмилтон. — Перед тремя десятками людей? В присутствии всех до единого управленцев компании?

— Все они видели этот доклад, — сказал Эдвардс

беззлобно. — Его составили уж с месяц назад, и с тех пор он ходил тут по рукам. В конце концов, мой мальчик, ты здесь важная персона. Мы бы не подошли к этому вопросу спустя рукава.

— Начать с того, — сказал Макфайф, явно смущенный, — что все это добро мы получили от ФБР. Это их работа.

— По вашему запросу? — едко осведомился Хэмилтон. — Или, может, этот доклад просто шлялся по стране туда-сюда, пока не напоролся на вас?

Макфайф покраснел.

— Ага, мы запросили. Рутинная проверка. Боже, Джек, там есть досье даже на *меня* — да даже на президента Никсона есть!

— Нет нужды читать весь этот мусор, — сказал Хэмилтон взволнованно. — Марша вступила в Прогрессивную партию еще в 48-м, еще первокурсницей в колледже. Она перечисляла деньги Комитету помощи испанским беженцам. Она была подписана на журнал «*На самом деле*». Все это я уже слышал раньше.

— Прочитай новые материалы, — велел Эдвардс.

С трудом пробираясь сквозь доклад, Макфайф отыскал сводку о текущей ситуации. «Миссис

Хэмилтон вышла из Прогрессивной партии в 1950-м. „*На самом деле*“ больше не выпускается. Однако в 1952-м она посещала собрания „Калифорнийских профессий, ремесел и наук“ — а это подставная организация с прокоммунистическими взглядами. Она подписала Стокгольмское воззвание и вступила в Союз гражданских свобод, который многими считается пролевым».

— Что вообще означает «*пролевый*»? Что это за слово? — воскликнул Хэмилтон.

— Это означает «симпатизирующий группам или личностям, которые симпатизируют коммунизму». — Макфайф трудолюбиво продолжил дальше: — Восьмого мая 1953 года миссис Хэмилтон написала в «*Сан-Франциско кроникл*» письмо, в котором протестовала против запрета Чарли Чаплину на въезд в США — а он весьма известный попутчик коммунистов. Она также подписала обращение «Спасти Розенбергов!» — осужденных изменников. В 1954 году она выступала перед Лигой женщин-избирателей Аламеды, ратуя за допуск в ООН Красного Китая — коммунистической страны. В 1955-м она вступила в оклендское отделение организации «Сосуществование или смерть», которая также имеет свои отделения в странах железного занавеса. А в 1956-м она

пожертвовала деньги Ассоциации содействия прогрессу цветного населения. — Он озвучил цифру: — Сорок восемь долларов и пятьдесят пять центов.

Повисла тишина.

— Это всё? — поинтересовался Хэмилтон.

— Да, это весь материал, имеющий отношение к делу.

— А не сказано ли там еще, — Хэмилтон отчаянно пытался говорить спокойно, — что Марша была подписана на «*Чикаго трибьюн*»? Что она участвовала в избирательной кампании Эдлая Стивенсона в 1952-м? А в 1958-м она перечисляла деньги Обществу за гуманное отношение к собакам и кошкам?

— Я не понимаю, как это относится к делу, — нетерпеливо ответил Эдвардс.

— Это дополняет картину! Да, Марша была подписана на «*На самом деле*» — но еще она была подписана на «*Нью-Йоркер*». Она вышла из Прогрессивной партии одновременно с Уоллесом — и вступила в «Молодые демократы». Там ничего об этом нет? Да, ей было интересно узнать больше о коммунизме — но разве это делает ее коммунистом? Вы говорите всего лишь, что Марша читает левые журналы и слушает левых орато-

ров, но ведь это не значит, что она поддерживает коммунизм, или придерживается партийной дисциплины, или выступает за революционный переворот, или…

— Мы и не говорим, что твоя жена является коммунистом, — заметил Макфайф. — Мы говорим о том, что она представляет собою риск с точки зрения безопасности. И вероятность того, что Марша — коммунист, все же *существует*.

— Господи боже мой, — бессильно произнес Хэмилтон, — так что, мне надо доказать, что она *не* коммунист?

— Вероятность этого существует, — повторил Эдвардс. — Джек, ну приди же в себя, кончай уже это нытье. Может, Марша и красная, а может, и нет. Дело-то не в этом. У нас тут материал, который доказывает, что твоя жена увлечена политикой — и причем радикальной политикой. И это нехорошо.

— Марша увлечена вообще всем на свете. Она умная и образованная личность. И у нее в достатке свободного времени, чтоб интересоваться тем, чем она захочет. Или ей надо сидеть дома и просто… — Хэмилтон замялся, подыскивая слова, — и

просто пылесосить свою мантилью?[1] Готовить ужин, шить и снова готовить?

— У нас здесь прослеживается некая закономерность, — сказал Макфайф. — Надо признать, что по отдельности приведенные факты ни на что не указывают. Но когда сложишь их вместе и сравнишь со статистическим средним… Джек, ну это просто-напросто чересчур. Твоя жена участвует в слишком уж многих пролевых движениях.

— Это обвинение основано на косвенных уликах. Она любопытна, заинтересована многим. Разве ее участие означает, что она *согласна* с тем, что там говорят?

— Мы не можем заглянуть в ее голову — но ведь и *ты* тоже не можешь. Мы можем судить лишь по ее поступкам — группы, в которые она вступает, петиции, которые она подписывает, деньги, которые она перечисляет. Это все, что у нас есть, и мы *должны* исходить только из этого. Ты говоришь, что она посещает эти собрания, но не согласна со взглядами, что там преобладают. Ну хорошо, давай вообразим полицейский налет

---

[1] Примечания: 1

Манти́лья — элемент национального испанского женского костюма, длинный шелковый или кружевной шарф-вуаль, который обычно надевается поверх высокого гребня, вколотого в прическу, и падает на спину и плечи.

на стриптиз-клуб. Понятно, что девушки и персонал будут арестованы. Но представь, что вся аудитория заявит, что шоу ей не понравилось — так что ж, их отпускать теперь? — Макфайф развел руками. — А что они там делали, если шоу им не нравилось? Ну ладно, один раз. Из любопытства. Но не раз за разом, не одно за другим.

Твоя жена замешана в пролевых группах с восемнадцати лет — она состоит в них десять лет подряд. У нее было более чем достаточно времени определиться в своем отношении к коммунизму. Но она все еще ходит на эти шоу, так сказать, — как только какая-нибудь коммунистическая группа организует протест против линчевания где-то на Юге или против нового военного бюджета, так она тут как тут. Как по мне, тот факт, что Марша читает еще и «*Чикаго трибьюн*», оправдывает ее не более, чем посетителя стриптиза тот факт, что он ходит еще и в церковь. Да, это доказывает, что люди многогранны, и часто грани эти противоречат одна другой… но факт остается фактом, и одна из этих граней включает в себя наслаждение греховным, запретным, порочным. И этот человек попадает на карандаш не за то, что он ходит в церковь, а за то, что он *любит* порок и ходит смотреть на порок.

И на девяносто девять процентов твоя жена может быть настоящей американской патриоткой — хорошо готовит, аккуратно водит, честно платит подоходный налог, тратит деньги на благотворительность, печет пироги для церковных раздач. Но один-единственный оставшийся процент может связывать ее с Коммунистической партией. И этого достаточно.

Подумав мгновение, Хэмилтон был вынужден признать:

— Да, ты неплохо все изложил.

— Работа такая. Я вас с Маршей знаю с первого дня твоей работы здесь. И люблю вас — да и Эдвардс любит. Все вас любят. Но дело-то не в этом. Пока мы не изобрели телепатию и не научились залезать людям в головы, нам приходится полагаться на статистику. Нет, мы не можем доказать, что Марша иностранный агент. Но и ты не можешь доказать обратного. И при таком раскладе нам придется как-то решить вопрос с ней. Мы просто не имеем права поступить иначе. — Потирая тяжелую нижнюю губу, Макфайф добавил: — Тебе никогда не приходило в голову поинтересоваться, не коммунистка ли она?

Не приходило. Внезапно вспотев, Хэмилтон затих и лишь молча смотрел на блестящую по-

верхность стола. Ведь он никогда не сомневался в том, что Марша говорит ему правду — что она всего лишь интересовалась коммунизмом. А сейчас впервые в нем проклюнулось и стало расти подозрение — жалкое и несчастное. Но статистически возможное.

— Я спрошу у нее! — сказал он громко.

— Да? — отозвался Макфайф. — И что же она ответит?

— Конечно же, она ответит: «Нет!»

Покачав головой, Эдвардс заметил:

— Нет, Джек, так оно не работает. Подумай, и ты со мной согласишься.

Хэмилтон вскочил на ноги.

— Она на веранде сейчас. Спросите у нее сами, каждый из вас — приведите ее сюда и спросите!

— Я не собираюсь спорить с тобой, — сказал Эдвардс. — Твоя жена представляет угрозу для безопасности, и ты отстранен от работы. Или ты приносишь убедительные доказательства того, что она не является коммунистом, или избавляешься от нее. — Он пожал плечами. — Это твоя карьера, парень. Дело всей твоей жизни.

Макфайф тоже поднялся со своего места и, тяжело ступая вокруг стола, прошел к Хэмилтону. Собравшиеся начали расходиться, совещание по

вопросу допуска Хэмилтона завершилось. Подхватив инженера за руку, Макфайф потянул его в сторону двери.

— Пойдем отсюда туда, где можно отдышаться. Предлагаю выпить. Втроем — ты, я и Марша. В «Тихой Гавани» подают виски с лимонным соком — я думаю, это как раз подойдет.

2

— Я не хочу спиртного! — заявила Марша голосом на грани истерики. Побледневшая, но решительная, она уставилась на Макфайфа, игнорируя остальных служащих компании, что заполнили веранду. — Прямо сейчас мы с Джеком идем на Беватрон, чтобы посмотреть, как они вводят в действие новое оборудование. Мы давно это запланировали и ждали больше месяца.

— Моя машина на парковке, — сказал Макфайф. — Я подвезу вас. — С иронической усмешкой он добавил: — Я коп и смогу провезти вас прямо внутрь.

Пыльный «Плимут-седан» карабкался по длинному подъему в сторону городка Беватрона. Марша вдруг сказала:

— Не знаю, плакать мне или смеяться. Не могу поверить в происходящее. Вы всё это серьезно, что ли?

— Полковник Эдвардс намекнул, что Джеку стоит избавиться от тебя, как от старого пальто.

Потрясенная Марша в шоке стиснула свои перчатки и сумочку.

— Ты так и сделаешь? — обратилась она к мужу.

— Нет, — ответил Хэмилтон. — Даже если бы ты была извращенкой, алкоголичкой и коммунисткой в одном флаконе.

— Слышали?

— Да, я слышал, — кивнул Макфайф.

— И что вы об этом думаете? — уточнила Марша.

— Я думаю, что вы оба замечательные люди. Думаю, Джек не такой сукин сын, чтобы поступить иначе. И я говорил полковнику Эдвардсу, что так и будет.

— Одному из вас двоих, — сказал Хэмилтон, — места здесь нет. Один из вас должен уйти. Монетку кинуть, что ли…

Марша в ужасе и потрясении уставилась на него, ее карие глаза наполнились слезами, а пальцы бесцельно теребили перчатку.

— Ты разве не видишь? — прошептала она. — Это же ужас, что творится. Это заговор против нас с тобой. Против всех нас.

— Ну я тоже себя неловко чувствую, — признал Макфайф. Съехав с магистрали, он провел машину через контрольный пункт и въехал на территорию Беватрона. Полицейский на въезде

отдал честь и помахал ему рукой. Макфайф помахал в ответ. — В конце концов, вы мои друзья… но мой служебный долг заставляет меня писать доклады даже на друзей. Подшивать в папочку компрометирующую информацию, расследовать сплетни — думаете, мне это нравится?

— Засунь свой долг… — начал было Хэмилтон, но Марша перебила его:

— Он прав, его вины тут нет. Мы все вместе в этом — все трое.

Машина остановилась прямо у главного входа. Макфайф выключил зажигание, и они молча поднялись по широким бетонным ступеням — без энтузиазма, думая совсем о другом.

Хэмилтон оглянулся на группу инженеров, непринужденно болтавших между собой на ступенях. Это были хорошо одетые молодые люди с одинаковыми короткими стрижками и галстуками-бабочками; мимо них тек от ворот внутрь обычный ручеек экскурсантов, пожелавших наблюдать Беватрон в действии и получивших на это разрешение. Но Хэмилтона заинтересовали именно инженеры, он словно бы смотрел на себя самого со стороны. «Или, точнее, — с горечью подумал он, — на того, кем я был до сегодняшнего дня».

— Я вас догоню, — сказала Марша, промакивая потекшую тушь. — Мне нужно привести себя в порядок, собраться.

— Ладно, — пробормотал Хэмилтон, все еще глубоко погруженный в собственные мысли.

Марша торопливо удалилась, а мужчины остались наедине в гулком коридоре здания Беватрона.

— Может, оно и к лучшему, — сказал Хэмилтон. Десять лет — большой срок, более чем достаточный для любой работы. Но куда ему теперь податься? Это был хороший вопрос.

— Ты имеешь полное право обижаться, — сказал Макфайф.

— Никаких обид. Ты сделал то, что был должен. — Хэмилтон отвернулся и отошел, засунув руки в карманы.

Да, конечно же, ему было обидно. И будет обидно, пока он не разрешит конфликт лояльностей в ту или иную сторону. Но дело было не в этом — он испытал удар по всей своей налаженной жизни, по всем своим привычкам. По всему, во что верил и что принимал как должное. Макфайфу удалось пробить защиту глубочайшего уровня его существования — его брака с женщиной, что значила для него больше, чем кто угодно другой.

Кто угодно — или что угодно, вдруг понял он. Больше, чем его работа. Верность ей была для него главным жизненным ориентиром, как ни удивительно было это осознать. Оказалось, его беспокоит не конфликт лояльности, а тот факт, что они с Маршей вдруг отдалились друг от друга, что их как-то разъединило то, что произошло.

— Да, — сказал он Макфайфу. — Я чертовски обижен.

— Ты сможешь найти другую работу. С твоим-то опытом…

— Моя жена, — сказал Хэмилтон. — Я о ней говорю. Думаешь, у меня будет шанс отомстить вам? Хотелось бы. — Он вдруг понял, насколько по-детски это прозвучало. — Вы все чокнулись, — все равно продолжил он отчасти потому, что хотел это высказать, а отчасти потому, что не знал, что еще делать. — Вы губите невинных людей. Ваши параноидальные домыслы…

— Хватит, Джек, — коротко ответил Макфайф. — У тебя были все возможности. Годы возможностей. Так много времени!

Джек пытался сформулировать ответ, когда к ним вновь присоединилась Марша.

— Они сейчас будут запускать группу простых смертных. Большие шишки уже насмотрелись. —

Было заметно, что ей удалось хоть немного взять себя в руки. — Эта штука, новый отражатель, вроде как уже работает.

Хэмилтон неохотно отвернулся от массивного безопасника:

— Ну что же, пойдем.

Макфайф последовал за ними.

— Интересно, наверно, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Это точно, — отрешенно ответил Хэмилтон, осознавая, что его трясет. Глубоко вдохнув, он вошел вслед за Маршей в лифт и автоматически повернулся лицом к дверям. Макфайф поступил так же, предоставив Хэмилтону возможность всю поездку любоваться своим огненно-красным загривком. Судя по всему, он тоже был расстроен.

На втором этаже молодой негр с широкой повязкой на рукаве формировал группу посетителей. Они присоединились к этой группе. Позади них люди терпеливо дожидались своей очереди. Времени было без десяти четыре, отклоняющая система Уилкокса — Джонса уже была сфокусирована и включена.

— Ну что же, пойдемте. — Голос молодого чернокожего экскурсовода оказался высоким, а фразы — гладкими и заученными. Он повел

свою группу из холла в сторону наблюдательной площадки. — Давайте не будем задерживаться, чтобы не отнимать время у следующих групп. Как вы знаете, Беватрон был разработан и построен Комиссией по атомной энергии с целью углубленного изучения космических лучей, аналог которых мы искусственно создаем здесь в контролируемых условиях. Центральным элементом Беватрона является гигантский магнит, поле которого разгоняет пучок протонов, обеспечивая их все возрастающую энергию. Протоны, которые, как известно, заряжены положительно, поступают в линейную камеру через ускорительную трубку Кокрофта — Уолтона.

В зависимости от настроения посетители либо благодушно улыбались в ответ, либо вообще пропускали его рассказ мимо ушей. Один высокий, подтянутый и хмурый пожилой джентльмен просто стоял столбом, сложив руки на груди и излучая отрешенное презрение к науке как таковой. Солдат, заметил Хэмилтон: на куртке у мужчины виднелся какой-то потемневший от времени треугольный значок. Да и черт с ним, подумал он горько. Да и с патриотизмом тоже. И в целом, и в частности. Одного поля ягоды, солдаты и копы. Терпеть не могут интеллигентов и

негров. Да и все остальное тоже терпеть не могут — кроме пива, собак, машин и оружия.

— А нет ли брошюрки? — мягко, но довольно пронзительно поинтересовалась дорого одетая пухленькая мамаша средних лет. — Хотелось бы иметь что-то, что можно прочитать и забрать домой. Для школы.

— А сколько там вольт? — перекричал ее сын. — Больше миллиарда?

— Чуть больше шести миллиардов, — терпеливо ответил негр. — Это энергия в электронвольтах, которой протоны достигают на тот момент, когда отражатель сводит их с трека в циркулярной камере. При каждом обороте пучка по камере энергия и скорость его возрастают.

— А как быстро они движутся? — спросила стройная деловитая женщина, на вид лет тридцати с небольшим. На ней были строгие очки и классический костюм.

— Почти со скоростью света.

— А сколько кругов они делают по камере?

— Четыре миллиона, — ответил гид. — Они успевают пройти триста тысяч миль и покрывают это расстояние за 1,85 секунды.

— Невероятно, — с идиотским восторгом выдохнула богато одетая мамаша.

— Когда протоны покидают линейный ускоритель, — продолжал свой рассказ экскурсовод, — их энергия составляет десять миллионов электронвольт, или, как мы говорим, десять МэВ. Следующей проблемой является их помещение на кольцевую орбиту в абсолютно точное место под абсолютно точным углом, чтобы поле большого магнита могло их подхватить.

— А сам магнит не может этого сделать? — снова влез со своим вопросом мальчишка.

— Нет, боюсь, что не может. Для этого используется инжектор. Высокоэнергетические протоны очень легко покидают заданный трек и разлетаются во все стороны. Чтобы удержать их от выхода в расширяющуюся спираль, требуется сложная система частотной модуляции. Ну и наконец, когда пучок протонов достигает требуемой энергии, встает вопрос — как вывести их из кольцевой камеры.

Ткнув пальцем вниз, за ограждение площадки, гид указал на главный магнит, что лежал прямо под ними. Огромный, внушающий уважение своими размерами магнит по форме отдаленно напоминал пончик. От него доносился мощный гул.

— Ускорительная камера находится внутри

магнита. Ее длина четыреста футов, но, к сожалению, отсюда ее не видно.

— Интересно, — задумчиво произнес седой ветеран, — осознают ли строители этой грандиозной машины, что любой из созданных Богом самых обычных ураганов далеко превосходит по мощности все созданное человеком — включая эту машину и все остальные, вместе взятые?

— Я абсолютно уверена, что они это понимают, — с чувством превосходства ответила ему строгая молодая женщина. — Думаю, они могут назвать вам с точностью до фунта на дюйм мощность любого урагана.

Ветеран смерил ее надменным взглядом.

— Вы ученый, мадам? — мягко поинтересовался он.

Экскурсовод уже вывел большую часть группы на площадку.

— После вас, — сказал Макфайф Хэмилтону, отступая в сторону. Марша смело двинулась вперед, за ней последовал ее супруг. Макфайф, лениво изображая интерес к развешенным на стене над площадкой информационным материалам, замкнул небольшую колонну.

Поймав руку жены, Хэмилтон крепко пожал ее и прошептал Марше в ухо:

— Ты что, подумала, что я от тебя откажусь? Мы все же не в нацистской Германии.

— Пока еще нет, — ответила Марша обреченно. Она все еще выглядела бледной и подавленной, к тому же она стерла большую часть макияжа, и ее губы выглядели тонкими и бескровными. — Милый, когда я думаю о тех людях, что затащили тебя туда и ткнули в лицо мной и моими поступками, будто бы я была чем-то вроде… вроде проститутки или, может, втайне имела связь с конями… хочется просто их всех убить. И Чарли — я считала его нашим другом. Думала, что на него можно положиться. Сколько раз он приходил к нам на ужин!

— Ну мы и не в Аравии, — напомнил ей Хэмилтон. — Сколько бы раз мы ни накормили его, он от этого не стал нашим кровным братом.

— Это последний раз, когда я готовлю пирог с лимонными меренгами. И все остальные его любимые блюда. Он и его оранжевые подтяжки. Пообещай мне никогда не носить подтяжки.

— Только эластичные носки и больше ничего. — Крепко обняв жену, он предложил: — Давай спихнем ублюдка в магнит.

— Думаешь, тот его переварит? — Марша слабо усмехнулась. — Скорей выплюнет обратно. Чар-

ли несъедобный.

Мамаша, стоящая с сыном позади них, замешкалась. Макфайф отстал совсем далеко. Засунув руки в карманы, он стоял с унылой красной физиономией.

— Он тоже по-своему несчастлив, — подметила Марша. — В каком-то роде мне даже его жаль. Это не его вина.

— А чья же? Кровожадных зверюг-капиталистов с Уолл-стрит? — легко, словно в шутку, добавил Хэмилтон.

— Как ты странно говоришь, — Марша тут же встревожилась. — Я никогда не слышала от тебя таких слов. — Внезапно она схватила его за плечо. — Ты ведь на самом деле не думаешь, что… — Она отпустила его и даже слегка оттолкнула от себя. — Нет, думаешь. Ты думаешь, что это может быть правдой.

— Что может быть правдой, ты о чем? Что ты раньше состояла в Прогрессивной партии? Да я сам возил тебя на собрания в своем «Шевроле-купе», помнишь? Я это десять лет знал.

— Нет, не это. Не сами мои поступки. А то, что они *означают* — что, по их словам, они означают. Ты ведь и в самом деле так думаешь, правда?

— Ну, — сказал он неловко, — у тебя же нет

коротковолнового передатчика в подвале. Ну по крайней мере, я его как-то не замечал.

— А ты внимательно проверил? — Ее голос стал холодным, обвиняющим. — А может, он там есть, откуда ты знаешь. Может быть, я и сюда пришла, чтобы подорвать этот Беватрон, или как он там называется.

— Говори потише, — предупредил ее Хэмилтон.

— Не приказывай мне! — В гневе и бешенстве она отшатнулась от него — и столкнулась со строгим и подтянутым старым солдатом.

— Осторожней, юная леди, — предупредил ее тот, уверенно отводя подальше от перил площадки. — Не надо отсюда падать.

— Главная проблема этого сооружения, — продолжал свой рассказ экскурсовод, — заключается в отклоняющей системе, что используется для вывода пучка протонов из кольцевой камеры на столкновение с мишенью. С этой целью использовалось несколько разных методов. Изначально в нужный момент осциллятор просто отключался; это позволяло протонам вырваться наружу по спирали. Но такой род отклонения оказался слишком неточным.

— Правда ли, — хрипло спросил Хэмилтон, —

что как-то раз на старом циклотроне в Беркли пучок вырвался в неожиданную сторону?

Гид взглянул на него с интересом:

— Да, говорят, что так и было.

— Я слышал, что он прожег какой-то офис. И что будто бы обгоревшие следы видны до сих пор. А ночью, когда гасят свет, видна и радиация.

— Да, по слухам, там висит голубая дымка, — подтвердил его слова экскурсовод. — А вы сами физик, мистер?

— Электронщик, — представился Хэмилтон. — Меня интересует ваш новый дефлектор: я шапочно знаком с Лео Уилкоксом.

— Да, у Лео сегодня важный день, — согласился гид. — Его прибор только что введен в действие на установке.

— Покажите мне дефлектор, — попросил Хэмилтон.

Экскурсовод указал вниз, на сложную конструкцию близ одной из сторон магнита. Ряд заэкранированных слитков поддерживал толстую темно-серую трубу, на которой была смонтирована сложная сеть заполненных жидкостью трубочек поменьше.

— Вот работа вашего знакомого. Он сам наверняка где-то неподалеку, наблюдает.

— И как оно работает?

— Пока что неизвестно.

За спиной у Хэмилтона Марша все пятилась, пока не дошла до края площадки. Он подошел к ней.

— Веди себя как взрослый человек, — рассерженно прошептал он ей. — Раз уж мы здесь, я хочу посмотреть, что происходит.

— Эта твоя наука! Лампы и провода — все это для тебя важней, чем моя жизнь.

— Я пришел сюда, чтобы посмотреть, и этим сейчас и занимаюсь. Не мешай мне и не устраивай сцен.

— Это ты устраиваешь сцены!

— Слушай, ну ты уже достаточно глупостей наделала, тебе не кажется? — Раздраженно отвернувшись от нее, Хэмилтон пробрался мимо серьезной девушки в деловом костюме, мимо Макфайфа к помосту, который вел от наблюдательной площадки обратно в коридор. Он начал было рыться в карманах в поисках своей пачки сигарет, когда первый зловещий вой тревожных сирен прорезал спокойное гудение магнита.

– *Назад!* — закричал гид, размахивая в воздухе тонкими черными руками. Радиационная защита…

Бешеный звенящий вой накрыл смотровую площадку. Тучи светящихся частиц взмыли ввысь, взорвались и осыпались на перепуганных людей. Мерзкий запах гари ударил по их обонянию; в панике они сгрудились у выхода с площадки.

И тут появилась трещина. Металлическая подпорка, пережженная лучом жесткой радиации, оплавилась, согнулась и сломалась. Раздался громкий и пронзительный визг богатой мамаши. Макфайф прорывался назад, подальше от падающей платформы и ослепляющих потоков жесткой радиации, что шипели повсюду. Он столкнулся с Хэмилтоном; тот буквально отшвырнул прочь с дороги испуганного полисмена, прыгнул вперед и отчаянно потянулся к Марше.

Одежда на нем вспыхнула. Люди вокруг него, охваченные пламенем, бились, пытаясь выбраться наружу. Площадка под их ногами медленно и торжественно накренилась вперед, зависла на секунду, а затем просто рассыпалась.

По всему зданию Беватрона завыли автоматические системы сигнализации. Крики людей и вой сирен смешались воедино, в какофонию ужасающего шума. Пол под ногами Хэмилтона величественно просел. Сталь, бетон, пластик,

провода и трубы перестали быть твердыми и обратились в плазму, в смесь случайных частиц. Он инстинктивно выбросил вперед руки, падая лицом вниз в туманное пятно взорвавшейся машины. Воздух с тошнотворным свистом вылетел из легких, сверху на него сыпалась известка, а раскаленные частицы пепла обжигали кожу. И вот уже его тело разорвало металлическую сетку, ограждавшую магнит. Визг рвущегося металла и бешеный уровень жесткой радиации, накрывший его…

И жестокий удар об пол. Боль сделалась видимой — светящийся слиток, что стал вдруг мягким и поглощающим, словно радиоактивная стальная пряжа. Она пульсировала, расширялась и понемногу поглощала его. Охваченный болью, он представлял себя пятном влажной органической материи, что беззвучно впитывается бесконечной полосой плотной металлической ткани.

Потом исчезло даже это. Осознавая гротескную изломанность своего тела и лежа неподвижно, Хэмилтон все же бесцельно и рефлекторно пытался подняться на ноги. Хоть и понимал, что никому из них это не светит. Еще долго не светит.

3

Что-то шевельнулось в темноте.

Долго, очень долго он лежал, прислушиваясь. С закрытыми глазами он лежал, воздерживаясь от каких-либо движений, будто одно гигантское ухо. Звучало ритмичное «тук-тук», словно что-то пробралось в темноту и вслепую ощупывало все вокруг. Целую вечность он — гигантское ухо — исследовал этот звук, а затем, став гигантским мозгом, осознал, что это просто ставня бьется о стекло и что он находится в больничной палате.

Уже обычным глазом, обычным оптическим нервом, обычным человеческим мозгом он разглядел в нескольких шагах от его кровати смутный облик своей жены, колеблющийся и уплывающий. Его охватило чувство невероятной радости, благодарности судьбе. Маршу не сожгло жесткой радиацией — господи, спасибо за это. Мозг его накрыло немой благодарственной молитвой; он расслабился и ощутил от этого настоящую радость.

— Он приходит в себя, — сообщил строгий и уверенный голос врача.

— Мне тоже так кажется, — а это уже говорила Марша. Ее голос доносился словно бы со значительного расстояния. — Когда мы точно поймем?

— Я в порядке, — сумел хрипло пробормотать Хэмилтон.

Молниеносно силуэт Марши сорвался с места и бабочкой порхнул вперед.

— Любимый! — выдохнула она, нежно прижавшись к нему и лаская. — Все живы, все в порядке. Даже ты. — Сияя, словно полная луна, она радостно улыбалась ему. — Макфайф растянул лодыжку, но это пройдет. Говорят, что у мальчика сотрясение мозга.

— А ты как? — слабым голосом спросил Хэмилтон.

— Со мной тоже все в порядке. — Она покружилась, чтобы он смог рассмотреть ее со всех сторон. Вместо модных пиджачка и юбки на ней был простой белый больничный халат. — Радиация сожгла почти всю мою одежду — мне выдали вот это. — Застеснявшись, она пригладила свои темные волосы. — И смотри — они стали короче. Я обрезала обгоревшую часть. Но они отрастут.

— Можно мне встать? — спросил Хэмилтон, пытаясь для начала хотя бы сесть. Но в его голове все поплыло; он сразу же рухнул назад, тяжело

дыша. Клочья тьмы танцевали, кружась, вокруг него; он закрыл глаза и терпеливо ждал, пока они исчезнут.

— Какое-то время вы будете ощущать слабость, — пояснил ему врач. — Шок и потеря крови. — Он коснулся руки Хэмилтона. — Вас здорово порезало сеткой — рваный металл, но мы вытащили все обломки.

— Кому досталось хуже всех? — спросил Хэмилтон, не открывая глаз.

— Артуру Сильвестеру, тому старому солдату. Он так и не потерял сознания, и это очень жаль. Судя по всему, сломан позвоночник. Он сейчас в операционной.

— Старые кости хрупкие, я так думаю, — сказал Хэмилтон, изучая свою руку. Она была целиком укутана бинтом из мягкого белого пластика.

— Я пострадала меньше всех, — сказала Марша, запинаясь. — Но меня сразу вырубило. В смысле, непосредственно радиацией. Я пролетела прямо через главный луч — видела только искры и молнии. Они, конечно, тут же его выключили. Это продолжалось не дольше чем доли секунды. — Она помолчала и жалобно добавила: — Но мне показалось, что прошел миллион лет.

Доктор, опрятный молодой человек, откинул

покрывало и взял Хэмилтона за руку, считая пульс. Высокая медсестра, казалось, парила рядом с кроватью, деловито придвигая к Хэмилтону медицинское оборудование. Похоже, что все было под контролем.

Похоже… но все же что-то было не в порядке. Он чувствовал это. Глубоко внутри него возникло саднящее чувство того, что нечто важное и вместе с тем обычное отсутствует на своем месте.

— Марша, — внезапно спросил он, — ты тоже это чувствуешь?

— Что я чувствую, любимый? — Марша неуверенно подошла к нему.

— Я не знаю. Но оно здесь.

Секунду тревожно поколебавшись, Марша обернулась к доктору.

— Я ведь сказала вам, что что-то не так. Правда же, я сказала это, когда очнулась?

— Все, кто выходит из шока, сперва испытывают чувство ирреальности, — просветил ее доктор. — Это обычное явление. Через день-другой оно исчезнет. Не забывайте, что вы оба получили уколы успокоительного. И вы пережили ужасное потрясение, вас действительно ударило высокоэнергетическим пучком.

Ни Хэмилтон, ни его жена не отозвались ни

словом. Они смотрели друг на друга, пытаясь прочесть выражения на лицах.

— Думаю, нам здорово повезло, — наконец осторожно сказал Хэмилтон. Его благодарственная молитва затихла под грузом сомнений и неопределенности. *Что же было не так?* Чувство это было подсознательным, он никак не мог сосредоточиться на нем. Бегло осмотрев палату, он не увидел ничего странного, ничего, что было бы не на своем месте.

— Очень повезло, — включилась в разговор медсестра. С гордостью, словно бы это была ее персональная заслуга.

— Сколько мне еще придется пробыть здесь?

Доктор призадумался:

— Я думаю, сегодня вечером вы сможете вернуться домой. Но вам лучше соблюдать постельный режим еще день-другой. И вам обоим нужен серьезный отдых — примерно неделя. Я бы советовал нанять опытную сиделку.

— Мы не сможем себе ее позволить, — подумав, ответил Хэмилтон.

— Вам, несомненно, покроют все расходы, — обиделся доктор. — Этим вопросом занимается федеральное правительство. На вашем месте я бы лучше думал не о расходах, а о том, как скорее

встать на ноги.

— Да мне и так неплохо, — едко отозвался Хэмилтон. Он не преувеличивал; сейчас он всерьез задумался над собственной ситуацией.

Несчастный случай несчастным случаем, но ничего не изменилось. Ну если только за то время, пока он был без сознания, полковник Т. Е. Эдвардс скончался от инфаркта. Но это, конечно, вряд ли.

Когда доктора и медсестру удалось уговорить выйти, Хэмилтон сказал жене:

— Ну что ж, теперь у нас есть оправдание. Есть что сказать соседям на вопрос, отчего я не на работе.

Марша задумчиво кивнула:

— Я и забыла об этом.

— Я планирую найти какую-нибудь работу, не связанную с секретностью. Что-то не относящееся к оборонке. — Он хмуро призадумался: — Вот и Эйнштейн так же сказал, еще в 54-м. Может, в сантехники пойду. Или телемастером стану, это как-то больше по моей части.

— А ты помнишь, о какой работе ты всегда мечтал? — Присев на краешек кровати, Марша грустно изучала свои чуть неровно подстриженные волосы. — Ты же хотел конструировать

новые системы звукозаписи. И новые FM-системы. Хотел стать знаменитым в высокоточной акустике, как Боген, как Торенс и Скотт.

— Точно, — согласился он, вложив в ответ максимум убежденности. — Трехканальная Звуковая Система Хэмилтона. Помнишь ту ночь, когда мы это придумали? Три кассеты, иглы для звукоснимателя, усилители, динамики. Смонтировано в трех комнатах. В каждой комнате человек слушает свой динамик, и каждый играет свою композицию.

— Ага, и один из них играет Двойной концерт Брамса. — Марша чуточку оживилась. — Да, я помню.

— Второй — «Свадьбу» Стравинского. А третий играет музыку Дауленда для лютни. Затем мозги всех этих трех людей извлекаются и соединяются вместе в ядре Трехканальной Звуковой Системы Хэмилтона — в Музыкофонической Прямой Сети Хэмилтона. Ощущения, испытываемые тремя мозгами, смешиваются в строгой математической зависимости, основанной на константе Планка. — Рука Хэмилтона начала всерьез болеть; он хрипло закончил: — Получившаяся комбинация записывается на магнитофон и проигрывается вновь на скорости в 3,14 раза выше

изначальной.

— И прослушивается на хрустальном сервизе. — Марша быстро нагнулась и обняла его. — Любимый, когда я пришла в себя, то была уверена, что ты мертв. Пожалей меня — ты на самом деле был как труп, весь белый, ни звука, ни движения. Я думала, у меня сердце разорвется.

— Я застрахован, — сказал он серьезно. — Ты бы стала богатой.

— Не хочу быть богатой. — Горестно раскачиваясь, но не переставая обнимать его, Марша прошептала: — Только взгляни, что я наделала для тебя. Просто из-за того, что мне скучно, что я любопытна и вожусь с политическими фриками, ты потерял свою работу и свое будущее. Так бы и пнула сама себя. Ну как я могла подписывать Стокгольмское воззвание, зная, что ты работаешь над управляемыми ракетами? Но я такая, кто бы мне ни предложил какую-то тему, меня *всегда* несет. Бедные угнетенные массы.

— Не переживай насчет этого, — сквозь зубы сказал он ей. — Если б дело было в 43-м, у тебя было бы все в порядке, а Макфайф вылетел бы с работы. Как опасный фашист.

— Он такой и есть, — с чувством отозвалась Марша. — *Он и есть* опасный фашист.

Хэмилтон оттолкнул ее.

— Макфайф — ярый патриот и реакционер. Но это не делает его фашистом. Разве что ты считаешь каждого, кто не…

— Давай не будем об этом, — поспешно перебила его Марша. — Тебе вредно волноваться, ведь так? — Она страстно и пылко поцеловала его в губы. — Обождем до дома.

Когда она отстранялась, он поймал ее за руку.

– Что же не так? Что изменилось?

Она бессильно покачала головой.

— Не знаю. Не могу понять сама. С того момента, как я пришла в себя, мне постоянно кажется, что это прямо за спиной. Прямо чувствую. Словно… — Она развела руками. — Как будто если обернешься, то увидишь… не знаю что. Что-то таящееся. Что-то ужасное. — Она опасливо поежилась. — Это пугает меня.

— Меня тоже.

— Может быть, мы поймем, что это, — неуверенно предположила Марша. — Может быть, ничего и нет… просто шок и успокоительные, как доктор и сказал.

Хэмилтон не верил в это. Да она и сама не верила.

Домой их отвез штатный терапевт, подхватив

попутно и строгую молодую бизнес-леди. Она тоже была в простом больничном халате. Все втроем они тихонько сидели на заднем сиденье, а минивэн «паккард» пробирался по темным улочкам Белмонта.

— Они полагают, что у меня трещины в паре ребер, — бесстрастно сообщила им попутчица. Вскоре она сочла нужным представиться: — Меня зовут Джоан Рейсс. Я видела вас обоих раньше… вы заходили в мой магазин.

— А что за магазин? — спросил Хэмилтон, мельком представив жену и себя.

— Магазин книг и художественных принадлежностей на Эль Камино. В августе прошлого года вы покупали полноформатное издание Шагала от фирмы «Скира».

— Да, действительно, — кивнула Марша. — Это был день рождения Джека… мы развесили эти репродукции по стенам. Внизу, в комнате аудиофила.

— В подвале, — пояснил Хэмилтон.

— Вот что, — внезапно сказала Марша; пальцы ее судорожно перебирали что-то в сумочке. — Ты обратил внимание на доктора?

— На доктора? — удивился он. — Нет, не особенно.

— Вот и я об этом же. Он такой, знаешь… Как мыльный пузырь. Как доктора из рекламы зубной пасты.

Джоан Рейсс внимательно прислушивалась.

— Вы о чем?

— Да так, — коротко ответил Хэмилтон. — О личном.

— И еще сестра. Она тоже была такой… усредненной. Как все медсестры, которых ты когда-либо видел.

Хэмилтон в задумчивости уставился в ночь за окном машины.

— Возможно, это результат влияния СМИ, — предположил он. — Люди выбирают свой собственный образ на основе рекламы. Правда же, мисс Рейсс?

— Я хотела у вас кое о чем спросить, — сказала мисс Рейсс. — Я заметила нечто сильно меня удивившее.

— И что же это? — с подозрением спросил Хэмилтон. Мисс Рейсс никак не могла знать, о чем конкретно они говорили между собой.

— Тот полицейский на площадке… перед тем, как она рухнула. Почему он там находился?

— Он приехал с нами, — сердито отрезал Хэмилтон.

Мисс Рейсс пристально посмотрела на него:

— В самом деле? Я думала, что, возможно… — Ее голос затих на середине фразы. — Мне показалось, что он повернулся и бросился бежать непосредственно перед тем, как платформа рухнула.

— Так и было, — согласился Хэмилтон. — Он почувствовал, как она падает. И я тоже — только я бросился в другую сторону.

— Вы имеете в виду, что вернулись сознательно? Вместо того, чтобы спасаться?

— Моя жена, — с некоторым раздражением напомнил ей Хэмилтон.

Мисс Рейсс кивнула, явно удовлетворенная ответом:

— Я прошу прощения… шок и нервное напряжение. Нам повезло. Кому-то не очень. Удивительно все же: кто-то почти не получил травм, а у этого старого солдата, мистера Сильвестера, сломан позвоночник. Удивительно.

— Извините, я забыл сообщить вам, — внезапно вступил в разговор врач, ведущий машину, — позвоночник Артура Сильвестера цел. Похоже, что он обошелся выщербленным позвонком и повреждениями селезенки.

— Отлично, — пробормотал Хэмилтон. — А что с экскурсоводом? Никто о нем даже не упомянул.

— Какие-то внутренние повреждения, — ответил терапевт. — Окончательный диагноз еще не поставлен.

— Он все еще ждет в приемном покое? — поинтересовалась Марша.

Доктор засмеялся.

— Вы имеете в виду Билла Лоуса? Да его первым оттуда выкатили, у него есть друзья среди нашего персонала.

— И вот что еще, — вдруг сказала Марша. — С учетом высоты падения и всей этой радиации — ведь никто из нас серьезно не пострадал. Вот мы, все трое, едем домой, словно ничего не случилось. Этого не может быть. Мы не должны были отделаться так легко.

Не сумев более контролировать своих эмоций, Хэмилтон раздраженно ответил:

— Скорее всего, мы упали на кучу защитных устройств. Да черт побери…

Он многое еще хотел сказать, но ему не удалось этого сделать. По его правой ноге хлестнула острая, резкая боль. Он с криком подпрыгнул, врезавшись головой в потолок машины. Отчаянным движением он закатал штанину — как раз вовремя, для того чтобы увидеть, как с нее сползает маленькое крылатое существо.

— Что с тобой? — тревожно спросила Марша. И тут она тоже увидела это. — Пчела!

В бешенстве Хэмилтон наступил на пчелу, растирая ее каблуком.

— Ужалила меня, прямо в мякоть икры! — Некрасивая багровая опухоль уже начала формироваться в месте укуса. — Да когда же это все кончится?

Терапевт быстро остановил машину на обочине дороги.

— Вы убили ее? Они набиваются в машину во время парковки. Извините меня… с вами все в порядке? У меня с собой есть мазь, которая может помочь.

— Переживу, — мрачно ответил Хэмилтон, осторожно массируя отек. — Пчела, ну надо же. Мало нам сегодня было неприятностей.

— Мы уже скоро будем дома, — попыталась утешить его Марша, выглядывая в окно автомобиля. — Мисс Рейсс, приглашаю в гости, у нас найдется чего выпить.

— Ну… — заколебалась мисс Рейсс, теребя губу тонким пальцем, — думаю, чашка кофе мне бы совсем не помешала. Если у вас найдется лишняя.

— Безусловно, найдется, — быстро сказала Марша. — Нам стоит держаться вместе — всей

нашей восьмерке. Мы ведь такой ужас пережили вместе.

— Будем надеяться, что все закончилось, — хмуро сказала мисс Рейсс.

— Аминь, — подытожил Хэмилтон. В следующую минуту автомобиль подъехал к бордюру и остановился: они прибыли домой.

— До чего милый у вас дом, — не удержалась от похвалы мисс Рейсс, когда все они выбрались из машины. В вечерних сумерках современный двухспальный домик в стиле калифорнийского ранчо тихонько ждал, когда они поднимутся по дорожке к переднему крыльцу. А на крыльце, тоже в ожидании, лежал крупный рыжий кот, упрятав лапы себе под брюхо.

— Это кот Джека, — сказала Марша, копаясь в сумочке в поисках ключа. — Ждет, когда его покормят. — Она строго обратилась к коту: — Заходи внутрь, Дурачок Нинни. Здесь мы тебя кормить не будем.

— Какое странное имя, — заметила мисс Рейсс с легкой брезгливостью. — Почему вы его так назвали?

— Потому что он глуп, — коротко ответил Хэмилтон.

— Джек зовет так всех своих котов, — пояснила

Марша. — Предыдущего он назвал Парнассус Тупп.

Здоровенный, потрепанный жизнью котяра поднялся и спрыгнул с крыльца на дорожку. Скользнув к Хэмилтону, он шумно потерся о его ногу. Мисс Рейсс отшатнулась с явным отвращением.

— Мне никогда не нравились коты, — призналась она. — Они коварные, себе на уме.

В обычной ситуации Хэмилтон разразился бы краткой проповедью о вреде стереотипов. Но сию секунду его на редкость мало интересовало, что мисс Рейсс думает о котах. Вставив свой ключ в замок, он распахнул переднюю дверь и зажег свет в гостиной. Славный маленький домик ожил, и дамы прошли внутрь. Вслед за ними проследовал Дурачок Нинни, направляясь прямиком на кухню. Его не раз драный хвост торчал рыжей трубой строго вертикально вверх.

Не сменив даже своего больничного халата, Марша открыла холодильник и достала оттуда зеленый пластиковый контейнер. Нарезая мясо — вареные бычьи сердца — и бросая кусочки коту, она начала рассказывать:

— У большинства гениев-электронщиков есть механические зверюшки — бабочки, что летят

на свет, и прочая робоживность, что мечется под ногами, натыкаясь на все подряд. Мы когда только поженились, Джек собрал одного такого робота — тот ловил мух и мышей. Но Джеку показалось мало, и он собрал еще одного, чтоб тот ловил первого.

— Космическая справедливость, — заметил Джек, снимая шляпу и пальто. — Я просто не хотел, чтобы они заселили весь мир.

Пока Дурачок Нинни жадно пожирал свой ужин, Марша зашла в спальню, чтобы переодеться. Мисс Рейсс прошлась по гостиной, опытным взглядом оценивая вазы, гравюры, мебель.

— У котов нет души, — похоронным тоном сказал Хэмилтон, глядя, как жадно насыщается его кот. — Самый величественный и гордый в мире кот за кусок свиной печенки обучится балансировать морковкой на носу.

— Ну да, они животные, — подтвердила мисс Рейсс из гостиной. — Эту репродукцию Пауля Клее вы у нас купили?

— Вполне возможно.

— Я никогда не понимала, что же, собственно, Клее пытался сказать.

— А может, он ничего и не пытался. Может, он просто развлекался. — Рука Хэмилтона опять

заныла, он попытался представить себе, как она выглядит под повязкой. — Вы, кажется, хотели кофе?

— Да, кофе — и покрепче, — кивнула мисс Рейсс. — Вам помочь?

— Спасибо, не надо. Просто располагайтесь поудобнее. — Хэмилтон автоматически потянулся к кофеварке. — Там, рядом с диваном, есть стойка для журналов, а на ней где-то должна быть «История» Тойнби.

— Милый, — послышался голос Марши из спальни — резкий и тревожный. — Ты не мог бы подойти?

Он бросился на ее призыв, расплескивая воду из кофеварки, которая так и осталась в руке. Марша стояла у окна, явно собираясь задернуть жалюзи. Она всматривалась в ночь, но на ее лице застыла беспокойная, тревожная гримаса.

— Что случилось? — бросил Хэмилтон.

— Посмотри сам.

Он посмотрел, но увидел лишь смутное пятно сумрака и нечеткие очертания домов. Тут и там слабо светились несколько огоньков. Небо было пасмурным, низкий туман стлался над самыми крышами. Все было неподвижным. Безжизненным, мертвенным. Безлюдным.

— Прямо как в Средневековье, — тихонько сказала Марша.

Отчего им так показалось? Он тоже видел это; но объективно вид был вполне заурядным, даже прозаическим — обычный вид из окна его спальни в полдесятого вечера, перед холодной октябрьской ночью.

— И вдобавок мы еще говорим так странно. — Марша поежилась. — Ты вон завел речь о душе Нинни. Ты ведь никогда раньше так не говорил.

— Раньше — это когда?

— Пока мы не приехали. — Она отвернулась от окна и потянулась за своей рубашкой в клетку; та висела на спинке стула. — И… ну это, конечно, глупо, но… ты действительно видел, как доктор уехал в своем автомобиле? Ты попрощался с ним? Вообще — произошло ли на самом деле *хоть что-то?*

— Ну, во всяком случае, он не с нами, — заметил Хэмилтон нейтрально.

С огромными серьезными глазами Марша медленно застегнула пуговицы на рубашке и заправила полы ее в домашние мягкие брюки.

— У меня, похоже, горячка, как они и предупреждали. Этот шок, эти уколы… но ведь действительно, вокруг настолько тихо! Слов-

но мы последние выжившие. И живем в сером заточении, без света, без красок, в каком-то… первобытном месте. Ты же помнишь, что говорят древние религии? Перед космосом был хаос. Перед тем, как суша была отделена от воды. Перед тем, как тьма была отделена от света. И ни у чего тогда не было имен и названий.

— Но у Нинни есть имя, — вежливо обратил ее внимание Хэмилтон. — И у тебя есть, и у мисс Рейсс. И даже у Пауля Клее.

На кухню они вернулись вместе. Марша сама занялась приготовлением кофе; через минуту кофеварка уже яростно бурлила. Однако у мисс Рейсс, сидящей неестественно прямо близ кухонного стола, вид был крайне напряженным: ее суровое бесцветное лицо застыло в глубочайшей сосредоточенности, словно она переживала некую внутреннюю бурю. Она была некрасивой, но весьма решительно выглядящей молодой женщиной: ее жидкие русые волосы были плотно стянуты в узел на затылке, нос был тонким и острым, а губы сомкнуты в неодобрительную линию. Мисс Рейсс выглядела как женщина, которую не стоит недооценивать.

— О чем это вы там говорили? — спросила она, размешивая свой кофе.

Мгновенно обозлившись, Хэмилтон ответил:

— Мы обсуждали личные вопросы. А что?

— Ну же, милый, — попыталась успокоить его Марша.

Грубо разглядывая мисс Рейсс, Хэмилтон бросил:

— Вы всегда так себя ведете? Шпионите, подслушиваете, подсматриваете?

На скованном лице женщины не отразилось ни одной эмоции.

— Мне приходится соблюдать осторожность, — объяснила она. — Этот несчастный случай сегодня лишний раз напомнил мне, в какой опасности я нахожусь. — Она тут же поправилась: — Если это можно назвать случаем, конечно.

— Но почему именно вы? — заинтересовался Хэмилтон.

Мисс Рейсс не ответила, она наблюдала за Дурачком Нинни. Огромный кот, весь в боевых шрамах, закончил свой ужин и теперь прикидывал, у кого бы полежать на руках.

— Что с ним такое? — высоким испуганным голосом спросила мисс Рейсс. — Почему он на меня так смотрит?

— Просто вы единственная сидите, — успокаивающим тоном ответила Марша. — Он хочет

запрыгнуть к вам на руки и поспать.

В ужасе привстав, мисс Рейсс замахала на кота руками.

— Не приближайся ко мне! Держи подальше от меня свою грязную шкуру! — Она обратилась к Хэмилтону: — Понимаете, если б у них хотя бы не было блох, это было бы не так противно. А у этого в придачу злобный вид. Думаю, он ведь не одну птичку поймал и сожрал?

— Штук по шесть-семь в день ловит, — ответил Хэмилтон, все более злясь.

— Да-да, — согласилась мисс Рейсс, боязливо отодвигаясь от озадаченного кота. — Вижу, что он настоящий убийца. Уверена, в городе должны действовать какие-то запреты. Агрессивные и злобные домашние животные, представляющие угрозу, должны хотя бы иметь регистрацию. И еще городу стоило бы…

— Кстати, не только ведь птички, — прервал ее Хэмилтон, которого захлестнуло волной безжалостного издевательского садизма. — Еще змеи и грызуны. А сегодня утром он притащил мертвого кролика.

— Милый, — резко сказала Марша, заметив, что мисс Рейсс сжалась в непритворном ужасе. — Некоторые люди просто не любят котов. Никто ведь

не обязан разделять твои вкусы.

— Еще мышек, маленьких, пушистых таких, — жестоко добил гостью Хэмилтон. — Десятками прямо. Часть он сам ест — часть приносит нам. А однажды утром принес голову старушки.

Мисс Рейсс панически взвизгнула, в ужасе отдернулась от него, жалкая и беззащитная. Хэмилтон тут же почувствовал укол вины. Проклиная самого себя, он уже открыл было рот, чтобы извиниться, взять назад свою неуместную шутку…

Прямо из воздуха над его головой на него пролился дождь саранчи. Почти погребенный под копошащейся массой, Хэмилтон отчаянно пытался выбраться. Обе женщины и кот застыли, не веря своим глазам. Какое-то время он барахтался, отбиваясь от орды ползучих, кусающих, жалящих насекомых. Потом, выбравшись, он сумел смахнуть их с себя и отступить в угол, тяжело дыша.

— Господь милосердный, — прошептала Марша, пятясь подальше от жужжащей, пульсирующей кучи.

— Что… произошло? — кое-как выдавила из себя мисс Рейсс, не в силах отвести взгляд от горы шевелящихся насекомых. — Это же невозможно!

— Ну, — сказал слабым голосом Хэмилтон, —

тем не менее это произошло.

— Но *как?* — воскликнула Марша. Они все четверо попятились из кухни, подальше от пролившегося потопа из крыльев и хитиновых тел. — Такого просто не бывает.

— И все же это ложится в систему, — измученно и тихо выдавил из себя Хэмилтон. — Пчела — помнишь? Мы оказались правы, кое-что действительно произошло. И все сходится. Все одно к одному. В этом есть смысл.

4

Марша Хэмилтон спала в своей постели. Теплое утреннее солнце желтыми брызгами ложилось на ее обнаженные плечи, на покрывало, на пол из наборной серой керамики. Тем временем в ванной комнате Джек Хэмилтон усердно брился, невзирая на гудящую боль в покалеченной руке. Зеркало, покрытое паром и каплями воды, отражало пенную пародию на его привычное лицо.

К утру дом стих и пришел в себя. Большая часть саранчи, явившейся прошлым вечером, куда-то расползлась; лишь изредка сухой стрекот напоминал о том, что сколько-то насекомых еще осталось в стенах. Все выглядело нормальным. Мимо дома прогрохотал молочный фургон. Марша сонно вздохнула и пошевелилась, не просыпаясь, выпростав одну руку из-под одеяла. На заднем крыльце Дурачок Нинни как раз собирался войти в дом.

Очень осторожно, контролируя каждое свое движение, Хэмилтон закончил бриться, ополоснул бритву, обработал тальком скулы и шею и потянулся за чистой белой рубашкой. Лежа без

сна этой ночью, он постановил для себя, что начнет именно в этот момент — сразу после бритья, чистый, причесанный, одетый, абсолютно бодрствующий.

Неловко опустившись на одно колено, он сложил ладони вместе, закрыл глаза, глубоко вздохнул и начал.

— Дорогой Господь, — сказал он невеселым полушепотом, — мне стыдно за то, что я сделал с бедной мисс Рейсс. Если Ты не против, то можно Ты простишь меня?

Он оставался коленопреклоненным еще примерно с минуту, прикидывая, достаточно ли этого. И дошло ли послание по адресу. Но мало-помалу уколы злости вытеснили его робкое раскаяние. Это было так неестественно, взрослому человеку преклонить колено! Это было недостойной, унизительной позой для взрослого… И он к ней совершенно не привык. От досады он добавил к своей молитве заключительную часть.

— Скажем честно — она это заслужила. — Его хриплый шепот поплыл по тихому дому. Марша снова вздохнула и свернулась калачиком. Скоро она уже проснется. Во дворе Дурачок Нинни озадаченно скребся в дверь и удивлялся, отчего она никак не открывается.

— Вдумайся в то, что она сказала, — продолжал Хэмилтон, тщательно подбирая слова. — Именно такие взгляды, как у нее, привели в итоге к лагерям смерти. Человек она негибкий, с компульсивным типом личности. А от фелинофобии[2] один шаг до антисемитизма.

Ответа не было. Да и какого ответа он ждал? Конкретно — *какого*? Он и сам был не уверен. Ну хоть чего-то. Какого-то знака.

Может быть, просто не дошло. В последний раз, когда он хоть как-то соприкасался с религией вообще, ему было семь лет, и это был полузабытый класс воскресной школы. Предыдущим вечером он постарался тщательно изучить вопрос, прочел все, что нашлось в доме, но не нашел ничего конкретного. Лишь понял, что по вопросу существует обширная литература. Точные формулировки, протокол… Похоже, что это обещало быть потруднее, чем спор с полковником Эдвардсом.

И все же в чем-то сходным.

Он все еще пребывал в коленопреклоненной позе, когда за его спиной раздался звук. Быстро обернувшись, он заметил чей-то силуэт, осторожно пробирающийся через гостиную. Человек в

---

[2] Примечания: 2

Фелинофобия — навязчивая боязнь кошек.

свитере и брюках; молодой негр.

— Это вы и есть мой знак свыше? — саркастически спросил Хэмилтон.

На лице чернокожего читалась крайняя усталость.

— Вы помните, кто я. Я экскурсовод, привел вашу группу на площадку. Я обдумывал произошедшее пятнадцать часов без перерыва.

— Вы ни в чем не виноваты, — сказал Хэмилтон. — Вы упали вниз, точно так же, как и все мы. — Поднявшись на затекших ногах, он вышел из ванной комнаты в зал. — Вы завтракали?

— Я не голоден. — Негр пристально посмотрел на него. — Что вы там делали? Неужели *молились?*

— Да, в самом деле, — признался Хэмилтон.

— Это естественно для вас?

— Нет. — Он поколебался, но закончил: — Я не молился с восьми лет.

Чернокожий задумался.

— Меня зовут Билл Лоус. — Они обменялись рукопожатиями. — Вы поняли, в чем дело, очевидно. Когда до вас дошло?

— Где-то между вчерашним вечером и сегодняшним утром.

— Случилось что-то необычное?

Хэмилтон рассказал про пчелу и дождь из саранчи.

— Причинно-следственную связь заметить было несложно. Я солгал — и был наказан. А перед этим я сквернословил — и тоже был наказан. Причина — и следствие.

— Зря тратите время в молитве, — коротко сказал Лоус. — Я пробовал. Толку ноль.

— А вы о чем молились?

Лоус с ироничной усмешкой ткнул в свою черную кожу чуть выше воротничка.

— Догадайтесь с одного раза. Но все слишком непросто… всегда так было и всегда будет.

— Я слышу сильную обиду в ваших словах, — осторожно ответил Хэмилтон.

— Ну это было серьезным шоком. — Лоус прошелся по комнате. — Простите, что я так к вам вломился. Но дверь была не заперта, и я рассудил, что вы уже встали. Вы ведь занимаетесь исследованиями в области электроники?

— Да, это так.

Ухмыльнувшись, Лоус сказал:

— Тогда здравствуй, брат. Я выпускник физического факультета. Это мне и помогло стать экскурсоводом. Нынче трудно устроиться по специальности: большая конкуренция. — Он

добавил: — Точней, так они говорят.

— А как ты догадался?

— Обо всем этом? — Лоус пожал плечами. — Да действительно нетрудно было. — Из кармана он извлек клочок ткани, развернул его и достал небольшой осколок металла. — Давным-давно моя сестра заставила меня носить это постоянно. Сейчас это уже стало привычкой. — Он бросил Хэмилтону амулет. На том были выгравированы уже порядком стершиеся за годы благочестивые слова о вере и надежде.

— Давай, — сказал Лоус. — Используй его.

— Использовать его? — Хэмилтон откровенно не понял. — Честно говоря, мне все это совсем непривычно.

— Твоя рука. — Лоус нетерпеливым жестом показал на нее. — Амулет сейчас работает. Приложи его к своей ране. Лучше сначала сними бинт: при непосредственном физическом контакте получается лучше. *Соприкосновение*, понимаешь? Я именно так залечил все свои переломы и ссадины.

Скептически и очень осторожно Хэмилтон отмотал край бинта. В утреннем свете свежая, влажная рана заалела кровью. Секунду помедлив, он приложил к ней холодный кусочек металла.

— Ну вот, пошло, — сказал Лоус.

Безобразная рваная рана начала исчезать. На глазах Хэмилтона кроваво-мясной цвет сменился бледно-розовым. Оранжевое сияние поползло по ране, порез съежился, высох и затянулся. Остался лишь белесый шрам, узкий и почти незаметный. Пульсирующая боль исчезла.

— Вот так, — сказал Лоус, протягивая руку за амулетом.

— А раньше он работал?

— Нет, никогда. Пустая болтовня. — Лоус убрал амулет в карман. — Надо будет попробовать оставить на ночь в воде несколько волос. К утру будут черви, само собой. Хочешь знать, как лечить диабет? Половину растертой жабы смешать с молоком девственницы, носить на шее в старой фланелевой тряпочке, которую сперва намочить водой из пруда.

— Так ты думаешь, что вся эта чушь…

— Да, будет работать. Все так, как у крестьян в поверьях. До сих пор они ошибались. Но теперь ошибаемся мы.

В дверях спальни появилась Марша в халате, волосы падали на ее лицо, глаза еще щурились от сна.

— О, — сказала она, узнав Лоуса. — Это вы. При-

вет, как дела?

— Спасибо, порядок, — ответил Лоус автоматически.

Протирая глаза, Марша обернулась к мужу:

— Как спалось?

— Я спал. — Но что-то в ее голосе, какая-то непривычная резкая торопливость, заставило его переспросить: — А что?

— Снилось что-нибудь?

Хэмилтон попытался припомнить. Он ворочался с боку на бок, метался во сне, ему чудились какие-то смутные фантасмагории. Но точно сказать не получалось.

— Нет, — признал он.

Странное выражение появилось на усталом лице Лоуса.

— А вам что снилось, миссис Хэмилтон? Что это был за сон?

— Да что-то вообще безумное. Строго говоря, это был даже не сон. Я имею в виду, ничего не происходило. Просто — было.

— Некое место?

— Да, место. И мы.

— Все мы? — напряженно спросил Лоус. — Все восемь?

— Да, — кивнула она убежденно. — Мы лежали

там, где упали. Там внизу, на Беватроне. Все мы просто лежали ничком. Без сознания. И ничего не происходило. Время застыло. Ничего не менялось.

— А в углу там, — уточнил Лоус, — не было ли какого-то движения? Может быть, медики, санитары?

— Да, — повторила Марша. — Но они не двигались. Просто стояли на чем-то вроде лестницы. Застывшие.

— Они двигаются, — сказал Лоус. — Мне тоже это снилось. И сначала я тоже думал, что они не движутся, но нет. Движутся. Только очень медленно.

Повисло тяжелое молчание.

Напряженно ища объяснение, Хэмилтон медленно проговорил:

— Ну, судя по вашим словам… — Он пожал плечами. — Это травматические воспоминания. Момент шока. Он врезался в наши мозги, и мы никогда от него не избавимся.

— Но, — напряженно сказала Марша, — *оно все еще продолжается. Мы все еще там.*

— Там? Так и лежим на Беватроне?

Она кивнула с тревогой:

— Я это чувствую. Я в это верю.

Почувствовав крайнюю тревогу в ее голосе, Хэмилтон сменил тему.

— Сюрприз, — сказал он жене, демонстрируя свою свежевылеченную руку. — Билл просто зашел и сотворил чудо.

— Нет, не я, — категорически отказался Лоус, блеснув темными глазами. — В гробу бы я видал творить чудеса.

— Ведь это твой амулет сработал. — Хэмилтон удивленно потер свою руку.

Лоус еще раз взглянул на свой металлический амулет удачи.

— А может, мы просто погрузились в самую что ни на есть реальную реальность. Может быть, оно всегда было тут, в глубине?

Марша медленно двинулась в их сторону.

— Мы ведь все мертвы, правда? — спросила она хрипло.

— Похоже, что все же нет, — ответил Хэмилтон. — Мы все еще в Белмонте, штат Калифорния. Вот только это другой Белмонт. Кое-что изменилось там и тут. Что-то добавилось. И кто-то рыщет вокруг.

— Что же теперь? — спросил Лоус.

— Не спрашивай у меня, — сказал Хэмилтон. — Это не я забросил нас сюда. Очевидно, инцидент

на Беватроне привел к этому. Чем бы *это* ни было.

— А я вам скажу, что будет дальше, — спокойно сообщила Марша.

— Что же?

— Я пойду и найду себе работу.

Хэмилтон поднял бровь.

— Какого рода работу?

— Любого. Машинисткой, продавщицей, телефонисткой. Чтобы нам не умереть с голода… ты помнишь?

— Я помню, — сказал Хэмилтон. — Но ты останешься дома и протрешь пыль с камина, поиском работы займусь я. — Он указал на свой свежевыбритый подбородок и чистую рубашку. — Я уже сделал пару шагов в этом направлении.

— Но, — взмолилась Марша, — ты ведь потерял работу из-за меня!

— А может, нам и не придется больше никогда работать, — задумчиво-иронически произнес Лоус. — А может, нам всего и нужно раскрыть рты и ждать, когда с неба спустится манна.

— Думаю, ты уже пробовал, — сказал Хэмилтон.

— Ну да, я пробовал. И не получилось. Но у некоторых получается. Нам вообще надо бы заняться

и вычислить механику всего происходящего. У этого мира — или что уж это такое — есть свои законы. Да, совсем не те, к которым мы привыкли. Кое-что мы уже знаем. Амулеты работают. Это значит, что работает теперь вся система благословений. — Лоус задумался. — И возможно, проклятий.

— И спасения, — пробормотала Марша. Ее карие глаза расширились. — Господи Боже. Как вы думаете, Небеса реально существуют?

— Наверняка, — согласился Хэмилтон. Он зашел в спальню и мгновение спустя показался оттуда, завязывая галстук. — Но все это потом. Прямо сейчас я поехал в город. У нас на счету ровно пятьдесят долларов, и мне не хотелось бы помереть от голода, пытаясь запустить эту систему молитв.

Хэмилтон забрал свой «Форд Бизнес-купе» с парковки ракетного завода. Машина все еще стояла на месте с надписью «Забронировано для Джона В. Хэмилтона».

Он покинул Белмонт по Эль Камино Реал и полчаса спустя уже въезжал с юга в Сан-Франциско. Когда он запарковался на отсыпанной гравием площадке рядом с «кадиллаками» и «крайслерами» сотрудников EDA, Агентства по развитию

электроники, часы над местным отделением Банка Америки показывали полдвенадцатого.

Здания Агентства располагались справа от него — белые бетонные кубы на фоне холмов растущего промышленного города. Когда-то давно, когда у него только вышла самая первая работа по продвинутой электронике, EDA попыталось переманить его из «Калифорния Мэйнтенанс». Корпорацию возглавлял один из лучших статистиков страны, Гай Тиллингфорд; блестящий и необычный человек, он к тому же был близким другом отца Хэмилтона.

Если ему суждено было найти где-то работу — это было именно здесь. И что важнее всего, EDA в настоящий момент не занималось военными разработками. Доктор Тиллингфорд, в прошлом бывший членом группы, создавшей в Принстоне Институт современных исследований (до официального роспуска этой группы), больше интересовался чистой наукой, нежели прикладной. И в результате именно EDA производило самые прорывные компьютеры, величественные электронные мозги, что использовались в промышленности и науке по всему западному миру.

— Да, мистер Хэмилтон, — сказала ему маленькая, но очень толковая секретарша, быстро

перелистав его бумаги. — Я доложу доктору о вашем визите… уверена, что он будет рад повидаться с вами.

Хэмилтон напряженно расхаживал по холлу, потирая ладони и вознося краткую молитву. Молитва давалась легко; именно сейчас ее не приходилось выжимать из себя. Пятьдесят долларов в банке не та сумма, что позволила бы семье Хэмилтон продержаться долго… даже в этом мире чудес и дождя из саранчи.

— Джек, мальчик мой! — загремел зычный голос. Доктор Гай Тиллингфорд показался в дверях своего офиса, лучась приветливой улыбкой на постаревшем лице и протягивая руку. — До чего ж я рад тебя видеть! Сколько мы не встречались? Лет десять?

— Вроде того, — признал Хэмилтон. Они обменялись сердечным рукопожатием. — Отлично выглядите, доктор.

В офисе Тиллингфорда стояли в ожидании инженеры и техники, все как один молодые умники с короткими стрижками, при галстуках, гладко выбритые. Не обращая на них внимания, доктор Тиллингфорд провел Хэмилтона через ряд обшитых деревом дверей в свой личный кабинет.

— Тут мы можем спокойно поговорить, — со-

общил он, плюхнувшись в огромное кресло, обтянутое черной кожей. — Я завел себе это помещение — что-то вроде личного места для уединения, где можно помедитировать и обрести второе дыхание. — Погрустнев, он добавил: — Похоже, что я уже не выдерживаю эти ежедневные жернова, как раньше. Пару раз в день приходится заползать сюда… чтобы восстановить силы.

— Я ушел из «Калифорния Мэйнтенанс», — сказал Хэмилтон.

— Да? — Тиллингфорд одобрительно кивнул. — Молодец. Дурное место. Слишком много думают об оружии. Они вовсе не ученые — они наемники правительства.

— Я не подавал заявления об уходе. Меня выгнали. — В нескольких словах Хэмилтон обрисовал ситуацию.

Какое-то время Тиллингфорд молчал. Потом он задумчиво поковырялся в зубах, озабоченно сведя брови домиком.

— Я помню Маршу. Милая девочка. Она мне всегда нравилась. Да, нынче всей этой безопасности стало слишком много. Но здесь об этом можно не волноваться. На текущий момент у нас нет контрактов с правительством. Башня из слоновой кости. — Он сухо хмыкнул. — Последний

бастион чистого знания.

— Как думаете, я вам пригожусь? — спросил Хэмилтон, изо всех сил стараясь, чтобы это прозвучало бесстрастно.

— Да почему бы и нет? — Как бы от нечего делать, Тиллингфорд достал небольшое молитвенное колесо и начал его раскручивать. — Я знаком с твоими работами… Конечно, лучше было б заполучить тебя раньше, честно уж говоря.

Заинтересованный, загипнотизированный, Хэмилтон уставился на молитвенное колесо Тиллингфорда. Он не верил своим глазам.

— Нет, ну есть, конечно, рутинные вопросы, — отметил Тиллингфорд, продолжая крутить колесо. — Да, рутина… но тебе не придется заполнять никакие письменные формы, я у тебя так спрошу. Ты ведь не пьешь, верно?

— Э-э-э, что? — беспомощно переспросил Хэмилтон.

— Понимаешь, в этом деле с Маршей все же есть определенная проблема. Конечно, нам нет дела до вопросов безопасности… но кое о чем у тебя мне все же придется спросить. Джек, ответь мне честно. — Тиллингфорд достал из кармана томик в черной обложке с золотым тиснением на нем — «Речения Второго Баба» — и протянул его

Хэмилтону. — В колледже, когда вы участвовали в радикальных группах, вы ведь не занимались… скажем так, «свободной любовью»?

Хэмилтон был не в силах ответить. Обескураженный и притихший, он стоял, держа томик «Речений», еще теплый, только что из внутреннего кармана Тиллингфорда. Пара молодых умников EDA тихонько вошла в комнату; они остановились у дверей, уважительно наблюдая. В своих длинных лабораторных халатах они выглядели удивительно торжественно и покорно. Коротко стриженные головы их напоминали выбритые черепа молодых монахов… Странное дело, он никогда раньше не замечал, насколько эта популярная стрижка похожа на древние религиозные практики монашеских орденов. Эти двое ведь были типичными физиками-вундеркиндами, куда же девалась их обычная живость, дерзость?

— Ну и раз уж мы начали этот разговор, — сказал доктор Тиллингфорд, — пожалуй, стоит спросить вот еще о чем. Джек, мальчик мой, положи руку на «Речения» и ответь мне честно. Нашел ли ты Единственные Истинные Врата к святому спасению?

Все в комнате теперь смотрели на него. Он

закашлялся, отчаянно зарделся, беспомощно попытался найти какой-то ответ.

— Доктор, — умудрился он произнести наконец, — думаю, что я зайду сюда как-нибудь в другой раз.

С озабоченным видом Тиллингфорд снял очки и внимательно взглянул на собеседника.

— Джек, ты плохо себя чувствуешь?

— Я очень сильно нервничаю. Потеря работы… — Тут же Хэмилтон добавил: — И другие проблемы. Мы с Маршей буквально вчера попали в страшную аварию. Новый отражатель не сработал, и нас окатило жестким излучением — там, на Беватроне.

— О да, — согласился Тиллингфорд. — Я слышал об этом. К счастью, никто не погиб.

— Эти восемь человек, — взял слово один из молодых аскетов-инженеров, — не иначе были ведомы Пророком. Они упали с очень большой высоты.

— Доктор, — хрипло сказал Хэмилтон, — не могли бы вы порекомендовать мне хорошего психиатра?

Лицо пожилого ученого буквально застыло; он явно не верил своим ушам.

– *Кого?* Мальчик мой, у тебя плохо с головой?

— Да, — ответил Хэмилтон. — Судя по всему.

— Так, мы обсудим это позже, — коротко сказал Тиллингфорд перехваченным голосом. Нетерпеливым жестом он отослал прочь двух своих инженеров. — Спускайтесь в мечеть, — велел он, — и медитируйте, пока я вас не вызову.

Те повиновались, одарив на прощание Хэмилтона внимательными задумчивыми взглядами.

— Ты можешь довериться мне, — тяжело сказал Тиллингфорд. — Я твой друг. Я знал твоего отца, Джек, и он был великим физиком. Таких больше не делают. Я всегда возлагал на тебя большие надежды. Что сказать, я был разочарован, когда ты стал работать в «Калифорния Мэйнтенанс». Но, конечно, всем нам надо склониться пред Волей Космоса.

— А могу ли я задать несколько вопросов? — Холодный пот стекал по шее Хэмилтона, прямо на его крахмальный белый воротничок. — Это ведь все еще научная организация, не так ли? Или?..

— Все еще? — Тиллингфорд был явно озадачен. Он вынул из безвольных пальцев Хэмилтона свою книгу. — Не понимаю, к чему ты клонишь, мальчик мой. Говори конкретно.

— Давайте скажем так. Я был оторван от жизни. Глубоко погрузившись в свою работу, я потерял

контакт, связь с тем, что делают остальные в моей профессии. И, — закончил он отчаянно, — я совершенно не представляю себе, что происходит и в других областях. Может быть… вы могли бы кратко ознакомить меня со всеобщей картиной?

— Да, общая картина, — повторил Тиллингфорд, кивая с пониманием. — Что ж, обычное дело, потерять с миром связь — таковы издержки избыточной специализации. Честно говоря, я и сам не слишком многое могу тебе рассказать. Наша работа в EDA расписана довольно жестко, можно даже сказать, «*предписана*». У себя в «КалМэйн» ты разрабатывал оружие для использования против неверных — это просто и понятно. Абсолютно прикладная наука, ведь так?

— Именно так, — согласился Хэмилтон.

— А здесь мы работаем над вечной и базовой проблемой — проблемой коммуникаций. Наша работа — и поверь, это непростая работа — обеспечить фундаментальную электронную структуру связи. У нас есть электронщики — вроде тебя. У нас есть консультанты по семантике — лучшие в стране. У нас отличные исследователи-психологи. И все вместе мы составляем команду, работающую над основной проблемой существования человека — поддержанием на-

дежно работающего канала связи между Землей и Небесами.

Доктор Тиллингфорд продолжал:

— Хотя ты, без сомнения, уже знаком с этим, я все же повторю еще раз. Прежде, когда коммуникация не была еще подвергнута строгому научному анализу, существовало множество систем, основанных на случайности. Жертвенные костры — попытки привлечь внимание Бога, раздражая Его обоняние и вкус. Очень грубый, совершенно ненаучный метод. Громкая молитва, распевание гимнов — необразованные классы до сих пор практикуют это. Ладно, пусть поют свои гимны и декламируют свои молитвы. — Он нажал какую-то кнопку, и одна из стен комнаты стала прозрачной. Хэмилтон увидел современную исследовательскую лабораторию, раскинувшуюся кольцом вокруг офиса Тиллингфорда: слой за слоем — люди и оборудование, самая лучшая техника и самые лучшие инженеры.

— Норберт Винер, — сказал Тиллингфорд. — Ты должен помнить его работы по кибернетике. И, что еще важнее, работа Энрико Дестини в области теофонии.

— Что это?

Тиллингфорд недоуменно поднял бровь.

— Но ты же специалист, мальчик мой. Коммуникация между человеком и Богом, конечно. Используя работу Винера, а также неоценимый материал Шэннона и Уивера, Дестини сумел построить первую реально действующую систему связи между Землей и Небесами в 1946 году. Конечно, в его распоряжении было все оборудование, оставшееся от Войны с Ордами Язычников, этими проклятыми поклонниками Вотана, восхваляющими священные дубы гуннами.

— Вы имеете в виду нацистов?

— Да, я слышал этот термин. Жаргон социологов, верно? И еще этот Отрицатель Пророка, этот Анти-Баб. Говорят, он жив до сих пор, где-то в Аргентине. Нашел эликсир вечной молодости или что-то в этом роде. Он заключил пакт с дьяволом еще в 39-м, ну ты помнишь. Или это было до тебя еще? Но ты все равно должен об этом знать — это история.

— Я знаю, — сказал Хэмилтон глухо.

— И все же были еще такие люди, что не видели огненной надписи на стене. Иногда мне кажется, что Верных стоит приструнить. Несколько водородных бомб туда и сюда да мощный поток атеизма, который просто не удастся остановить…

— Другие профессии, — напомнил Хэмилтон. — Как у них дела? Физика. Что насчет физиков?

— Физика как наука закончилась, — проинформировал его Тиллингфорд. — О материальном мире известно практически все — да и было известно столетия назад. Физика стала теоретической частью инженерной науки.

— А инженеры?

В ответ Тиллингфорд подтолкнул к нему свежий, ноябрьский номер «Журнала прикладных наук».

— Основная статья даст тебе отличное представление, я думаю. Этот Хиршбейн очень талантлив.

Статья называлась «Теоретические аспекты проблемы сооружения резервуаров». Ниже шел подзаголовок: «О необходимости поддержания постоянного источника чистой и неразбавленной благодати для всех крупных населенных пунктов».

— Благодати? — выдавил из себя Хэмилтон.

— Инженеры, — объяснил ему Тиллингфорд, — заняты в основном прокладкой линий снабжения благодатью для каждого бабиистского сообщества в мире. В каком-то смысле это перекликается с нашей задачей — держать открытыми линии

коммуникации.

— И это все, чем они заняты?

— Ну, — признал Тиллингфорд, — существует еще постоянная необходимость строить мечети, храмы, алтари. Господь — суровый заказчик, ты же понимаешь; Его требования всегда крайне точны. Честно сказать — не для передачи, — я этим парням не завидую. Одна ошибка — и, — он щелкнул пальцами, — *пуфф!*

— Пуфф?

— Молния.

— О, — сказал Хэмилтон. — Действительно.

— Так что в инженеры идет довольно мало толковых ребят. Уровень смертности высоковат. — Тиллингфорд вгляделся в него с отеческой заботой. — Мальчик мой, теперь-то ты видишь, что ты действительно работаешь в отличной профессии?

— Я никогда в этом не сомневался, — хрипло сказал Хэмилтон. — Было просто интересно узнать, как дела у других.

— Я вполне доволен твоим моральным статусом, — сказал ему Тиллингфорд. — Я знаю, что ты из доброй, чистой, богобоязненной семьи. Твой отец был воплощенной честностью и скромностью. Я, кстати, до сих получаю от него весточки

изредка.

— Весточки? — дрожащим голосом переспросил Хэмилтон.

— У него все совсем неплохо. Он, само собой, скучает по тебе. — Тиллингфорд указал на интерком у себя на столе. — Если только захочешь.

— Нет, — сказал Хэмилтон, непроизвольно отшатнувшись. — Мне все еще очень не по себе после того несчастного случая. Сейчас мне это не по силам.

— Как пожелаешь. — Тиллингфорд по-дружески хлопнул по плечу молодого человека. — Хочешь взглянуть на наши лаборатории? Позволь похвастаться: у нас есть на редкость хорошее оборудование. — Понизив голос до шепота, он признался: — Немало помолиться пришлось, впрочем. Те ребята с твоей прошлой работы, «КалМэйн», они тоже много шума подняли.

— Но оборудование досталось вам.

— О да. Ну, в конце концов, это же мы прокладываем линии связи. — Ухмыльнувшись и хитро подмигнув, Тиллингфорд повел его за собой к выходу. — Сейчас я сдам тебя нашему директору по кадрам… он оформит официальный прием на работу.

Директор по кадрам оказался веселым жиз-

нелюбивым человеком; он радостно улыбнулся Хэмилтону, когда тот добрел до его кабинета для оформления бумаг.

— Мы с радостью примем ваше заявление о приеме на работу, мистер Хэмилтон. EDA очень нужны люди с вашим опытом. А уж если доктор знает вас лично…

— Проведи его без задержек, — дал поручение Тиллингфорд. — Отбрось всю бюрократию и переходи прямо к профессиональному тестированию.

— Хорошо, — согласился директор, вынимая собственную копию «Речений Второго Баба». Он положил книгу на стол, закрыл глаза, повел пальцем по страницам и открыл наугад. Тиллингфорд пристально всматривался через его плечо; о чем-то шепотом совещаясь, они вместе изучили найденный отрывок.

— Отлично, — сказал наконец Тиллингфорд удовлетворенно. — Добро получено.

— Безусловно, так и есть, — согласился директор по кадрам. Хэмилтону же он сказал: — Вам может быть интересно: это одно из самых чистых согласий, что я видел в этом году. — Быстро и деловито он прочитал: — Видение 1931: глава 6, стих 14, строка 1. «Да, Истинная Вера плавит

храбрость в неверующем; ибо ему ведома мера гнева Господня; он знает, какою мерой наполняется глиняный сосуд». — Он с треском захлопнул том и вновь положил его на свой стол. Оба мужчины дружески улыбались Хэмилтону, излучая доброжелательность и профессиональное удовлетворение.

Полностью ошарашенный, не знающий, что и думать, Хэмилтон уцепился за ту тонкую, но крепкую нить, что и привела его сюда.

— Могу ли я спросить о зарплате? Или это тоже чересчур… — Он попытался обернуть вопрос в шутку. — Или это тоже слишком грубый и материальный вопрос?

На лицах его собеседников появилось непонимание.

— О зарплате?

— Да, о зарплате, — ответил Хэмилтон, чувствуя, что вот-вот сорвется в истерику. — Может, помните: это такая вещь, которую бухгалтерия выдает каждые две недели. Чтобы наемный персонал слишком не возмущался.

— Как и заведено, — сказал со спокойным достоинством Тиллингфорд, — сотрудники IBM будут пополнять твой кредит каждые десять дней. — Обратившись к директору по персоналу,

он спросил: — Сколько там точно? Никогда не помнил этих подробностей.

— Я сейчас спрошу у бухгалтера. — Кадровик вышел из кабинета и почти сразу же вернулся с информацией. — Вам будет присвоен рейтинг 4-А. Через полгода вы получите 5-А. Как вам? Совсем неплохо для молодого человека тридцати двух лет.

— Что это такое 4-А?

После небольшой паузы директор по персоналу бросил потрясенный взгляд на Тиллингфорда, нервно облизал губы и ответил:

— IBM ведет Книгу Дебетов и Кредитов. Космические Записи. — Он взмахнул руками. — Ну знаете, Великий Неизменяемый Свиток Грехов и Добродетелей. EDA работает на Господа, следовательно, вы слуга Господа. Вашей оплатой будут четыре кредита раз в десять дней, четыре линейные единицы на пути к вашему спасению. IBM позаботится о всех деталях — в конце концов, ради этого они и существуют.

Это было логично. Глубоко вдохнув, Хэмилтон сказал:

— Прекрасно. Я забыл — прошу извинить мое состояние. Но, — отчаянно обратился он к Тиллингфорду, — на что мы с Маршей будем жить?

Нам же придется оплачивать наши счета, да и просто *питаться!*

— Так как ты являешься слугой Господа, — твердо ответил Тиллингфорд, — все твои потребности будут удовлетворены. У тебя есть экземпляр «Речений»?

— Д-да, — сказал Хэмилтон.

— Ну так просто позаботься о том, чтоб твоя вера не иссякла. Я бы предположил, что человек твоего морального калибра, занимающийся такой работой, может молиться о получении и, соответственно, получать — как минимум… — он быстро прикинул, — четыре сотни в неделю. Как ты считаешь, Эрни?

Директор по персоналу согласно кивнул:

— Не меньше.

— Вот еще что, последнее, — заторопился Хэмилтон, увидевший, что доктор Тиллингфорд собрался уходить, решив вопрос ко всеобщему удовлетворению. — Я спрашивал у вас сегодня насчет психиатра…

— Мальчик мой, — остановился Тиллингфорд. — Насчет этого могу сказать тебе одно и только одно. Жизнь твоя — и ты вправе прожить ее как захочешь. Не хочу указывать тебе, что делать и что думать. Твое духовное существование

полностью лежит между тобой и Единственным Истинным Богом. Но если ты планируешь обратиться к шарлатанам, и…

— Шарлатанам? — вырвалось у Хэмилтона.

— Это полусумасшедшие. Они годятся для профанов. Необразованные личности, как я понимаю, слетаются к ним в огромных количествах. Я видел статистику на этот счет; грустно даже и подумать, насколько ослеплена публика. Но тебе я советую вот что. — Он достал из кармана халата блокнот и карандаш, быстро нацарапал записку. — Это единственная верная дорога. Я думаю, что, если ты до сих пор на нее не встал, никакой разницы, к сожалению, уже не будет. Но нам велено продолжать пытаться. В конце концов, вечность — это очень долго.

Записка гласила: «Пророк Хорэс Клэмп. Гробница Второго Баба. Шайенн, штат Вайоминг».

— Именно так, — сказал Тиллингфорд. — Сразу на самый верх. Ты удивлен? Мальчик мой, это знак того, что я очень обеспокоен.

— Большое спасибо. — Хэмилтон автоматически спрятал записку в карман. — Конечно, как скажете.

— Я именно так и говорю, — повторил Тиллингфорд тоном абсолютной власти и уверен-

ности. — Второй Бабиизм есть единственная Истинная Вера, мальчик мой; это единственная гарантия достижения Рая. Господь говорит через Хорэса Клэмпа и более ни через кого. Поезжай туда прямо завтра; на работу можешь выйти позже, это неважно. Если кто и может спасти твою бессмертную душу от огней Вечного Проклятия, так это Пророк Хорэс Клэмп.

5

Пока Хэмилтон неуверенно искал выход из комплекса зданий EDA, за ним тихо следовала группа молодых людей — руки в карманах, улыбчивые, ничего не выражающие лица. Когда он рылся в карманах в поисках ключей от машины, они уже целенаправленно двинулись к нему через гравийную парковку.

— Привет! — сказал один из них.

Все они были молодые. Все белокурые. Все носили короткие стрижки и аскетически белые лабораторные халаты. Молодые умники-инженеры Тиллингфорда, суперспособные сотрудники EDA.

— Чего вам? — спросил Хэмилтон.

— Уезжаете? — спросил вожак.

— Так точно.

Группа задумалась над этой информацией. Через какое-то время вожак заметил:

— Но вы вернетесь.

— Послушайте… — начал было Хэмилтон, но юноша перебил его.

— Тиллингфорд нанял вас, — констатировал

он. — На будущей неделе вы выйдете на работу. Вы прошли входные тесты и сейчас шаритесь по лабораториям, вынюхивая и высматривая.

— Да, я прошел тесты, — признал Хэмилтон, — но это еще не значит, что я выйду на работу. Строго говоря…

— Меня зовут Брэйди, — снова прервал его лидер группы. — Боб Брэйди. Вы могли видеть меня внутри. Я был с Тиллингфордом, когда вы появились. — Пристально глядя на Хэмилтона, Брэйди закончил: — Отдел кадров может быть вами доволен, но мы — нет. В отделе кадров сидят непосвященные, профаны. Все, что у них есть, — это несколько стандартных бюрократических тестов, и все на этом.

— Мы не профаны, — вклинился кто-то из группы Брэйди.

— Послушайте, — начал вновь Хэмилтон, увидев для себя некоторую надежду. — Возможно, мы еще сработаемся. Я всего лишь поразился: как это вы, образованные люди, можете соглашаться на эту проверку — гадание по книге. Это ведь никоим образом не адекватный подход к измерению подготовленности и способностей человека. В исследовательском учреждении такого типа…

— С нашей точки зрения, — неумолимо про-

должал Брэйди, — вы язычник, пока не будет доказано обратное. А язычники не работают в EDA. У нас тут свои профессиональные стандарты.

— И вы не готовы к этой работе, — добавил кто-то. — Покажите нам ваш Н-рейтинг.

— Ваш Н-рейтинг. — Брэйди протянул руку и застыл в ожидании. — У вас ведь есть свежая нимбограмма, да?

— Да что-то я не припомню, — неуверенно ответил Хэмилтон.

— Так я и думал. Нет никакого Н-рейтинга. — Из кармана своего халата Брэйди вытащил небольшую перфокарту. — В этой группе нет никого с Н-рейтингом ниже чем 4,6. Так, на глаз, я бы предположил, что у вас нет даже 2,0. Что скажете?

— Вы язычник, — жестко сказал один из молодых инженеров. — Какая наглость — пытаться пролезть сюда!

— У меня тут столько же прав, сколько у любого из вас, — раздраженно отрезал Хэмилтон.

— Остается испытать вас, — задумчиво сказал Брэйди. — Божий суд решит этот вопрос раз и навсегда.

— Отлично. — Хэмилтон даже обрадовался. Он стянул куртку и забросил ее в машину. — Я готов

побороться с любым из вас.

Но никто не обратил на него внимания; молодые инженеры собрались кружком и что-то обсуждали. Предвечернее солнце над головой начинало склоняться к закату. По шоссе неслись машины. Здания EDA стерильно чистым блеском отражали постепенно гаснущий свет.

— Так. — Брэйди принял решение. Достав замысловатой формы зажигалку, он торжественно приблизился к Хэмилтону. — Давайте сюда ваш большой палец.

— Мой большой палец?

— Испытание огнем, — объяснил Брэйди, щелкая зажигалкой. Появился язычок бледно-желтого пламени. — Покажите ваш дух. Покажите, что вы мужчина.

— Я мужчина, — злобно огрызнулся Хэмилтон, — но будь я проклят, если я суну свой палец в это пламя лишь для того, чтоб вы, психи, устроили инициацию своего студенческого братства. Я думал, что навсегда с этим покончил, когда выпустился из колледжа.

Все инженеры выставили свои большие пальцы. Брэйди методично поднес горящую зажигалку к каждому из них. Ни на одном не появилось ни малейшего следа ожога.

— Ваша очередь, — торжественно сказал Брэйди. — Будьте мужчиной, Хэмилтон. Помните, что вы не скот безмозглый.

— Ступайте в ад, — горячо ответил Хэмилтон. — И уберите от меня свою зажигалку.

— Вы отказываетесь предстать пред испытанием огнем? — многозначительно уточнил Брэйди.

Неохотно Хэмилтон выставил вперед свой большой палец. Возможно, в этом мире зажигалки не обжигают. Возможно, сам не зная этого, он неуязвим к огню. Возможно…

— Оу! — выкрикнул Хэмилтон, резко отдергивая руку.

Инженеры мрачно закивали.

— Ну вот, — сказал Брэйди, с триумфальной улыбкой пряча зажигалку. — Вот так.

Хэмилтон беспомощно потирал свой обожженный палец.

— Вы просто садисты, — сказал он обвинительно. — Вы зацикленные на Боге фанатики. Все вы родом из Средневековья. Вы — мусульмане!

— Берегись, — предупредил Брэйди. — Ты говоришь с Защитником Единого Истинного Бога.

— Помни об этом, — пропел один из его подручных.

— Может, ты и Защитник Единого Истинного

Бога, — сказал Хэмилтон, — зато я электронщик высочайшего класса. Подумай об этом.

— Я думаю, — хладнокровно ответил Брэйди.

— Ты можешь сунуть палец в дугу сварки. Ты можешь искупаться в плавильной печи.

— Все так, — подтвердил Брэйди. — Могу. Но какое это имеет отношение к электронике?

Бешено глядя на юношу, Хэмилтон сказал:

— О'кей, умник. Я вызываю тебя на состязание. Давай выясним, каковы твои научные познания.

— Ты вызываешь Защитника Единого Истинного Бога? — переспросил Брэйди изумленно.

— Именно так.

— Но… — Брэйди взмахнул рукой. — Это нелогично. Езжай домой, Хэмилтон. Тобой сейчас владеют твои гормоны.

— Трусишь никак? — поддел его Хэмилтон.

— Но ты ведь не можешь выиграть. Это же аксиома: ты проиграешь. Подумай, во что ты ввязываешься. Защитник Единого Истинного Бога побеждает всегда, по определению — любой другой исход был бы отрицанием Его могущества.

— Кончай тянуть, — сказал Хэмилтон. — Можешь задавать мне первый вопрос. Три вопроса для каждого из нас. Касающихся прикладной и теоретической электроники. Согласен?

— Согласен, — неохотно ответил Брэйди. Остальные инженеры столпились вокруг, потрясенные и завороженные неожиданным поворотом событий. — Мне жаль тебя, Хэмилтон. Ты явно не понимаешь, что происходит. Ну ладно бы еще профан с улицы повел себя столь нелогичным образом, но человек, хотя бы отчасти разбирающийся в электронике…

— Спрашивай, — велел ему Хэмилтон.

— Сформулируй закон Ома, — сказал Брэйди.

Хэмилтон моргнул от неожиданности. С тем же успехом можно было просить его посчитать от одного до десяти — ну как тут ошибешься?

— Это и есть твой первый вопрос?

— Сформулируй закон Ома, — повторил Брэйди. Его губы беззвучно зашевелились.

— Что происходит? — подозрительно спросил Хэмилтон. — Что ты там бормочешь?

— Я молюсь, — признался Брэйди. — О помощи Господа.

— Закон Ома, — начал Хэмилтон. — Сопротивление тела прохождению электрического тока… — Он остановился.

— Что не так? — поинтересовался Брэйди.

— Ты отвлекаешь меня. Можешь помолиться позже?

— Сейчас! — с нажимом ответил Брэйди. — Позже будет бессмысленно.

Пытаясь не обращать внимания на оппонента, Хэмилтон продолжил:

— Сопротивление тела прохождению электрического тока описывается следующим уравнением: R равняется…

— Ну же, — подбодрил его Брэйди.

Разум Хэмилтона внезапно отяжелел странной, мертвящей тяжестью. В нем замелькали ряды символов, чисел, уравнений. Словно бабочки, слова и фразы пустились в пляс, и невозможно было ухватиться ни за одно.

— Абсолютная единица сопротивления, — сказал он хрипло, — определяется как сопротивление проводника, в котором…

— По мне, так это совсем непохоже на закон Ома, — сказал Брэйди. Обернувшись к своим друзьям, он спросил: — А вам кажется ли это похожим на закон Ома?

Те благочестиво закачали головами.

— Я побежден, — не веря в происходящее, сказал Хэмилтон. — Я не могу даже сформулировать закон Ома.

— Славен будь Господь, — ответил Брэйди.

«Язычник сражен, — с ученым видом записал

один из инженеров. — Состязание закончено».

— Но это же нечестно, — запротестовал Хэмилтон. — Я знаю закон Ома не хуже, чем собственное имя!

— Взгляни в лицо фактам, — посоветовал ему Брэйди. — Признай, что ты язычник и непричастен благодати Господа.

— Не должен ли я у тебя что-нибудь спросить в свою очередь?

Брэйди подумал.

— Без проблем. Давай. Все, что захочешь.

— Электронный луч изменяет траекторию, — начал Хэмилтон, — если проходит между двумя пластинами, к которым приложено напряжение. На электроны действует сила под прямым углом к направлению их движения. Пусть длина пластины составляет L1. Пусть расстояние от центра пластин до…

Он осекся. Чуть-чуть выше головы Брэйди, близ его правого уха возникли рот и рука. Рот негромко шептал что-то в ухо Брэйди, рука же рассеивала слова, не давая Хэмилтону услышать их.

— Кто это?! — вскричал он в ярости.

— Прошу прощения? — с невинным видом спросил Брэйди, жестом отгоняя рот и руку.

— Кто подсказывает тебе? Кто дает тебе инфор-

мацию?

— Ангел Господень, — ответил Брэйди. — Разумеется.

Хэмилтон сломался.

— Я сдаюсь. Ты победил.

— Продолжай же, — предложил Брэйди. — Ты хотел попросить меня рассчитать отклонение луча вот по этой формуле… — И в нескольких точных фразах он обрисовал цифры, которые Хэмилтон составил в глубине своего разума. — Верно?

— Это нечестно! Самое наглое и дерзкое жульничество…

Ангельский рот ухмыльнулся и сказал что-то грубое в ухо Брэйди. Тот позволил себе мимолетную улыбку.

— Очень смешно, — признал он. — И очень метко.

Огромный рот уже начал было таять в воздухе, когда Хэмилтон сказал:

— Подожди минутку. Повиси здесь. Я хочу поговорить с тобой.

Рот остановился.

— Что у тебя на уме? — спросил он громовым, раскатистым голосом.

— Да ты наверняка уже знаешь, — ответил

Хэмилтон. — Ты ведь уже посмотрел.

Рот презрительно скривился.

— Если ты можешь заглядывать в умы людей, — сказал Хэмилтон, — то можешь заглядывать и в их сердца.

— Что это, о чем ты? — непонимающе и беспокойно спросил Брэйди. — Иди и спрашивай своего собственного ангела.

— Есть такая строка в Писании, — продолжал Хэмилтон. — Что-то насчет того, что желание грешить столь же дурно, сколь и сам грех.

— Да о чем ты там бормочешь? — уже раздраженно вскричал Брэйди.

— Насколько я понимаю этот древний псалом, — сказал Хэмилтон, — это утверждение касается психологической проблемы мотивации. Оно определяет мотив в качестве основного морального ориентира, а реально совершенный грех — как всего лишь открытую часть злонравного желания. Добро и зло определяются, таким образом, не тем, что человек совершает, но тем, что он чувствует.

Ангельский рот изобразил гримасу согласия.

— Ты говоришь правду.

— Эти люди, — сказал Хэмилтон, указывая на инженеров, — *изображают* из себя Защитников

Единого Истинного Бога. Они искореняют язычество. Но в сердцах их таятся недобрые мотивы. Под их на вид фанатично преданными деяниями лежит твердое ядро греховного вожделения.

Брэйди нервно сглотнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Твоя мотивация не допускать меня в EDA — корыстная. Ты завидуешь мне. А зависть как мотивация недопустима. Я обращаю внимание на это как ваш единоверец. — Хэмилтон добавил мягко: — Это мой долг.

— Зависть, — повторил ангел. — Да, зависть, она же ревность, подпадает под категорию греха. За единственным исключением: Господь наш — ревнивый Бог. В этом виде термин означает лишь то, что может существовать только один Единый Истинный Бог. Поклонение иным псевдобогам есть отрицание Его Природы, возврат к доисламским верованиям.

— Но, — запротестовал Брэйди, — любой бабиист может ревностно изучать Божьи труды!

— Ревностно тут означает, что он исключает все остальные труды и привязанности, — сказал ангел. — Да, это единственное значение термина, которое не связано с отрицательными моральными характеристиками. Можно говорить о

ревностной защите своего наследия, что означает в данном случае фанатичную решимость охранять то, что принадлежит только одному. Однако же этот язычник обвиняет тебя в ревности в другом смысле — в том, что ты хочешь не допустить его до справедливо принадлежащей ему должности. И твоей мотивацией при этом является завистливая, злонравная и скупая жадность — коротко говоря, отказ подчиниться Назначению Космоса.

— Но… — Брэйди отчаянно взмахнул руками.

— Этот язычник верно указал на то, что добрые с виду деяния, которые, однако, вызваны злыми намерениями, являются лишь фальшиво добрыми. Ваши акты фанатичного поклонения перекрываются вашей порочной алчностью. И хотя ваши деяния и направлены на поддержание дела Единого Истинного Бога, но души ваши нечисты и запятнаны.

— Дай определение термина «нечистый»… — начал Брэйди, но было уже слишком поздно. Приговор был вынесен. Солнце над головой беззвучно съежилось, приобрело болезненно-желтый оттенок, а потом исчезло вовсе. Жестокий сухой ветер засвистел вокруг перепуганных сотрудников. Почва под ногами иссохла, стала пустынной.

— Вы сможете подать свои апелляции позже, — промолвил ангел из мрачной тьмы, явно собираясь покинуть их. — У вас будет более чем достаточно времени для использования обычных каналов.

То, что было частью цветущего пейзажа, окружавшего здания EDA, стало теперь выжженным квадратом засушливой пустоши. Тут ничего не росло. Деревья и трава превратились в сухие стебли. Наказанные же принялись уменьшаться в размерах, пока не стали приземистыми сгорбленными фигурами, темнокожими и волосатыми, с открытыми ссадинами на грязных руках и лицах. Покрасневшие глаза их наполнились слезами; они отчаянно переглядывались.

— Прокляты, — безнадежно проскрипел Брэйди. — Мы прокляты.

И действительно, они очевидно и однозначно потеряли спасение. Карликовые сгорбленные фигурки жалко копошились вокруг, несчастные и лишенные цели. Ночная тьма лежала на них, воздух был полон парящей пыли. По выжженной земле под их ногами проползла змея, а вскоре послышалось и первое клацанье клешней скорпиона…

— Мне жаль, — рассеянно произнес Хэмил-

тон, — но правда всегда выходит наружу.

Брэйди злобно взглянул на него снизу вверх. Покрасневшие глаза злобно светились на его заросшем шерстью лице, космы грязных волос свисали на уши и шею.

— Язычник, — пробормотал он и отвернулся.

— Добродетель есть сама себе награда, — напомнил ему Хэмилтон. — Пути Господа неисповедимы. Нет ничего успешнее успеха.

Вернувшись к своей машине, он уселся и вставил ключ в замок зажигания. Облака пыли опускались на ветровое стекло; он включил стартер. Однако ничего не происходило: мотор отказывался заводиться. Какое-то время он бесцельно тратил заряд аккумулятора, соображая, что же могло сломаться. Затем, к своему ужасу, заметил, как изменилась, выцвела обшивка кресел. Яркие и красочные ткани стали мутными, неясных цветов. К сожалению, машина попала в зону действия проклятия.

Хэмилтон открыл бардачок и извлек свой зачитанный справочник по ремонту машин. Но толстенькая брошюра больше не содержала схем конструкции автомобиля — вместо этого она стала сборником обычных повседневных молитв.

В этом мире молитва замещала знание меха-

ники. Развернув книгу перед собой, он включил первую скорость, нажал на газ и отпустил сцепление.

— Нет бога, кроме Единого Бога, — начал он, — и Второй Баб есть…

Мотор завелся, и машина с шумом двинулась вперед. Кряхтя, скрипя и стреляя, она выползла с парковки на улицу. Там, позади Хэмилтона, проклятые инженеры остались бродить по своему отравленному квадрату земли. Они уже начали спорить между собой относительно правильной тактики апелляции, цитируя даты и авторитетов. Они вернут себе свой статус, понял Хэмилтон. Они справятся.

Чтобы вернуться по шоссе в Белмонт, потребовались четыре разные повседневные молитвы. В одном месте, проезжая автосервис, он подумал было остановиться на ремонт. Но вывеска заставила его нажать на газ:

НИКОЛТОН И СЫНОВЬЯ

АВТОЛЕЧЕНИЕ

А под вывеской была небольшая витрина с духовной литературой, увенчанная слоганом: «Каждый день и с каждой молитвой моя машина

все молодеет».

После пятой молитвы двигатель наконец заработал как положено. Да и обшивка кресел приобрела свой первоначальный блеск. К нему вернулась определенная уверенность — он сумел выбраться из довольно поганой ситуации. В каждом мире есть свои законы. Все, в общем, сводилось к тому, чтобы изучить их.

Сейчас вечер уже спустился повсюду. Машины мчались по Эль Камино, их огни слепили глаза. Сзади в темноте подмигивали огни Сан-Матео. Над головой зловещие тучи покрывали ночное небо. Максимально осторожно ведя машину, Хэмилтон перестроился из потоков пригородного траффика на выезд с магистрали.

Слева от него лежала территория «Калифорния Мэйнтенанс». Но ехать на ракетный завод смысла не было; его не ждали там даже в его родном мире, и один Бог знал, как дела обстояли тут. Интуиция подсказывала, что могло быть только хуже. Намного хуже. Человек типа полковника Эдвардса в этом мире мог натворить невообразимо много.

Справа же светился маленький знакомый оазис. Эх, сколько вечеров он провел, отдыхая в «Тихой гавани»... Находящийся прямо напротив

ракетного завода бар был излюбленным местом, где сотрудники пили пиво жаркими летними днями.

Запарковав машину, Хэмилтон вышел из нее и отправился вниз по темному тротуару. Начало потихоньку накрапывать, когда он с облегчением подошел к привычно переливающейся неоном рекламе местного пива. «Golden Glow», «Золотистый отсвет».

Бар был полон народа и дружелюбного шума. Хэмилтон мгновение постоял в дверях, наслаждаясь присутствием обычного грешного люда. Ну хотя бы это не изменилось. Те же самые дальнобойщики в черных кожанках торчали над своим пивом в дальнем углу стойки бара. Та же самая голосистая молодая блондинка оседлала свой стул — неизбежная фея из бара, пьющая подкрашенную виски воду. Музыкальный автомат в ярких наклейках бешено орал из своего угла близ плиты. Пара лысеющих работяг в стороне ожесточенно сражалась в шаффл-борд.

Протискиваясь среди посетителей, Хэмилтон добрался до ряда табуретов. Прямо по центру, близ огромного зеркала, размахивая пивной кружкой и перекрикиваясь со случайными дружками, возвышалась знакомая фигура.

В усталом и измученном мозгу Хэмилтона расцвела извращенная радость.

— Я-то думал, ты помер, — сообщил он, хлопая Макфайфа по плечу. — Здорово, жалкий ублюдок!

Макфайф от неожиданности крутнулся на табурете, расплескивая пиво.

— Да будь я проклят. Привет, коммуняка! — На радостях он махнул бармену: — Налей моему приятелю пивка, черт бы драл!

Хэмилтон сказал озабоченно:

— Давай-ка чуть потише. Ты не слыхал, что ли?

— О чем еще?

— О том, что произошло. — Хэмилтон занял свободный табурет. — Ты разве не заметил? Не видишь никакой разницы между тем, что было, и тем, что стало?

— Заметил, — сказал Макфайф. Непохоже было, чтоб это его как-то волновало. Откинув полу своего пальто, он продемонстрировал Хэмилтону то, что носил на себе. С него свисали амулеты удачи — все до единого, какие только можно придумать, целый набор для каждой ситуации. — Я опережаю тебя на двадцать четыре часа, друг, — сказал он. — Не знаю, кто такой этот Баб и откуда

они выкопали эту замшелую арабскую религию, но меня это вообще не беспокоит. — Поглаживая один из амулетов, золотой медальон с таинственными символами на нем, выгравированными в виде пересекающихся кругов, он добавил: — Без глупостей тут со мной, не то я вызову нашествие крыс, и они разорвут тебя в клочья.

Хэмилтону принесли пиво, и он с радостью взял стакан. Вокруг него сновали люди, звучал привычный шум, все занимались своими делами. На время примирившись с жизнью, он расслабился и позволил себе раствориться в общем балагане. Да, собственно, другого выбора и не оставалось.

— Кто этот твой друг? — потребовала ответа местная шлюшка с хищным выражением лица. Она ухитрилась пробраться через толпу к Макфайфу и теперь висела на его плече. — Он миленький.

— Отвали, — посоветовал ей Макфайф благодушно. — А то я тебя в червяка превращу.

— Умник, — хмыкнула девушка. Она приподняла юбку и указала на некий небольшой предмет, засунутый за подвязку. — Попытайся одолеть вот это, — сказала она Макфайфу.

Макфайф с интересом уставился на белеющий предмет.

— А что это такое?

— Кость из стопы Мухаммеда.

— Святые хранят нас, — благочестиво заметил Макфайф и отхлебнул еще пива.

Опустив обратно юбку, девушка обратилась к Хэмилтону:

— Вроде бы я видела тебя тут и раньше, верно? Ты же работаешь на той здоровенной ракетной фабрике через дорогу?

— Работал, — ответил Хэмилтон.

— Этот шутник — красный, — добровольно поделился информацией Макфайф. — И атеист.

Девушка в ужасе отпрянула.

— Правда, что ли?

— Правда, — заверил ее Хэмилтон. Ему было уже все равно. — Я тетка Льва Троцкого по матери. И еще я родил Джо Сталина.

Мгновенно режущая боль ударила его изнутри; скорчившись, он рухнул с табурета на пол и уселся там, обхватив себя руками и стуча зубами от невыносимой боли.

— Так тебе и надо, — сказал Макфайф без сожаления.

— Помогите, — проблеял Хэмилтон.

Добросердечная девушка присела рядом с ним.

— Тебе не стыдно за себя? Где твои «Речения»?

— Дома, — прошептал он, серый от боли. Судороги вновь хлестнули по нему сверху донизу. — Я умираю. Лопнул аппендикс.

— Где твое молитвенное колесо? В кармане пальто? — Она ловко начала обшаривать его одежду, гибкие пальцы так и летали.

— Отвезите… меня… к доктору, — сумел выдавить он из себя.

Бармен наклонился к ним.

— Выброс его наружу или вылечи его, — недовольно сказал он девушке. — Здесь умирать запрещено.

— Ни у кого не найдется немного святой воды? — крикнула девушка пронзительным сопрано.

Толпа зашевелилась, из нее вынырнула небольшая плоская фляжка.

— Всю не трать, — предупредил скаредным тоном чей-то голос. — Это из источника в Шайенне.

Открутив крышку, девушка плеснула немного теплой воды на свои пальцы с ярко-красными ногтями и быстро разбрызгала ее каплями на Хэмилтона. Лишь только первые капли коснулись его, жгучая боль отступила. По его измученному телу разлилось умиротворение. Чуть

погодя с некоторой помощью девушки он даже ухитрился сесть.

— Проклятие снято, — деловито подытожила девушка, возвращая святую воду хозяину. — Благодарю вас, мистер.

— Купи пива этому человеку, — посоветовал Макфайф, не оборачиваясь. — Он истинный последователь Баба.

Пенящаяся кружка пива уплыла в толпу вслед за фляжкой, а Хэмилтон кое-как вскарабкался обратно на табурет. Никто не обращал на него внимания; девушка удалилась обрабатывать владельца святой воды.

— Этот мир, — проскрипел Хэмилтон через сжатые зубы, — безумен.

— Ни хрена он не безумен, — ответил Макфайф. — Что в нем такого безумного? Я за весь день ни разу за пиво не заплатил. — Он тряхнул своим мощным набором талисманов. — Все, что нужно, — это просто обратиться к ним.

— Объясни мне, — пробурчал Хэмилтон. — Это место, бар этот. Отчего Господь не сотрет его с лица земли? Если этот мир стоит на моральных законах…

— Этот бар необходим для морального баланса. Это сточная яма греха и порока, бордель непра-

ведности. Ты думаешь, спасение сможет работать без проклятия? Думаешь, добродетель может существовать без греха? Вот в чем проблема с вами, атеистами, — вы никак не поймете механику зла. Просто заходи внутрь и наслаждайся, парень. Если ты один из Верных, то тебе и вообще не о чем беспокоиться.

— Ну ты и приспособленец.

— А ты как хотел.

— Выходит, Господь позволяет тебе сидеть тут, хлестать пиво и лапать здешних шлюх? Врать, и сквернословить, и делать все что захочешь?

— Я знаю свои права, — небрежно ответил Макфайф. — И я знаю, что здесь главное. Оглянись вокруг, поучись. Присмотрись к тому, что происходит.

Чуть ниже зеркала к стене бара был прибит плакат: «Что сказал бы Пророк, если бы обнаружил тебя в месте вроде этого?»

— А я тебе доложу, что бы он сказал, — сообщил Макфайф. — Он бы сказал: «Первый тур за мной, ребята». Он нормальный парень. Не то что вы, профессора яйцеголовые.

Хэмилтон понадеялся на лучшее, но дождь из жалящих змей так и не пролился. Абсолютно спокойно и расслабленно Макфайф продолжал

глотать свое пиво.

— Ну, судя по всему, я не влился в этот мир, — сказал Хэмилтон. — Если б я ляпнул такое, меня бы убило на месте.

— Ну так вливайся.

— Как? — вскричал Хэмилтон. Его безмерно угнетало чувство несправедливости, какой-то принципиальной неправильности всего этого. Мир, который для Макфайфа был абсолютно логичен, казался ему дурной пародией на справедливо устроенную вселенную. Он лишь изредка улавливал какие-то обрывки логики — сквозь туман и растерянность, что окружали его с момента аварии на Беватроне. Ценности, лежавшие в основе его мира, моральные истины, пронизывающие бытие на протяжении всей его жизни, исчезли. На их место пришла дикарская, грубая ненависть к чужакам, архаичная система родом… *откуда?*

Нетвердой рукою он полез в карман пальто и достал оттуда записку, которую дал ему доктор Тиллингфорд. На ней было имя Пророка. Центр, Гробница Второго Баба, та исходная точка, через которую этот чуждый западной цивилизации культ каким-то образом проник в нее и поглотил знакомый ему мир. Всегда ли существовал некий Хорэс Клэмп? Неделю назад, несколько дней на-

зад ведь не было никакого Второго Баба, никакого Пророка Единого Истинного Бога в Шайенне, штат Вайоминг. Или…

Макфайф заглянул к нему через плечо, чтобы прочитать текст на обрывке бумаги. На лице его появилось странное недоброе выражение; легкое и развязное настроение куда-то исчезло, его сменила серьезность, жесткая и гнетущая.

— Что это? — потребовал он ответа.

— От меня ожидают, что я повстречаюсь с ним, — сказал Хэмилтон.

— Нет, — сказал Макфайф. Внезапно его рука рванулась вперед в попытке выхватить записку. — Выбрось это. — Его голос дрогнул. — Не придавай этому значения.

Отбиваясь, Хэмилтон сумел удержать записку. Макфайф схватил его за плечо; крепкие пальцы вонзились в тело Хэмилтона. Табурет под Хэмилтоном зашатался, и тот полетел на пол. Сверху всей своей массой рухнул Макфайф, и мужчины продолжили, потея и задыхаясь, сражаться за записку на полу.

— Никакого джихада в этом баре. — Бармен перепрыгнул через стойку, чтобы положить конец драке. — Хотите навалять друг другу — сперва выйдите отсюда.

Недовольно ворча, Макфайф кое-как поднялся на ноги.

— Выбрось это, — повторил он, отряхивая одежду. Лицо его при этом было застывшим, искаженным каким-то внутренним беспокойством.

— Да в чем дело-то? — Хэмилтон снова уселся. Он нашел свое пиво и поднял кружку. Что-то происходило в грубом звероподобном мозгу Макфайфа, и было непонятно, что именно.

В этот момент уже знакомая шлюшка пробилась к ним через толпу. С ней рядом виднелась печальная и изможденная фигура. Билл Лоус со стопкой крепкого в руке мрачно раскланялся с Макфайфом и Хэмилтоном.

— Добрый день, — почти пропел он. — Пусть больше не будет конфликтов. Мы все здесь друзья.

Уставившись на барную стойку, Макфайф сказал:

— С учетом всего, нам, похоже, придется ими быть. — Развивать эту мысль он не стал.

6

— Этот человек говорит, что знаком с тобой, — объяснила девушка Хэмилтону.

— Так и есть, — подтвердил Хэмилтон. — Бери табурет и присаживайся. — Он спокойно посмотрел на Лоуса. — Ну и как, ты за этот день разобрался, что происходит с физикой?

— Черт с ней, с физикой, — хмуро сказал Лоус. — С ней покончено, считай, что я ее перерос.

— Сходи построй резервуар, — посоветовал ему Хэмилтон. — Перестань читать так много книжек. Выйди на свежий воздух.

Лоус положил свою тонкую руку на плечи блондинке.

— Познакомься, это Грейс, Благодать. Полный резервуар. По самые жабры.

— Приятно познакомиться, — сказал Хэмилтон.

Девушка неуверенно улыбнулась.

— Но меня зовут не Грейс. Меня зовут…

Лоус оттолкнул ее и склонился к Хэмилтону.

— Это очень хорошо, что ты упомянул термин «резервуар».

— Почему?

— Потому, — сообщил ему Лоус, — что в этом мире таких вещей не существует.

— Но должны же быть.

— Пойдем-ка. — Ухватив Хэмилтона за галстук, Лоус оттащил его от барной стойки. — Покажу тебе кое-что. Величайшее изобретение в мире после подушевого налога.

Осторожно пробираясь между посетителями, он привел Хэмилтона к стоящему в углу автомату по продаже сигарет. Хлопнув по автомату ладонью, Лоус триумфально объявил:

— Ну? Что ты думаешь об этом?

Хэмилтон внимательно осмотрел аппарат. Ничего необычного: высокий металлический ящик, зеркало с голубоватым отливом внутри, прорезь для монет справа вверху, ряды небольших стеклянных окошек, за каждым из которых ожидал покупки свой сорт сигарет, ряд рычагов и окно выдачи.

— Выглядит нормально, — заключил он.

— Ничего такого не заметил?

— Нет, ничего конкретного.

Лоус огляделся по сторонам, но никто их не подслушивал. Он притянул Хэмилтона поближе к себе.

— Я наблюдал, как работает эта машина, — зашептал он хрипло. — И кое-что понял. Попытайся это представить себе. Попытайся принять это. *В этой машине нет сигарет.*

Хэмилтон задумался.

— Совсем нет?

Присев на корточки, Лоус указал на ряды сигаретных пачек в витрине автомата.

— Вот только эти. По одной штуке каждого вида. Резервуара нет. Но вот смотри. — Он забросил четверть доллара в прорезь, выбрал рычаг «Кэмела» и твердо нажал на него. Выпала пачка «Кэмела», и Лоус подхватил ее.

— Видал?

— Что-то я не понял, — признался Хэмилтон.

— И автомат по продаже сладостей точно такой же. — Лоус подвел его к соседнему аппарату. — Конфеты падают — но внутри их нет. Только те, что на витрине. Понимаешь? Доходит?

— Нет.

— Ты читал когда-нибудь о чудесах? В пустыне это были вода и пища, там это было главным. Хлеб, рыбы и вино.

— А, — сказал Хэмилтон. — Точно.

— Эти машины работают так же. Умножение при помощи чуда. — Из кармана Лоус извлек

отвертку; присев на корточки, он начал откручивать панель автомата с шоколадками. — Я тебе точно говорю, Джек, это величайшее открытие, совершенное человеком. Это перевернет всю современную промышленность. Вся концепция машинного производства, вся технология сборочных линий… — Лоус сделал жест рукой. — Долой. Капут. Сырье больше не нужно. Угнетаемая рабочая сила больше не нужна. Никаких больше грязных грохочущих фабрик. В этом металлическом ящике скрывается огромная тайна.

— Вон как. — Хэмилтон заинтересовался. — Похоже, ты и впрямь нащупал что-то важное.

— Это можно использовать. — Лоус увлеченно откручивал заднюю панель машины. — Помогика мне. Давай замок отожмем.

Замок поддался. Вдвоем они вытащили заднюю панель конфетного автомата и прислонили ее к стене. Как Лоус и говорил, вертикальные столбики, что составляли резервуары машины, оказались совершенно пусты.

— Достань-ка десятицентовик, — велел Лоус. Он умело раскрутил внутренний механизм, и теперь конфеты на витрине стали видны сзади. Справа от них была труба выдачи, а в ее начале гнездилась сложная система рычагов, колесиков

и передач. Лоус начал отслеживать физическую цепочку вверх, до места появления товара.

— Похоже, что шоколадка появляется вот здесь, — предположил Хэмилтон. Заглядывая через плечо Лоуса, он указал на плоскую полочку. — Монета задевает переключатель и перебрасывает вот этот поршень. Он сообщает шоколадке толчок и заставляет ее двигаться к окну выдачи. Остальное происходит под действием силы тяжести.

— Забрось монетку, — сказал Лоус нетерпеливо. — Я хочу посмотреть, откуда же берется эта чертова шоколадка.

Хэмилтон вставил монетку и потянул случайно выбранный поршень. Колесики и рычажки пришли в движение. Из центра работающего механизма выскочил шоколадный батончик, скользнул по трубе выдачи и остановился в окошке получения.

— Он просто возник из ничего, — благоговейно прошептал Лоус.

— Но в совершенно конкретном месте. Похоже на то, что он касался образца своего вида. Это заставляет предположить, что перед нами процесс бинарного деления. Товар-образец делится на две целые шоколадки.

— Забрось еще дайм. Джек, я тебе говорю — это *оно*.

Материализовалась еще одна шоколадка и точно так же, подчиняясь хитроумной механике, вылетела наружу. Мужчины восхищенно наблюдали за процессом.

— Замечательный аппарат, — признал Лоус. — Разработка и исполнение просто прелесть. Блестящее использование принципа чудес.

— Но мелкомасштабное использование. — Хэмилтон указал на надпись: — Для сладостей, безалкогольных напитков и сигарет. Не использовать ни для чего важного.

— И вот тут появляемся мы. — Лоус осторожно закинул кусочек фольги на пустую полочку за образцом шоколадки «Херши». Фольга не встретила сопротивления. — Да, там действительно пусто. Если я сейчас вытащу этот образец и положу на его место что-то другое…

Хэмилтон вытащил образец «Херши» и вложил на его место на витрине крышку от бутылки. Потянув рычаг, они получили в окне выдачи точно такую же крышку, прошуршавшую туда по трубе аппарата.

— Да, это надежное доказательство, — согласился Лоус. — Аппарат удваивает что угодно, лишь

бы оно касалось образца. Мы можем копировать все, что захотим. — Он вытащил несколько серебряных монет. — Что ж, приступим к делу.

— А как тебе такая идея? — сказал Хэмилтон. — Старый принцип электроники, *обратная связь*. Часть выдачи мы возвращаем обратно на стадию исходной модели. И накапливаем, все больше увеличиваем образец — чем больше нам выдается, тем больше мы вставляем обратно и удваиваем.

— Лучше всего была бы жидкость, — прикинул Лоус. — Только где бы взять стеклянных трубок, чтобы вкачивать ее обратно?

Оглядевшись, Хэмилтон содрал со стены неоновую рекламную трубку. Лоус тем временем отправился в бар, чтобы заказать напиток. Пока Хэмилтон устанавливал трубку, Лоус вернулся с крохотной рюмочкой янтарного цвета жидкости.

— Бренди, — объяснил он. — Настоящий французский коньяк — лучший из того, что у них есть.

Хэмилтон вставил рюмку на копировальную полочку, туда, где раньше лежала шоколадка «Херши». Стеклянная трубка, лишившаяся своего неона, шла из зоны копирования в двух направ-

лениях. Один конец вел обратно к рюмке, второй же выходил к окну выдачи.

— Будет четыре к одному, — сообщил Хэмилтон. — Четыре пятых пойдут на выдачу готового продукта, а одна пятая вернется на старт. Теоретически мы получим самоускоряющийся процесс. Предел отсутствует, максимальный объем бесконечен.

Ловким движением Лоус заклинил в рабочем положении рычаг, что приводил механизм в действие. После небольшой паузы коньяк закапал из окошка выдачи на пол перед машиной. Поднявшись на ноги, Лоус подхватил снятую часть аппарата; вдвоем они вставили ее на место и защелкнули замок. Шоколадный автомат начал источать медленно, но неуклонно растущий ручеек отборного коньяка.

— Ну вот и все, — довольно сказал Хэмилтон. — Напитки бесплатно, становитесь в очередь.

Потянулись первые заинтересованные посетители. Очень быстро собралась толпа.

— Мы использовали машину, — медленно произнес Лоус, наблюдая за тем, как к бывшему шоколадному автомату растет очередь. — Но мы не выяснили базовый принцип. Мы знаем, что она делает и каким образом, механически. Но не

знаем *почему*.

— А может, — выдвинул гипотезу Хэмилтон, — никакого принципа и нет. Разве «чудо» не означает именно это? Никакого управляющего закона — просто случайное событие, без причины, неповторяющееся. Оно просто происходит, и ты не можешь предсказать его или отследить источник.

— Но мы видим тут воспроизводимость, — возразил Лоус, указывая на аппарат. — Когда ты забрасываешь монетку, появляется шоколадка, а не бейсбольный мячик или жаба. А это и есть закон природы, просто описание того, что неизбежно происходит. Описание воспроизводимых результатов. И здесь нет никакой причинности — мы просто говорим, что если сложить А и Б, то получится В, а не Г.

— Но всегда ли мы получим В?

— Может, да, а может, и нет. Пока что мы получаем, шоколадки вылетают. Да и сейчас машина выдает коньяк, а не спрей от комаров. У нас есть воспроизводимость, регулярность, система. Нам всего лишь надо выяснить, какие элементы необходимы в этой системе.

Хэмилтон воодушевился:

— Если мы сможем обнаружить, что должно

присутствовать для копирования исходного объекта…

— Точно. Что-то весьма конкретное заставляет стартовать этот процесс. Нам даже не нужно понимать, как оно это делает, достаточно знать, что это такое. Необязательно знать, как из угля, серы и селитры получается порох и даже почему. Все, что нам нужно, так это знать, что, смешанные в определенных пропорциях, они его образуют.

Они вернулись в бар, оставив за спиной толпу охотников до бесплатного коньяка.

— Ну значит, у этого мира тоже есть законы, — сказал Хэмилтон. — Как и у нашего. В том смысле, что законы как раз не как у нашего — но они есть, и это законы.

— Да, все верно. — Тень огорчения появилась на лице Лоуса, энтузиазм вдруг покинул его. — Я совсем забыл.

— Что не так?

— В нашем мире это не сработает. Только здесь.

— Ох, — сказал Хэмилтон. — И правда.

— Мы лишь зря тратим время.

— А может, мы и не хотим возвращаться.

Лоус уселся на табурет у барной стойки и подхватил свою стопку. Сгорбившись над ней и

нахмурившись, он пробормотал:

— Может, так оно будет и лучше. Остаться здесь.

— Вот-вот, — ласково сказал подслушавший их Макфайф. — Оставайтесь тут. Не глупите… уходите непобежденными.

Лоус искоса глянул на Хэмилтона.

— Ты хочешь тут оставаться? Тебе тут нравится?

— Нет, — сказал Хэмилтон.

— Вот и я так же. Но, возможно, у нас нет выбора. Пока что мы ведь даже не знаем, куда именно мы попали. А уж о том, как отсюда выбраться…

— Да это совсем неплохое место, — возмутилась девушка. — Я тут постоянно, и мне очень нравится.

— Мы не о баре сейчас, — сказал Хэмилтон.

Крепко сжимая в руках свою стопку, Лоус сказал:

— Нам надо вернуться. Как угодно, нам надо найти способ отсюда выбраться.

— Я понимаю, — сказал Хэмилтон.

— Знаешь, что тут продают в супермаркетах? — с горечью спросил Лоус. — Консервированные приношения для священного огня.

— А в хозяйственном знаешь, что продается?

Весы для взвешивания на них твоей души.

— Что за глупости? — обиделась блондинка. — Душа ничего не весит.

— Тогда, значит, — задумчиво ответил Хэмилтон, — ее можно послать по почте без оплаты.

— Интересно, сколько душ, — иронически прикинул Лоус, — влезет в один конверт с маркой? Новый религиозный конфликт, однако. Священная война, человечество расколото пополам, кровь льется потоками.

— Десять, — предположил Хэмилтон.

— Четырнадцать, — возразил Лоус.

— Еретик. Чудовище и убийца детей.

— Зверь, пьющий нечистую кровь.

— Проклятое порождение питающегося грязью зла.

Лоус задумался.

— А знаешь, что ты увидишь на своем телеэкране воскресным утром? Я тебе не скажу, сам посмотри. — Бережно держа свою стопку, он внезапно соскользнул с табурета и исчез в толпе.

— Эй, — удивленно сказал Хэмилтон. — Куда это он?

— Да он чокнутый, — со знанием дела сказала шлюшка.

На мгновение они вновь увидели силуэт Лоуса.

Темное лицо его посерело от тоски. Обращаясь к Хэмилтону сквозь гогочущую и бормочущую толпу клиентов бара, он прокричал:

— Джек, знаешь что?

— Что? — беспокойно отозвался Хэмилтон.

Лицо чернокожего свело спазмом острого и бессильного несчастья.

— В этом мире… — слезы блеснули в его глазах, — в этом чертовом месте я начал говорить с рабским акцентом.

И он исчез, оставив Хэмилтона в тягостном раздумье.

— А что он имел в виду? — спросила девушка с интересом. — Арабский акцент?

— Рабский, — задумчиво пояснил Хэмилтон.

— Вот все они так, — прокомментировал Макфайф.

Заняв освободившийся табурет Лоуса, шлюшка начала планомерную осаду Хэмилтона.

— Купи мне выпить, малыш, — с надеждой предложила она.

— Я не могу.

— Почему нет? По возрасту не можешь?

Хэмилтон обшарил свои пустые карманы.

— Денег нет. Все спустил в шоколадном автомате.

— Молись, — посоветовал Макфайф. — Чертовски усердно молись.

— Дорогой Господь, — сказал ядовито Хэмилтон. — Пошли Твоему недостойному эксперту по электронике стакан подкрашенной воды для этой порочной юной неприятности. — Подумав, он старательно добавил: — Аминь.

Стакан с подкрашенной водой появился на стойке близ его локтя. Девушка с улыбкой приняла его.

— Ты милый. Как тебя зовут?

— Джек.

— Как твое *полное* имя?

Он вздохнул.

— Джек Хэмилтон.

— Меня зовут Силки. — Она игриво потеребила его воротничок. — Это твой «Форд-купе» на улице?

— Угу, — ответил он безрадостно.

— Поехали куда-нибудь. Ненавижу это место. Я…

— Но почему? — Хэмилтон взорвался. — Почему, черт побери, Господь ответил на эту молитву? Почему не на какие-то другие? Почему не ответил Биллу Лоусу?

— Господь одобрил твою молитву, — сказала

Силки. — В конце концов, все зависит от Него — это Он выбирает, как отнестись к молитве.

— Но это же ужасно.

— Возможно. — Силки пожала плечами.

— Как вы живете со всем этим? Вы никогда не знаете заранее, что произойдет, ни порядка, ни логики. — Его бесило то, что она не против, что такой порядок вещей нормален для нее. — Мы беспомощны, вынуждены зависеть от каприза. И это не дает нам быть людьми — мы как животные, ожидающие кормежки. Похвалы или наказания.

Силки взглянула на него пристальней.

— А ты смешной мальчик.

— Мне тридцать два года, я давно не мальчик. И я женат.

Девушка нежно потянула его за руку, почти стянув с хлипкого табурета.

— Пойдем, малыш. Поедем туда, где мы сможем помолиться уединенно. Я знаю несколько ритуалов, которые могут тебе понравиться.

— Я за это отправлюсь в Ад?

— Нет, если ты знаешь правильных людей.

— У моего нового босса есть канал прямой связи с Небесами. Это сойдет?

Силки по-прежнему пыталась стащить его с табурета.

— Мы потом об этом поговорим. Пошли, пока эта ирландская обезьяна не заметила.

Макфайф поднял голову и взглянул на Хэмилтона. Напряженным, колеблющимся голосом он спросил:

— Ты… ты уходишь?

— Ага, — ответил тот, нетвердо поднимаясь.

— Подожди. — Макфайф пошел за ним следом. — Не уходи.

— Беспокойся о своей собственной душе, — сказал Хэмилтон. И тут заметил на лице Макфайфа печать какой-то тотальной неуверенности. — В чем дело? — спросил он, сразу протрезвев.

Макфайф сказал:

— Хочу тебе кое-что показать.

— Что именно?

Прошагав мимо Хэмилтона и Силки, Макфайф подхватил свой гигантский черный зонт и обернулся к ним в ожидании. Хэмилтон двинулся вперед, Силки потащилась за ним. Распахнув дверь, Макфайф заботливо укрыл их зонтом, размерами без малого с палатку. Легкая морось успела превратиться в ливень, холодный осенний дождь барабанил по блестящим тротуарам, по молчаливым магазинам и улицам.

Силки поежилась.

— Жуткая погода. Куда мы собираемся?

Отыскивая в сумраке хэмилтоновский «форд», Макфайф пробубнил себе под нос:

— Она должна все еще существовать.

Когда автомобиль устремился вперед по бесконечному мокрому шоссе, Хэмилтон спросил:

— Как думаешь, почему Лоус начал говорить с акцентом? Раньше он так не говорил.

Макфайф вел машину расслабленно, словно находясь в полусне.

— Я ж сказал, — пробормотал он, чуть оживляясь. — Все они такие.

— И все же это должно что-то значить, — настаивал Хэмилтон. Тихий посвист дворников на ветровом стекле убаюкивал; он сонно привалился к Силки и закрыл глаза. От девушки слегка пахло сигаретным дымом и духами. Приятный запах, ему нравилось. Ее волосы у его щеки были сухими, легкими, чуть колючими. Словно стебли каких-то трав.

Макфайф спросил:

— Ты же знаком с этим бредом про Второго Баба? — Голос его окреп, стал жестким и отчаянным. — Это бред, просто воздух. Культ сумасшедших, одни чокнутые. Кучка арабов, заявившихся сюда со своими идеями. Ведь так же?

Хэмилтон и Силки промолчали.

— Долго он не протянет, — сказал Макфайф.

— Я хочу знать, куда мы едем, — сварливо сказала Силки. Прижимаясь ближе к Хэмилтону, она переспросила его: — Ты и вправду женат?

Не обращая на нее внимания, Хэмилтон обратился к Макфайфу:

— Я знаю, чего ты боишься.

— Я ничего не боюсь, — возразил тот.

— Да точно боишься, — повторил Хэмилтон. Но и ему было не по себе, несмотря на браваду.

Сан-Франциско перед ними все рос и все приближался, пока наконец машина не покатилась по улицам, меж домов. Не было ни единого признака жизни: ни движения, ни звука, ни огонька. Судя по всему, Макфайф точно знал, куда едет, — он поворачивал раз за разом, и вот уже автомобиль пробирался узкими переулками. Внезапно Макфайф затормозил и, приподнявшись с сиденья, начал вглядываться во что-то сквозь ветровое стекло. Лицо его застыло в тревоге.

— Ужас какой-то, — захныкала Силки, спрятав лицо в хэмилтоновском пальто. — Что это за трущоба? Я не понимаю.

Макфайф остановил машину, распахнул дверь и вышел на безлюдную улицу. Хэмилтон вы-

шел за ним; они стояли рядом. Силки осталась в машине, слушая по радио какую-то дрянную музыку. Тихий, чуть металлический отзвук вылетал из машины во тьму, а там смешивался с туманом, что дрейфовал меж закрытых магазинов и огромных неопрятных зданий.

— Это она и есть? — спросил Хэмилтон наконец.

— Ага, — кивнул Макфайф. Теперь лицом к лицу с реальностью он уже не проявлял эмоций.

Они стояли перед грязным, пришедшим в упадок зданием. Желтая краска клочьями слезала с давно не знавшей ремонта щитовой его структуры, обнажая пропитанную дождем древесину под ней. Груды мусора и бумажного хлама валялись у входа. При свете уличного фонаря Хэмилтон разглядел наклеенные на окна афиши. Чем-то измазанные, засиженные мухами и пожелтевшие от времени брошюры вразброс валялись внутри. Дальше виднелся грязный занавес, а за ним ряды уродливых металлических кресел. За креслами в помещении царила непроглядная тьма. Высоко над входом в здание висело написанное от руки объявление, такое же старое и драное. Оно гласило:

НЕБАБИИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВСЕМ

Со сдавленным стоном Макфайф собрался с силами и двинулся к тротуару.

— Брось, не стоит, — сказал Хэмилтон, однако пошел следом.

— Нет. — Макфайф покачал головой. — Я пойду внутрь. — Подняв свой черный зонт, он поднялся по ступеням ко входной двери; через мгновение он уже ритмично молотил в нее рукояткой зонта. Звук несся во все стороны по пустынной улице — гулкий, пустой звук. Где-то в переулке какое-то животное испуганно шарахнулось среди мусорных баков.

Человек, что в конце концов приоткрыл-таки дверь, выглядел маленьким и сгорбленным чудаком, робко взирающим на мир из-под очков в стальной оправе. Манжеты его были потрепанными и нечистыми, желтоватые слезящиеся глаза настороженно рыскали вокруг. Его заметно потряхивало; на Макфайфа он уставился, явно того не узнавая.

— Что вам надо? — спросил он высоким дрожащим голосом.

— Разве вы не узнаете меня? — ответил Макфайф. — Что случилось, святой отец? Где церковь?

Бормоча неразборчиво что-то гневное, высохший старикашка попытался захлопнуть дверь.

— Валите отсюда. Пара никчемных алкоголиков. Убирайтесь, или я вызову полицию.

Дверь уже почти захлопнулась, но Макфайф успел вставить в нее свой зонт.

— Святой отец, — настоятельно сказал он, — это ужасно. Я не могу понять этого. Они украли вашу церковь. И вы сами такой маленький. Этого не может быть. — Его голос сорвался, горло перехватило от неверия в происходящее. — Вы же были таким… — Он беспомощно обернулся к Хэмилтону. — Святой отец всегда был большим. Больше меня.

— Проваливайте, — продолжало тревожно жужжать маленькое существо.

— Разве мы не можем войти? — Макфайф продолжал блокировать дверь зонтом. — Пожалуйста, впустите нас. Куда же нам еще пойти? Со мной тут один еретик… он желает принять веру.

Карлик заколебался. Тревожно гримасничая, он уставился на Хэмилтона.

— Вы? А в чем дело? Можете прийти завтра?

Первый час ночи, я давно спал. — Отпустив дверь наконец, он шагнул назад.

— Это все, что осталось, — сказал Макфайф Хэмилтону, когда они вошли внутрь. — Ты когда-нибудь видел ее *раньше?* Она была из камня, огромная, как… — Он беспомощно взмахнул рукой. — Самая большая из всех.

— С вас десять долларов, — сказал карлик. Согнувшись, он вытащил из-под прилавка глиняный сосуд. На прилавке валялись кучи брошюрок и листовок, несколько из них слетели на пол, но священник не обратил внимания. — Деньги вперед, — добавил он.

Копаясь в карманах, Макфайф удивленно взглянул на него.

— А где орган? А свечи? Неужели даже свечей нет?

— Нет денег на все это, — сказал священник, ковыляя обратно. — Ну, так чего вы от меня хотите? Желаете, чтобы я обратил этого еретика? — Он поймал руку Хэмилтона и пристально всмотрелся в него. — Я отец О'Фаррел. Вам нужно встать на колени, молодой человек. И склонить голову.

Хэмилтон спросил:

— Это всегда так было?

Мгновенно застыв, отец О'Фаррел переспро-

сил:

— Как — так? Что вы имеете в виду?

Волна сочувствия накрыла Хэмилтона.

— Не обращайте внимания, — сказал он.

— Наша организация весьма древняя, — колеблясь, сообщил ему отец О'Фаррел. — Вы это имеете в виду? Ей сотни и сотни лет. — Его голос дрогнул. — Она возникла даже до Первого Баба. Я не уверен в точной дате ее возникновения. Говорят, что… — Он запнулся. — У нас совсем немного авторитета. Первый Баб, конечно, создал свою в 1844-м. Но еще даже до этого…

— Я хочу поговорить с Господом, — сказал Хэмилтон.

— Да-да, — согласился отец О'Фаррел. — И я тоже, молодой человек. — Он погладил руку Хэмилтона; прикосновение было легким, почти невесомым. — И все хотят.

— Не могли бы вы помочь мне?

— Это очень трудно, — ответил священник. Он прошаркал в дальнюю комнатку, беспорядочный склад. Чихая и покашливая, он вынес оттуда плетеную корзинку разнокалиберных костей, кусочков сушеной кожи и волос.

— Это все, что у нас есть, — выдохнул священник, ставя корзинку. — Может быть, что-то из

этого вам поможет. Не стесняйтесь, выбирайте сами.

Хэмилтон осторожно вынул несколько кусочков, но Макфайф произнес за спиной надломленным голосом:

— Только глянь на все это. Подделки. Мусорные артефакты.

— Это все, что в наших силах. — Отец О'Фаррел сложил ладони вместе.

— Но есть ли какой-то способ достучаться до Небес? — в отчаянии спросил Хэмилтон.

Впервые отец О'Фаррел улыбнулся.

— Для этого придется умереть, молодой человек.

Подхватив свой зонт, Макфайф шагнул к двери.

— Пойдем, — мрачно сказал он Хэмилтону. — Пойдем отсюда, я больше не могу.

— Обожди, — сказал Хэмилтон.

Макфайф остановился.

— Зачем ты хочешь поговорить с Господом? Что тебе это даст? Ты же видишь ситуацию, просто взгляни вокруг.

Хэмилтон ответил:

— Он единственный, кто может рассказать нам, что произошло.

Макфайф помолчал, а потом сказал:

— Мне все равно, что произошло. Я ухожу.

Быстрыми движениями Хэмилтон выложил круг из костей и зубов, кольцо мощей.

— Помоги-ка мне, — сказал он Макфайфу. — Ты тоже участвуешь в этом.

— Ты хочешь чуда, — сказал Макфайф.

— Я знаю, — ответил Хэмилтон.

Макфайф вернулся.

— Ничего не выйдет. Это безнадежно.

Он стоял, вцепившись в свой огромный черный зонт. Отец О'Фаррел беспокойно переминался с ноги на ногу, пораженный происходящим.

— Я хочу знать, как начался весь этот балаган, — сказал Хэмилтон. — Второй Баб этот, вся эта фигня. И если я там этого не узнаю… — Он выхватил у Макфайфа его черный зонт, а затем, глубоко вдохнув, раскрыл его. Как крылья гигантского кожистого стервятника, ткань и спицы зонта развернулись над ним, вниз упали несколько капель влаги.

— Что это? — потребовал объяснений Макфайф, вступив в круг мощей, чтобы схватиться за свой зонт.

— Держись за него. — Крепко ухватившись за ручку зонта, Хэмилтон спросил священника: — В

этом сосуде вода есть?

— Д-да, — ответил отец О'Фаррел, заглянув в глиняный сосуд. — Немного, на самом дне.

— Когда вы будете разбрызгивать воду, — сказал Хэмилтон, — читайте тот возносящий отрывок.

— Возносящий? — В недоумении отец О'Фаррел попятился. — Я…

– *Et resurrexit.* Вы его помните.

— О, — сказал отец О'Фаррел. — Да. Конечно. — Кивнув, он с сомнением погрузил ладонь в сосуд со святой водой и начал кропить ею зонт. — Но я, честно, сомневаюсь, что это сработает.

— Читайте! — приказал Хэмилтон.

Отец О'Фаррел неуверенно забормотал:

– *Et resurrexit tertia die secundum scripturas, et ascendit in coelum, sedet ad dexteram partis, et iterum venurus est cum gloria judicare vivos et mortuos, cujas regni non erit finis…*

Зонт в руках Хэмилтона задрожал. Медленно, с трудом он начал подниматься. Макфайф издал перепуганный всхлип и вцепился в рукоять изо всех сил. Через мгновение кончик зонта уже стучался в низкий потолок помещения; Хэмилтон и Макфайф по-дурацки висели под ним, а ноги их болтались в пыльных тенях.

— Световой люк, — выдохнул Хэмилтон. — Открывайте его.

Бросившись за шестом, отец О'Фаррел засуетился, словно вспугнутая мышь. Световой люк был наконец откинут; внутрь ворвался влажный ночной воздух, вытесняя многолетнюю затхлость. Получив свободу, зонт рванулся вверх; полуразвалившийся деревянный домик исчез внизу. Хэмилтона и Макфайфа обдало холодным туманом, они поднимались все выше и выше. Вот они уже были вровень с Твин-Пикс, вот они уже были над огромным городом Сан-Франциско, висящие на ручке зонта над россыпью мерцающих желтых огней.

— Что, — прокричал Макфайф, — если мы не удержимся?

— Молись о силе! — выкрикнул в ответ Хэмилтон, закрывая глаза и бешено цепляясь за стержень зонта. А тот мчался выше и выше, набирая скорость с каждым мгновением. На краткий миг Хэмилтон осмелился открыть глаза и взглянуть вверх.

Над ними развернулась безграничная равнина зловещих темных облаков. Что скрывалось за ней? Ждал ли их Он?

Зонт поднимался выше и выше, в темную ночь.

И уже было не повернуть назад.

7

Чем выше они поднимались, тем больше рассеивалась хаотичная темнота. Слой туч влажно проскользнул мимо них; зонт прорвал его с мокрым шелестом. Вместо леденящей ночной тьмы они поднимались теперь в среде однородной отчетливой серости, неопределенном пространстве бесцветного и бесформенного ничто.

Внизу лежала Земля.

Хэмилтону никогда не приходилось настолько хорошо видеть Землю. Во многих отношениях она соответствовала его ожиданиям. Она была круглой и явно представляла собой шар. Недвижимый в окружающей его среде, шар этот спокойно висел, представляя собой мрачный, но впечатляющий объект.

Особенно же впечатляла его уникальность. Хэмилтон в шоке осознал, что в поле зрения нет ни единой другой планеты. Он то с опаской глядел вверх, то оглядывался вокруг — и постепенно, неохотно разум его принимал то, что различали глаза.

Земля была единственной на небосводе. Вокруг

нее катился пылающий шар, намного меньше размером, словно жужжащий и бьющийся комар, облетающий гигантское и неповоротливое скопление материи. Это, осознал Хэмилтон с дрожью ужаса, было Солнце. Оно было *крохотным*. И — оно двигалось!

Si muove, и все-таки вертится. Но не Терра, не Земля. *Si muove* — Солнце!

К счастью, светящийся, обжигающий кусочек излучения находился на дальней стороне могучей Терры. Он двигался медленно, обращаясь с периодом в 24 часа. А на этой стороне находилась маленькая, почти незаметная глазу крапинка. Проржавевший комок отходов, что трудолюбиво пер вперед по орбите, обыденный и легко заменимый.

Луна.

Она как раз была недалеко; зонт должен был пронести их мимо практически на расстоянии руки. Он смотрел на Луну, не веря своим глазам, пока та не исчезла в серой среде. Так что же, наука ошибалась? И вся схема Вселенной была ошибочной? Гигантская проработанная структура гелиоцентрической системы Коперника — неправда?

Перед ним простиралась архаичная и давно

отвергнутая геоцентрическая Вселенная, где гигантская неподвижная Земля являлась единственной планетой. Сейчас он уже различал Марс и Венеру, крохотные кусочки материи, почти несуществующие. И звезды. Они тоже были невероятно маленькими… частички не имеющего большого значения для покрова небес. В одно мгновение вся ткань его космологии треснула, обратилась в уродливые развалины.

Но так было лишь здесь. Именно *тут* реальностью была античная птолемеева Вселенная — не в его мире. Крошечное солнце, совсем крохотные звезды, гигантский распухший пузырь Земли, торчащий в центре всего. Здесь оно являлось правдой — именно так была устроена эта Вселенная.

Но все это не имело никакого отношения к его собственной Вселенной… слава Богу.

Осознав это и приняв, он уже не особенно удивился, заметив глубоко за серостью некий внутренний слой, красноватую пленку под поверхностью Земли. Казалось, что на самом дне этой Вселенной ведутся какие-то примитивные горные работы. Печи, плавильные тигли, а чуть подальше еще и нечто вроде грубого вулканического кипения, посылавшего еле видимые

вспышки недоброго алого цвета, чтоб окрасить ими бесцветную серую среду.

Это был Ад.

А над ним… он задрал голову. Сейчас было уже отлично видно. Небеса. Конечная точка телефонной связи: именно здесь была та телефонная станция, к которой электронщики, специалисты по семантике и коммуникациям и психологи подключили Землю. Это была исходная точка гигантской космической сети связи.

Серость над зонтом наконец понемногу истаяла. Какое-то время не было вообще ничего, даже холодного ночного ветра, промораживающего до костей. Макфайф, судорожно стискивая ручку зонта, с растущим благоговейным ужасом разглядывал приближающуюся обитель Господа. Лишь небольшая часть ее была видна. Некая плотная субстанция формировала стену вокруг нее, защитный слой, что не давал возможности рассмотреть детали.

Над стеной реяло несколько светящихся точек. Они пикировали и взмывали вновь, словно заряженные ионы. Как живые.

Судя по всему, это были ангелы. Точней сказать было трудно — они были еще далековато.

Зонт поднимался, и любопытство Хэмилтона

все разгоралось. Как ни удивительно, он сохранял полное спокойствие. В сложившейся ситуации просто испытывать эмоции было бы невозможно; можно было либо контролировать себя полностью, либо столь же полностью поддаться невероятным впечатлениям. Одно или другое, третьего было не дано. Скоро, буквально через пять минут, он поднимется над стеной. И они с Макфайфом узрят Небеса.

Долгий путь, подумал он. Долгий путь с того момента, как они стояли лицом к лицу в холле здания Беватрона, сцепившись из-за какого-то неважного пустяка…

Постепенно, почти незаметно скорость подъема зонта стала снижаться. Сейчас они уже поднимались совсем медленно. Это был предел. Дальше просто уже не было никакого *вверх*. Хэмилтон от нечего делать задумался, что же случится дальше. Начнет ли зонт опускаться столь же старательно, как поднимался? Или просто сложится и оставит их посредине Небес?

Что-то вплыло в поле зрения. Они двигались параллельно поверхности защитного материала. В голову закралась глупая мысль — а что, если защита стоит здесь не для того, чтоб помешать прохожим заглядывать, а чтоб помешать обита-

телям выпасть наружу? Удержать их от падения обратно в мир, из которого они вот уже столетия появлялись тут?

— Мы… — Макфайф чихнул. — Мы почти на месте.

— Угу, — подтвердил Хэмилтон.

— Надо… сказать, оказывает… влияние… на мировоззрение.

— Без сомнения, — снова согласился он. Он уже почти видел что-то. Еще секунда… полсекунды… неясный пейзаж представал перед глазами. Странное зрелище, нечто вроде замкнутого кругового пространства, окутанного туманом. Пруд? Океан? Огромное озеро, бурлящие воды. Горы в дальнем конце, бескрайние заросли кустарника.

Внезапно космическое озеро исчезло, некий занавес скрыл его. Но очень быстро занавес поднялся вновь, и озеро было на месте — безбрежный простор жидкости.

Это было самое большое озеро, что он когда-либо видел. Достаточно большое, чтоб вместить в себя целый мир. Он сомневался, что когда-либо в жизни увидит озеро бóльших размеров, чем это. Попробовал прикинуть его объем.

В центре находилась более плотная матовая субстанция. Нечто вроде озера в озере. Неужели

все Небеса и представляли собой это невероятное озеро? Куда бы он ни бросил взгляд, ничего больше видно не было.

Это было не озеро. Это был *глаз*. И глаз смотрел на них с Макфайфом!

Ему не нужно было объяснять, Чей это был глаз.

Макфайф захрипел. Лицо его почернело, дыхание стало судорожным кашлем. Дыхание абсолютного страха коснулось его; на мгновение он беспомощно забился на конце зонта, тщетно пытаясь отцепиться, скрыться из поля зрения. Пытаясь бешено и безуспешно отползти куда-нибудь из-под этого глаза.

Глаз сфокусировался на зонте. Со звучным хлопком тот вспыхнул. В то же мгновение горящие фрагменты, стержень с ручкой и два визжащих человека полетели вниз, будто камни.

Опускались они вовсе не так, как поднимались. Они летели со скоростью метеоров. Оба были без сознания. В какой-то момент Хэмилтон смутно ощутил, что поверхность уже недалеко от них, внизу. А затем последовал ошеломляющий удар; его вновь подбросило вверх, почти на ту же высоту. В этом гигантском первом отскоке он почти долетел до Небес вновь.

Но не совсем. Он снова падал. И снова удар. После неопределенного количества отскоков его физическая оболочка лежала без движения, тяжело дыша, цепляясь за поверхность Земли, отчаянно держась за пучок высохшей травы, что рос из сухой красной глины. Осторожно, с болью он открыл глаза и огляделся.

Он лежал ничком на огромной равнине — пыльной и выжженной. Было раннее утро следующего дня, и оно было довольно холодным. Скудные домишки виднелись вдалеке. Поблизости лежало недвижное тело Чарли Макфайфа.

Шайенн, штат Вайоминг.

— Думаю, — смог выдавить из себя после долгой паузы Хэмилтон, — что сперва мне надо было посетить это место.

Макфайф не отвечал; он был глубоко без сознания. Единственным звуком в округе было пронзительное чириканье птиц, облепивших чуть живое дерево в сотне метров от них.

Со стоном поднявшись на ноги, Хэмилтон склонился и обследовал своего товарища. Макфайф был жив и даже не имел очевидных травм, но дыхание его было неглубоким и жестким. Из полуоткрытого рта по подбородку стекал тонкий ручеек слюны. На лице его застыло все то же

выражение страха и изумления — и всепоглощающего ужаса.

Но откуда ужас? Неужели Макфайф был не рад увидеть своего Бога?

Еще один непонятный факт в копилку. Еще один фрагмент сумасшедших данных в этом сумасшедшем мире. Ну что ж, он находился сейчас в духовном центре бабиистского культа, в Шайенне, штат Вайоминг. Господь направил его на верный путь в его паломничестве. Макфайф сбил его с пути, но сейчас он совершенно точно и уверенно вернулся на него. Тиллингфорд сказал правду — Провидение желало, чтобы он посетил именно Пророка Хорэса Клэмпа.

Он с любопытством осмотрел холодный серый абрис недалекого городка. В центре, посреди каких-то неказистых сооружений, возвышался один колоссальный шпиль. Шпиль яростно сиял, отражая утреннее солнце. Небоскреб? Монумент?

Ничего подобного. Это был храм Единой Истинной Веры. С расстояния в несколько миль он видел Гробницу Второго Баба. Вся мощь и сила бабиизма, которые он успел испытать до сего момента, выглядели ничтожными в сравнении с тем, что лежало впереди.

— Вставай, — сказал он Макфайфу, заметив, что тот пошевелился.

— Без меня, — ответил Макфайф. — Иди один. Я остаюсь здесь. — Он положил голову на руки и закрыл глаза.

— Я подожду. — За время ожидания Хэмилтон оценил свое положение. Он торчал здесь, посреди Вайоминга, холодным утром осеннего дня, имея в кармане всего тридцать центов. Но что сказал Тиллингфорд? Он поежился. Что же, стоило попробовать. Да и выбора особого у него не было.

— Господи, — начал он, приняв традиционную позу — на одном колене, ладони сложены вместе, глаза благочестиво обращены к Небесам. — Вознагради Твоего скромного слугу в соответствии с обычной тарифной ставкой электронщиков класса 4-А. Тиллингфорд упоминал четыреста долларов.

Какое-то время ничего не происходило. Холодный пронзительный ветер свистел над пустошью из красной глины, шелестя сухими стеблями и ржавыми пивными банками. Затем воздух над ним задрожал.

— Голову прикрой, — крикнул Хэмилтон Макфайфу.

Хлынул дождь монет, блестящий поток нике-

лей, даймов, четвертаков и полудолларовиков. Со звуком угля, сыплющегося по жестяному желобу, монеты прогремели вниз, ослепили и оглушили его. Когда поток прекратился, он начал собирать их. Но следующей его эмоцией — когда восторг выветрился — стало горькое разочарование. Четырехсот долларов тут не было; он получил мелочь из кармана, брошенную попрошайке.

Ну что ж, большего он не заслужил.

Общая сумма после подсчета оказалась равной сорока долларам и семидесяти пяти центам. Что ж, намного лучше, чем ничего; по крайней мере, на еду хватит. Ну а когда они кончатся…

— Не забудь, — слабым голосом пробурчал Макфайф, кое-как поднимаясь на ноги. — Ты должен мне десять баксов.

Макфайф выглядел на редкость паршиво. Его крупное лицо покрывали нездоровые пятна, кожа свисала толстыми складками вокруг воротничка. Пальцы нервно поглаживали щеку, сведенную судорогой. Превращение было невероятным. Макфайф был раздавлен видом своего Бога. Встреча лицом к лицу полностью деморализовала его.

— Не ждал, что Он такой? — не удержался от вопроса Хэмилтон, когда они мрачно побрели в

сторону шоссе.

Невнятно захрипев, Макфайф откашлялся красноглиняной пылью и сплюнул в куст каких-то сорняков. Глубоко засунув руки в карманы, он буквально влачился рядом, сгорбившись, как сломленный человек. Глаза его были пусты.

— Ну впрочем, — смилостивился Хэмилтон, — это не мое дело.

— Я бы сейчас выпил, — вот и все, что смог сообщить ему спутник. Когда они вышли на обочину трассы, Макфайф полез в свой бумажник. — Увидимся в Белмонте. Давай сюда эту десятку, мне еще авиабилет покупать.

Хэмилтон неохотно отсчитал десять долларов мелочью; Макфайф молча сгреб их в ладонь.

Они уже входили в пригород Шайенна, когда Хэмилтон заметил нечто настораживающее и зловещее. Сзади на шее Макфайфа образовался ряд отвратительных и опухших красных нарывов. Огненные волдыри росли и ширились прямо на глазах.

— Это язвы, — изумленно заметил Хэмилтон.

Макфайф бросил на него взгляд, исполненный немого страдания. Он коснулся своей левой скулы.

— И еще нарывает зуб мудрости, — добавил он

совершенно разбитым голосом. — Язвы и абсцесс. Мое наказание.

— За что?

Ответа вновь не последовало. Макфайф погрузился в свою личную печаль, судя по всему, осмысляя произошедшее. Хэмилтон вдруг понял, что встречу со своим Господом Макфайф может и не пережить. Впрочем, существовал сложный и тонкий механизм искупления грехов; Макфайф мог излечить свой нарывающий зуб и снять проклятие язв с помощью соответствующих ритуалов отпущения. И как прирожденный приспособленец, Макфайф наверняка как-то выкрутится.

На первой же автобусной остановке они устало рухнули на влажную скамейку. Прохожие, едущие в город на субботний шопинг, поглядывали на них с любопытством.

— Пилигримы, — ледяным тоном бросил Хэмилтон в ответ на очередной удивленный взгляд. — Ползли на коленях всю дорогу от Бэттл-Крик, штат Мичиган.

На этот раз наказания свыше не последовало. Хэмилтон вздохнул и почти пожалел об его отсутствии; его бесил этот капризный личностный элемент. Прегрешение и наказание были просто

слишком мало связаны между собой; возможно, молния как раз испепелила ни в чем не повинного шайеннца на другом краю города.

— А вот и автобус, — с радостью сообщил Макфайф, поднимаясь. — Доставай свою мелочь.

Когда автобус доехал до аэродрома, Макфайф выбрался наружу и кое-как побрел в сторону здания аэровокзала. Хэмилтон же поехал дальше, к тому огромному и сверкающему, подавляющему сооружению, что было Единой Истинной Гробницей.

Пророк Хорэс Клэмп встретил его у роскошного входа. Со всех сторон поднимались впечатляющие мраморные колонны; Гробница открыто копировала традиционные погребения Античности. Однако при всей грандиозности и пышности тут присутствовал явный оттенок пошлой мещанской вульгарности. Массивная и угрожающая мечеть все же была эстетически чудовищной. Как какое-нибудь правительственное здание в СССР, она была спроектирована людьми без художественного вкуса. В отличие от упомянутых зданий, впрочем, она была густо украшена резьбой, вычурно-пышными архитектурными элементами, бесконечными и бестолковыми орнаментами, от души начищенными латунными

деталями фурнитуры и трубами. Отраженный непрямой свет играл на терракотовых полах. В напыщенной гордости выдавались из стен гигантские барельефы: ближневосточные пасторальные сцены в масштабе больше натурального. Изображенные на них персонажи как один выглядели глуповатыми, но благочестивыми. И все — роскошно одетыми.

— Приветствую, — объявил Пророк, подняв для благословения пухлую бледную руку. Хорэс Клэмп выглядел так, словно сошел с какого-то ярко раскрашенного постера в воскресной школе. С благодушной отстраненной улыбкой, в мантии с капюшоном, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, он подхватил Хэмилтона и подтолкнул того вперед, непосредственно внутрь мечети. Выглядел Клэмп как живое воплощение типичного исламского духовного лидера. Когда они вошли в не менее богато украшенный кабинет, Хэмилтон в ужасе попытался понять, что же он, собственно, тут делает? Неужели именно это Господь и имел в виду?

— Я ожидал тебя, — сказал Клэмп деловито. — Я был предупрежден о твоем визите.

— Предупрежден? — Хэмилтон удивился. — Но кем?

— Ну как, конечно же, Тетраграмматоном.

Хэмилтон был ошарашен.

— Вы хотите сказать, что вы Пророк Бога по имени…

— Его Имя произносить нельзя, — не дал ему договорить Клэмп. — Слишком священное. Он предпочитает, чтоб его называли Тетраграмматон. Я даже несколько удивлен, что ты этого не знаешь. Это широко известный факт.

— Я некоторым образом невежественен, — сказал Хэмилтон.

— Как я понимаю, тебе недавно было видение?

— Если вы имеете в виду, видел ли я недавно Тетраграмматона, то мой ответ — да. — Хэмилтон уже начал испытывать неприязнь к пухлому Пророку.

— И как Он?

— Мне показалось, что в добром здравии. — Хэмилтон не удержался и добавил: — Для Его возраста, конечно.

Клэмп деловито засуетился по кабинету. Его почти лысая голова сияла, как полированный камень. Он представлял собой воплощение теологической гордости и пафоса. И при этом он был — осознал Хэмилтон — практически карикатурой. Все эти напыщенные вечные элементы,

что присутствовали тут… Клэмп был слишком величественен, чтоб быть настоящим.

Карикатура. Или чье-то представление о том, как должен выглядеть духовный лидер Единой Истинной Веры.

— Пророк, — рубанул Хэмилтон, — я лучше сразу расскажу все как есть. Я в этом мире часов сорок, не больше. Честно говоря, он до сих пор ставит меня в тупик. С моей точки зрения, ваша Вселенная абсолютно сумасшедшая. Луна размером с горошину — это абсурд! Геоцентризм — Солнце вращается вокруг Земли! Это же просто примитивно! И вся эта архаичная, чуждая Западу концепция Бога; этот старик, сыплющий вниз монеты и саранчу, налагающий проклятие язв…

Клэмп внимательно смотрел на него.

— Но, мой дорогой, так все устроено. Это Его творение.

— Это творение — возможно. Но не мое. Там, откуда я прибыл…

— Возможно, — прервал его Клэмп, — тебе лучше рассказать мне, откуда ты прибыл. Тетраграмматон не ознакомил меня с этим аспектом ситуации. Он лишь проинформировал меня, что сюда движется некая заблудшая душа.

Без особого энтузиазма Хэмилтон кратко обри-

совал все то, что с ним произошло.

— Ага, — сказал Клэмп, когда он закончил рассказ. Пророк бродил по комнате, заложив руки за спину, взволнованный, но скептичный. — Нет, — наконец провозгласил он, — я не могу этого принять. И все же так могло произойти — реально могло. Ты утверждаешь — вот стоишь здесь и клянешься, — что до этого четверга ты жил в мире, не тронутом Его присутствием?

— Нет, не совсем так. Не тронутом грубым, пафосным присутствием. Никакого вот этого дикарского поклонения божеству. Этих язв и громов. Но Он вполне может там присутствовать. И более того, я всегда был уверен в том, что Он присутствует. Но неявным образом. За кулисами, а не лягаясь Своим копытом каждый раз, когда кто-то выходит из общего строя.

Пророк был явно глубоко тронут этим откровением.

— Это просто потрясающе… Я даже не догадывался, что где-то есть целые миры, все еще не принявшие веры.

Хэмилтон всерьез обиделся.

— Вы не понимаете, что я вам говорю? Эта второразрядная Вселенная, этот Баб, или как там его…

— Второй Баб, — сказал Клэмп.

— Что такое вообще — «Баб»? И где Первый Баб? Откуда взялась вся эта чушь?

После высокомерной паузы Клэмп сказал:

— Девятого июля 1850 года Первый Баб был обезглавлен в Тебризе. Двадцать тысяч его последователей, Бабии, были мученически умерщвлены. Первый Баб был Истинным Пророком Господа, смерть его была сверхъестественной, так что возрыдали даже его мучители и палачи. В 1909 году останки его были перенесены на гору Кармель. — Клэмп сделал театральную паузу, глаза его горели эмоциями. — В 1915 году, шестьдесят пять лет спустя после своей кончины, *Баб вновь появился на Земле*. В Чикаго в восемь часов утра четвертого августа его наблюдала группа посетителей, завтракавших в некоем ресторане. И это несмотря на доказанный факт того, что останки его на горе Кармель не тронуты и по сей день!

— Ясно, — сказал Хэмилтон.

Воздев руки, Клэмп возопил:

— Какие еще дополнительные доказательства нужны? Какое чудо превыше этого видел сей мир? Первый Баб был просто Пророком Единого Истинного Бога. — Срывающимся голосом Клэмп закончил: — А Второй Баб — это *Он!*

— Но почему Шайенн, штат Вайоминг? — поинтересовался Хэмилтон.

— Второй Баб окончил Свои дни на Земле в этой самой точке. Двадцать первого мая 1939 года Он вознесся в Рай, уносимый пятью ангелами, на глазах у Верных. Это был невероятно волнующий момент. Я сам… — У Клэмпа перехватило горло. — Я лично получил от Второго Баба — в Его последний час на Земле — Его… — Он указал на нишу в стене кабинета. — В этом михрабе хранятся часы Второго Баба, Его авторучка, Его бумажник и единственный вставной зуб — остальные были собственными и вместе с Ним отправились в Рай. Я все время жизни Второго Баба был Его летописцем. Я записал многие разделы его «Речений» при помощи вот этой пишущей машинки. — Он коснулся стеклянного ящика, в котором стоял древний «Ундервуд» пятой модели, потрепанный и устаревший.

— А теперь, — продолжал Пророк Клэмп, — давай рассмотрим мир, который ты описываешь. Очевидно, что ты был послан сюда, дабы ознакомить меня с этой экстраординарной ситуацией. Целый мир, миллиарды людей, что проживают свои жизни отрезанными от образа Единого Истинного Бога. — В глазах Пророка загорелся

фанатичный огонь, ослепительно вспыхнувший, когда из уст его прозвучало одно слово: — Джихад.

— Послушайте… — начал было Хэмилтон с опаской. Но Клэмп бесцеремонно прервал его.

— Да, джихад, — взволнованно произнес он. — Сразу свяжемся с полковником Эдвардсом из «Калифорния Мэйнтенанс»… пусть немедленно переходит на выпуск дальнобойных ракет. Первым делом отбомбимся по этому отравленному региону информационной литературой духовной природы. Потом, когда в этой глуши уже загорится некий род духовного огня, отправим команды инструкторов. И уже после этого — общее наступление миссионеров, что будут представлять Истинную Веру через различные СМИ. Телевидение, фильмы, книги, заверенные показания свидетелей. Полагаю, Тетраграмматона удастся убедить на пятнадцатиминутный ролик. Ну и какие-то полномасштабные выступления специально для неверующих.

И вот ради этого, спросил себя Хэмилтон, его и забросило в Шайенн, штат Вайоминг? Уверенный настрой Пророка Клэмпа привел его буквально в предобморочное состояние. Может быть, он и впрямь был знаком, посланным для Реализации

Подчинения; может быть, это и впрямь был реальный мир за пазухой у Тетраграмматона?..

— Могу ли я осмотреть гробницу? — попытался он сменить тему. — Хотелось бы увидеть, как выглядит духовный центр Второго Бабиизма.

Клэмп с трудом оторвался от своих наполеоновских планов и глянул на него.

— Что? А, да. Конечно. — Он уже нажимал кнопки на своем интеркоме. — Я немедленно свяжусь с Тетраграмматоном. — На секунду прервавшись, он наклонился к Хэмилтону, поднял руку и задал вопрос: — Как ты считаешь, почему Он не сообщил нам об этом погруженном во тьму мире? — На его лице, холеном и самодовольном лице Пророка Второго Баба, вдруг появилось странное выражение неуверенности. — Можно даже подумать... — Но он покачал головой, оборвав сам себя, и пробормотал: — Впрочем, пути Господни бывают удивительными.

— Чертовски удивительными, — сказал Хэмилтон. Он вышел из кабинета в отдающийся эхом мраморный коридор.

Даже в этот ранний час тут и там бродили истовые верующие, трогая священные экспонаты и просто глазея вокруг. Вид их еще больше расстроил Хэмилтона. В одном из более крупных

помещений группа хорошо одетых мужчин и женщин, в основном среднего возраста, распевала гимны. Хэмилтон уже совсем прошел было мимо, но затем передумал.

Над этой группой Верных висело слабо светящееся — и слабо ревностное — Божественное Присутствие. Возможно, подумал он, стоит последовать их примеру.

Остановившись, он присоединился к группе и неохотно запел вместе с ней. Гимны были ему незнакомы, но он быстро ухватил общую идею. Она отличалась исключительной простотой — вновь и вновь возникали одни и те же фразы и мелодии. Одни и те же идеи монотонно повторялись без конца. Аппетиты у Тетраграмматона были вполне ненасытными, заключил он. Инфантильная облачная личность, что нуждается в постоянной похвале — и вдобавок в самых доступных ее выражениях. Скорый на гнев, Тетраграмматон был, очевидно, столь же скор и на эйфорию, с жадностью и готовностью сгребая к себе банальную грубую лесть.

Баланс. Метод убаюкивания Божества. Какой, однако, тонкий механизм. Опасность для любого… легко возбудимое Божественное Присутствие было всегда рядом. Всегда прислушивалось.

Отдав свой религиозный долг, он мрачно потащился дальше. И здание, и люди в нем были пронизаны суровой близостью Тетраграмматона. Он чувствовал Его везде, в виде тяжелого, давящего тумана; исламский Бог покрывал все. С тяжелым чувством Хэмилтон уставился на гигантскую подсвеченную таблицу на стене.

ПЕРЕКЛИЧКА ВЕРНЫХ. НАЙДИ СВОЕ ИМЯ.

Список был алфавитным; он изучил его и обнаружил, что не значится в нем. Аналогичным образом, заметил он ехидно, отсутствовало имя Макфайфа. Бедолага Макфайф. Ничего, справится. Имя Марши отсутствовало тоже. Но список в целом был неожиданно и удивительно коротким; неужели из всего человечества лишь это скромное количество достойно попасть в Рай?

Неясная обида закипела в нем. Он поискал наугад несколько великих имен, своих моральных авторитетов: Эйнштейн, Альберт Швейцер, Ганди, Линкольн, Джон Донн. Не было никого. Он разозлился. Что это означало? Неужели им предстояло попасть в Ад лишь потому, что они не были последователями Второго Баба из Шайенна, штат Вайоминг?

Да, разумеется. Спасены будут лишь Истинно

Верующие. Все остальные, бесчисленные миллиарды, обречены погрузиться в грызущий огонь Ада. Эти ровные ряды имен здесь принадлежали простой деревенщине, провинциалам, что и составляли Единую Истинную Веру. Рядовые, банальные личности, жалкие пятна усредненных ничтожеств…

Но одно имя оказалось знакомым. Он долго стоял, не отводя от него взгляда, беспокойно соображая, что это значит, с растущей тревогой раздумывая, откуда оно здесь и что означает его присутствие.

СИЛЬВЕСТЕР, АРТУР

Тот самый старик-ветеран! Суровый старый солдат, лежащий в белмонтском госпитале. Он оказался полноправным членом Единой Истинной Веры.

Все сходилось. Все сходилось до такой степени, что какое-то время он мог лишь стоять, бессмысленно уставившись на выгравированное имя.

Понемногу, очень туманно он начал понимать, как складываются части этой головоломки. Механика ее постепенно становилась понятной. Наконец-то, наконец он обнаружил в этом безумии — систему.

И следующим шагом должно было стать возвращение в Белмонт. Чтобы найти Артура Сильвестера.

В аэропорту Шайенна Хэмилтон высыпал все свои деньги на стойку и сказал:

— Билет в одну сторону до Сан-Франциско. Если не хватает, то можно место в багажном отделении.

Не хватало даже на это. Но быстрая телеграмма Марше позволила закрыть нехватку… и заодно опустошила его сберегательный счет. Вместе с деньгами пришло странное жалобное сообщение: «Возможно, тебе не стоит возвращаться. Со мной происходит нечто ужасное».

Он был не слишком удивлен. Скорей наоборот, отлично представлял себе, что это могло быть.

Он вышел из самолета в аэропорту Сан-Франциско в полдень. Оттуда сел в Грэйхаунд до Белмонта. Входная дверь в дом оказалась закрытой, в панорамном окне виднелась рыжая морда Дурачка Нинни. Кот уныло наблюдал, как он ищет по карманам ключи. Марши нигде не было видно — но он знал, что она здесь.

— Я дома, — громко объявил он, когда смог наконец открыть дверь.

Из темной спальни донесся негромкий всхлип.

— Милый, я умираю. — В темноте Марша беспомощно заметалась по комнате. — Я не могу выйти. Не смотри на меня. Ради всего святого, не смотри на меня.

Хэмилтон снял пальто и взял трубку телефона.

— Двигай сюда, — сказал он, когда Билл Лоус ответил на звонок. — И собери остаток группы, всех, кого сможешь. Джоан Рейсс, эту женщину с сыном, Макфайфа — если сможешь его найти.

— Эдит Притчет с сыном все еще в больнице, — ответил Лоус. — Бог знает, где искать остальных. Это срочно нужно? У меня что-то вроде похмелья.

— Максимум сегодня к вечеру.

— Давай лучше завтра, — сказал Лоус. — Воскресенье не за горами. А что случилось-то?

— Кажется, я разобрался, в чем тут все дело.

— Ну надо же, а мне только начало тут нравиться. — Лоус иронично продолжил: — А завтра в этом тута месте большой день. Божечки-божечки. Ми таки точно будем уже иметь себе бал.

— Что с тобой?

— Ничо, сынок. — Лоус невесело хмыкнул. — Ваще ничо.

— Ладно, тогда до воскресенья. — Хэмилтон повесил трубку и обернулся к спальне. — Выхо-

ди, — резко сказал он жене.

— Не выйду, — ответила Марша с железной решимостью. — Ты на меня не посмотришь. Я так решила.

Стоя перед дверью в спальню, Хэмилтон попытался найти в карманах свои сигареты. Их не оказалось, они остались у Силки. Он мимолетно задумался, сидит ли она до сих пор в его машине, запаркованной напротив Небабиистской церкви отца О'Фаррела. Возможно, она видела, как они с Макфайфом вознеслись в Рай. Но она девушка продвинутая и вряд ли удивилась. Так что, вероятней всего, ничего плохого не произошло — разве что, возможно, он не очень скоро получит свою машину назад.

— Выходи, малыш, — сказал он жене. — Очень хочется позавтракать. И если это то, о чем я думаю…

— Это кошмарно! — Боль и отвращение задрожали в голосе Марши. — Я хотела покончить с собой. *За что?* Что я сделала? За что мне это наказание?

— Это не наказание, — сказал он ей мягко. — И это пройдет.

— Правда? — Робкая надежда забрезжила перед ней. — Ты уверен?

— Если мы сумеем выйти из этой ситуации. Я пойду в гостиную к Нинни, мы будем ждать тебя там.

— Он уже видел, — сказала Марша перехваченным, напряженным голосом. — Он в отвращении.

— Коты слишком скоры на эмоции. — Вернувшись в гостиную, Хэмилтон упал на кушетку и стал терпеливо ждать. Какое-то время ничего не происходило. Затем из темной спальни раздались первые звуки грузного движения. Болезненное сочувствие пронзило грудь Хэмилтона. Бедная, бедная… и не понимающая за что.

В дверях возникла фигура. Массивная и приземистая, она стояла, глядя на него. Даже будучи предупрежденным, он испытал тяжелый шок. От Марши почти ничего не осталось, лишь очень отдаленное подобие. Неужели это распухшее чудовище было его женой?

По ее грубым щекам покатились слезы.

— Что… — прошептала она. — Что мне делать?

Он быстро поднялся и подошел к ней.

— Это ненадолго. И ты не единственная. Лоус вон меняется. И говорит на диалекте.

— Да какое дело мне до Лоуса, у меня своя беда…

Перемены коснулись ее повсюду. Мягкие каштановые волосы стали теперь грязными вьющимися кольцами, свисающими на шею и плечи нечистыми зарослями перепутанных прядей. Кожа стала серой и бородавчатой, изломанной прыщами. Тело стало гротескным, бесформенным, словно пудинг. Руки стали гигантскими, ногти — почерневшими и обломанными. Ноги представляли собой две белые волосатые колонны на массивных плоских ступнях. Вместо привычного шикарного платья на ней был грубый шерстяной свитер, грязная твидовая юбка и теннисные туфли. И — господи прости — носки.

Хэмилтон обошел вокруг нее, критически присматриваясь.

— Что ж, все сходится.

— Это Божья…

— Нет, это не имеет к Богу никакого отношения. Это имеет отношение к старому ветерану по имени Артур Сильвестер. Чокнутому старому вояке, что верит в свой религиозный культ и свои штампованные идеи. Для него такие люди, как ты, — это опасные радикалы. И у него есть очень четкое представление о том, как должен выглядеть радикал — а точнее, молодая женщина, разделяющая радикальные идеи.

Грубые черты Марши исказились от внутренней боли.

— Я выгляжу как… как *карикатура*.

— Ты выглядишь так, как, по мнению Сильвестера, должна выглядеть молодая радикальная выпускница колледжа. А еще он считает, что все негры говорят с акцентом. Нам всем придется нелегко… если мы прям чертовски быстро не выберемся из мира Сильвестера, то нам конец.

8

Утром в воскресенье Хэмилтона ни свет ни заря разбудил яростный бубнеж, заполонивший дом. Он кое-как выбрался из постели и тут вспомнил, что Билл Лоус предсказал какое-то неприятное событие утром Господня Дня.

Скрежещущий невыносимый шум доносился из гостиной. Войдя, Хэмилтон обнаружил, что телевизор чудесным образом включился сам по себе, экран кипел движением. Надутые пятна дрейфовали по экрану, пульсируя; общая картина представляла собой сердитое кружение опасных пурпурных и багровых тонов. Из колонок хай-фай-системы летел оглушительный грохот, беспощадный и страстный, настоящий рев адского огня и вечного проклятия.

Это, понял он, утренняя воскресная проповедь. И читает ее Сам Тетраграмматон.

Выключив аппарат, он побрел обратно в спальню, чтобы одеться. В постели Марша лежала несчастной грудой плоти, свернувшись, пытаясь укрыться от яркого солнечного света из окна.

— Пора вставать, — сообщил он ей. — Разве

ты не слышишь, как Всемогущий разоряется в нашей гостиной?

— И чего Он там говорит? — поинтересовалась Марша сердито.

— Да ничего такого. Покайся, или прими вечное проклятие. Обычное дикарское битье в барабаны.

— Не смотри на меня, — умоляющим тоном попросила Марша. — Отвернись, пока я одеваюсь. Господи Боже, ну я и *чудовище*.

Телевизор в гостиной сам собою снова включился на полную громкость — никому не было позволено улизнуть от еженедельного обращения. Изо всех сил пытаясь не слушать, Хэмилтон побрел в ванную, где и предался вечному ритуалу умывания и бритья. Он уже вернулся в спальню и одевался, когда прозвенел дверной колокольчик.

— Они пришли, — сказал он Марше.

Марша, уже одетая и пытающаяся хоть что-то сделать с волосами, взвизгнула от ужаса:

— Я не могу показаться в таком виде. Пусть они уйдут.

— Дорогая, — сказал он твердо, завязывая шнурки на обуви. — Если ты надеешься когда-нибудь получить обратно свое прежнее тело…

— Чо, вы дом' там? — донесся голос Лоуса. — Я

тут чист' дверь т'лкнул и прям' з'шёл.

Хэмилтон бросился в гостиную. Посреди нее стоял Лоус, выпускник физического факультета. С безвольно болтающимися вдоль тела руками, торчащими из орбит ярко-белыми глазными яблоками, подогнутыми по-обезьяньи коленями. Шаркая по полу и вихляясь во все стороны, эта тощая гротескная карикатура приблизилась к Хэмилтону.

— Не, ты глянь ток с'да! — произнесла она. — Гля, мэн, как м'ня уделало! Прям ч'рт накрыло-засадило плотн'!

— Да ты нарочно, что ли? — Хэмилтон не понимал, смеяться ему или злиться.

— Нааа-рооо-шнооо? — непонимающе взглянул на него негр. — О чём эт', масса Хэмилтон?

— Или ты полностью в руках Сильвестера, или ты циник, каких свет не видывал!

Вдруг глаза Лоуса блеснули.

— В руках Сильвестера? Что ты имеешь в виду? — Его акцент исчез, он весь словно подобрался, прислушался. — Я-то думал, это работа Его Вечноживущего Величества.

— То есть ты все-таки притворялся с этим акцентом?

Сейчас глаза Лоуса уже откровенно сияли.

— Я побеждаю его, Хэмилтон. *Тяга* никуда не делась — я чувствую, как акцент пытается проскользнуть. Но я сильнее. — В этот момент он заметил Маршу. — Кто это?

— Моя жена, — неловко объяснил Хэмилтон. — Эта штука достала ее.

— Иисусе, — тихо сказал Лоус. — Что же нам теперь делать?

Дверные колокольчики прозвенели снова. Марша с воплем исчезла в спальне. На сей раз это была мисс Рейсс. Бодрая и строгая, она решительно вошла в гостиную — скромный серый деловой костюм, невысокие каблучки, очки в роговой оправе.

— Доброе утро, — произнесла она резким высоким голосом. — Мистер Лоус сказал мне, что… — Мисс Рейсс остановилась в изумлении. — Этот балаган, — указала она на грохот и вспышки из телевизора. — У вас то же самое, выходит?

— Само собой. Он всем раздает.

Мисс Рейсс на глазах повеселела.

— Я думала, что Он выбрал лично меня.

Через полуоткрытую входную дверь в дом втянулась сгорбленная болью фигура Чарли Макфайфа.

— Привет всем, — невнятно пробормотал он.

Его страшно раздутая челюсть была сейчас подвязана бинтом; бинт же обматывал его шею, уходя за воротник. Осторожно ступая, он подошел поближе к Хэмилтону.

— Не получается справиться? — сочувственно спросил тот.

Макфайф хмуро покачал головой.

— Никак.

— Так, ну и в чем же тут все дело? — пожелала узнать мисс Рейсс. — Мистер Лоус сказал, что вы хотите нам что-то рассказать. Что-то насчет этого необыкновенного заговора, который окружает нас.

— Заговора? — предчувствуя неприятности, глянул на нее Хэмилтон. — Я бы это так не назвал.

— Совершенно согласна! — пылко отозвалась мисс Рейсс. К сожалению, понявшая его неправильно. — Это уже далеко вышло за рамки обычного заговора.

Хэмилтон сдался. Он подошел к закрытой двери в спальню и настойчиво постучал.

— Выходи, дорогая моя. Пора ехать в госпиталь.

После мучительной паузы Марша вышла. Она накинула тяжелый длинный плащ, а голову

— в попытке скрыть отвратительные волосы — повязала красным платком. Косметики на ней не было: краситься стало совершенно бессмысленно.

— Ну хорошо, — сказала она слабым голосом, — я готова.

Хэмилтон запарковал «Плимут» Макфайфа на стоянке больницы. Пока они впятером шли по гравию к больничным зданиям, Лоус переспросил еще раз:

— Так Сильвестер — ключ ко всему этому?

— Сильвестер и *есть* всё это, — ответил Хэмилтон. — А ключом был тот сон, который был у вас с Маршей. И другие факты — твой акцент, ее изменившаяся внешность. Статус этого культа Второго Баба. Вся эта геоцентрическая Вселенная. Мне сейчас кажется, что я знаю Артура Сильвестера вдоль и поперек, снаружи и изнутри. По большей части изнутри.

— Ты уверен? — с сомнением спросил Лоус.

— Мы все восьмером попали в протонный луч Беватрона. И в какой-то момент на всех нас оставалось всего одно сознание, одна точка отсчета. Сильвестер не терял сознания.

— Тогда, — сказал Лоус практично, — на самом деле мы не здесь.

— Физически мы все еще лежим на полу здания Беватрона. Но ментально мы тут. Гигантская свободная энергия луча превратила личный внутренний мир Сильвестера в нашу общую вселенную. Мы подчинены логике религиозного придурка, старика, что подцепил шарлатанский культ в Чикаго тридцатых. Мы в его вселенной, где действуют все его безмозглые религиозные предрассудки. Мы в его *голове*. — Он махнул рукой. — Этот пейзаж, этот вид. Все это просто складки мозга; холмы и долины разума Сильвестера.

— О боже, — прошептала мисс Рейсс. — Мы в его власти. Он пытается уничтожить нас.

— Сомневаюсь, что он в курсе произошедшего, в этом-то вся и ирония. Сам Сильвестер, вероятнее всего, не видит ничего странного в этом мире. Да и с чего бы ему видеть? Это мир его личной фантазии, в котором он и жил всю свою жизнь.

Они вошли в здание больницы. Никого не было видно; изо всех комнат грохотал агрессивный рев воскресной утренней проповеди Тетраграмматона.

— Да, действительно. Об этом я забыл, — признался Хэмилтон. — Нам надо быть осторожнее.

За стойкой информации никого не было. Судя

по всему, весь персонал слушал проповедь. Перелистав журнал, Хэмилтон нашел номер палаты Сильвестера. Через минуту они уже поднимались на бесшумном гидравлическом лифте.

Дверь в палату Артура Сильвестера была открыта настежь. Внутри они увидели худого и прямого старика, не отрывающего взгляд от телеэкрана. Там же, в палате, находилась и миссис Эдит Притчет со своим сыном Дэвидом. Они беспокойно ерзали и входящую группу встретили с некоторым облегчением. Сам Сильвестер, однако же, даже не шевельнулся. Без устали, с фанатичным упорством, он сидел лицом к лицу со своим Богом, погруженный в гневный вихрь воинственных, бьющих в сердце эмоций, что выплескивались в палату.

Очевидно, Артур Сильвестер не видел ничего странного в том, что его Создатель обращался лично к нему. Это, судя по всему, было частью его воскресной рутины. Воскресным утром он потреблял недельный запас духовной пищи.

Дэвид Притчет подошел к Хэмилтону с раздраженным выражением лица.

— Что это за фигня вообще? — потребовал он ответа, тыча пальцем в экран. — Мне совсем не нравится.

Его мать, пухленькая женщина средних лет, сидела, грациозно обгрызая очищенное яблоко; на ее мягком лице не отражалось ни единой мысли. Кроме смутной неприязни к громоподобному реву, она была абсолютно равнодушна к происходящему на экране.

— Сложно объяснить, — сказал Хэмилтон мальчику. — Ты, вероятно, еще не сталкивался с Ним до сих пор.

Старый костлявый череп Артура Сильвестера чуть повернулся, жесткий и бескомпромиссный взгляд серых глаз упал на Хэмилтона.

— Замолчите, — бросил ветеран голосом, который заставил Хэмилтона вздрогнуть. Не тратя больше слов, он снова повернулся к экрану.

Это и был человек, в чей мир им довелось попасть. В первый раз после аварии Хэмилтон испытал настоящий, непритворный страх.

— П'хож, — уголком рта пробормотал Лоус, — нам тута всем придёцц' заслуш'ть весь эт' спич.

По всему выходило, что Лоус был прав. Интересно, сколько времени Он обычно вещает, когда дорвется до микрофона?..

Спустя десять минут не выдержала миссис Притчет. С усталым стоном она встала со своего места и прошла ко входу в палату, где стояли

остальные.

— Святые небеса, — пожаловалась она, — я никогда терпеть не могла всех этих бубнящих телепроповедников. А этот в придачу еще и громче всех остальных, что я слыхала в жизни.

— Рано или поздно Он сдастся, — сказал с усмешкой Хэмилтон. — Уставать уже начал.

— Все в этой больнице смотрят — до единого, — поделилась миссис Притчет, недовольно скривив губы. — Это вредно для Дэвида… Я пытаюсь научить его воспринимать мир рационально. Нехорошее тут для него место.

— Однозначно, — согласился Хэмилтон.

— Хочу, чтобы мой сын получил достойное образование, — продолжала она пылко; изящная ее шляпка покачивалась в такт словам. — Хочу, чтобы он изучил великих классиков, познал прекрасные стороны жизни. Его отец, Альфред Б. Притчет, создал тот великолепный стихотворный перевод «Илиады». И я считаю, что большое искусство должно играть свою роль в жизни обычного человека, как вы полагаете? Оно может сделать его существование настолько богаче, настолько полнее…

Миссис Притчет оказалась почти такой же занудой, как и Тетраграмматон.

Мисс Джоан Рейсс, стоя спиной к экрану, объявила:

— Я больше ни одной минуты не выдержу. Этот ужасный старик еще, что сидит и глотает всю эту чушь с экрана! — Ее лицо скривила гримаса отвращения. — Взять бы что-нибудь — что угодно — да дать бы ему по башке!

— Мэм, — сказал ей Лоус, — эт' тута старик, мэм, он вас уделает так, как вам не снилось, мэм, еж'ли вы спробуете.

Миссис Притчет прислушивалась к акценту Лоуса с заметным интересом.

— Эти региональные акценты так украшают речь, — с дурацкой радостью сообщила она ему. — Откуда вы, мистер Лоус?

— Клинтон, штат Огайо, — ответил Лоус уже без акцента. Он пронзил ее гневным взглядом; подобной реакции он вовсе не ожидал.

— Клинтон, штат Огайо, — повторила эхом миссис Притчет все с той же мягкой улыбкой на лице. — Я проезжала как-то раз. Там ведь, кажется, отличная оперная труппа?

Хэмилтон обернулся к жене, пока миссис Притчет все еще перечисляла свои любимые оперы.

— Вот женщина, которая не заметит, даже если мир исчезнет полностью, — сказал он Марше.

Он говорил тихо, но именно в этот момент ревущая проповедь наконец закончилась. Безумная пляска красок пропала с экрана; на мгновение в палате воцарилась тишина. Хэмилтон покраснел, поняв, что его слова в этой внезапно наступившей тишине услышали все.

Медленно и неумолимо голова Сильвестера повернулась на тонкой шее.

— Я прошу прощения, — прозвучал его спокойный ледяной голос. — Вы хотели что-то сказать?

— Да, хотел, — ответил Хэмилтон; сейчас он уже не мог отступить. — Я хочу поговорить с вами, Сильвестер. У нас, у всех семерых, есть что обсудить, есть претензии. И они к вам.

Телевизор в углу показывал группу ангелов, радостно распевающих старинные версии популярных гимнов. С ничего не выражающими лицами ангелы плавно раскачивались вперед и назад, что придавало мрачным и печальным ритмам некоторый джазовый оттенок.

— У нас есть проблема, — сказал Хэмилтон, не сводя глаз со старика. Скорее всего, Сильвестер имел полную возможность зашвырнуть всех семерых в Ад. В конце концов, это был его мир; если кто и имел влияние на Тетраграмматона, то это был именно Артур Сильвестер.

— В чем проблема? — спросил Сильвестер. — Почему вы все не на молитве?

Пропустив мимо ушей этот вопрос, Хэмилтон продолжал:

— Мы совершили некоторое открытие относительно произошедшего с нами несчастного случая. Как заживают ваши раны, кстати говоря?

На высохшем лице появилась ухмылка спокойной гордости.

— Мои раны, — сообщил Сильвестер, — полностью исчезли. Благодаря вере, а не этим докторам, что лишь мешают. Вера и молитва проведут человека через любое испытание. — После небольшой паузы он добавил: — То, что вы называете несчастным случаем, было на самом деле способом, которым Божественное Провидение испытывало нас. Так Господь исследовал, из чего мы сотканы.

— Но, дорогой мой, — запротестовала миссис Притчет, участливо улыбаясь. — Я уверена, что Провидение не подвергло бы людей такому испытанию.

Старик смерил ее безжалостным взглядом.

— Единый Истинный Бог, — сказал он безапелляционно, — это суровый Бог. Он раздает награды

и наказания так, как сочтет нужным. Наша доля — подчиняться. Человечество было помещено на эту Землю для исполнения Воли Космической Власти.

— Из нас восьмерых, — сказал Хэмилтон, — семеро потеряли сознание от удара после падения. Лишь один человек сохранил сознание. Это были вы.

Сильвестер кивнул, выражая благодушное согласие.

— Когда я падал, — объяснил он, — я молился Единому Истинному Богу, чтобы Он защитил меня.

— От чего? — не удержалась мисс Рейсс. — От своего собственного испытания?

Отмахнувшись от нее, Хэмилтон продолжал:

— В Беватроне огромное количество свободной энергии. Обычно у каждого человека существует своя система отсчета. Но поскольку все мы потеряли сознание, находясь в энергетическом луче, а вы нет…

Сильвестер не слушал. Он напряженно вглядывался за плечо Хэмилтону, взгляд его был устремлен на Билла Лоуса. Праведное возмущение загорелось на его впалых щеках. Высоким голосом он начал:

— Верно ли я понимаю, что там стоит — цветной?

— Это наш экскурсовод, — сказал Хэмилтон.

— Прежде чем мы продолжим, — спокойным тоном сказал Сильвестер, — мне придется попросить цветную персону выйти вон. Это частное место обитания белого человека.

То, что вырвалось после этого у Хэмилтона, пришло с уровня гораздо более глубокого, чем рассудочное мышление. У него не было никаких оправданий для этих слов; они прозвучали слишком спонтанно и естественно, чтобы как-то за них оправдываться.

— Да провались ты в Ад, — сказал он и заметил, как мгновенно окаменело лицо Сильвестера. Ну что же, слова были сказаны. Теперь хуже стать уже не могло, так что можно было договорить до конца. — Белый человек? Если этот Второй Баб, или, как там бишь его, эта чушь, Тетраграмматон, которую ты изобрел, может молча проглотить эти твои слова, то Он даже более бездарная и жалкая пародия на Бога, чем ты — на человека. А это о многом говорит.

Миссис Притчет ахнула. Дэвид Притчет хихикнул. Мисс Рейсс и Марша инстинктивно попятились. Лоус застыл, на его лице за сардони-

ческой усмешкой таилась боль. И лишь Макфайф в углу отстраненно поглаживал свою пострадавшую челюсть и, казалось, вообще ничего не слышал.

Артур Сильвестер медленно поднялся во весь рост. Он больше не был человеком; он был воплощенной силой мщения, что превзошла его человеческую сущность. Как архангел чистоты, он защищал свое доморощенное божество, свою страну, белую расу и свою задетую личную честь — все сразу. Его аскетичную фигуру сотрясла дрожь, а из глубин его тела поднялась медленная, вязкая, ядовитая ненависть.

— Мне кажется, — произнес он, — что ты любитель ниггеров.

— Так и есть, — согласился Хэмилтон. — Еще атеист и красный. Познакомьтесь, а это моя жена, русская шпионка. А это мой друг, Билл Лоус. Выпускник физического факультета; достоин сидеть за обеденным столом с любым из ныне живущих людей. Достоин того, чтобы…

На телеэкране хор ангелов остановил свои песнопения. Изображение задрожало; темные волны света угрожающе хлынули во все стороны, в плавном движении нарастал гнев. Из колонок больше не лилась слезливая музыка; лампы и

конденсаторы теперь сотрясал глухой рокот. Рокот перерос в оглушительный гром.

С телеэкрана в воздух шагнули четыре огромные фигуры. Это были ангелы. Здоровенные, грубые, мужланистые ангелы с нехорошим выражением в глазах. Каждый весил под сотню килограммов. Хлопая крыльями за спиной, ангелы устремились прямо к Хэмилтону. С ехидной ухмылкой на морщинистом лице Сильвестер отступил в сторону, чтобы насладиться видом небесной кары, что вот-вот падет на святотатца.

Как только первый ангел снизился, чтобы исполнить Космический Приговор, Хэмилтон вырубил его одним ударом. За его спиной Билл Лоус подхватил настольную лампу. В прыжке он разбил ее вдребезги о голову второго ангела; тот, явно ошеломленный ударом, с трудом сдерживал атаку негра.

— О боже, — взвизгнула миссис Притчет. — Кто-нибудь, вызовите полицию!

Но это был безнадежный бой. В своем углу Макфайф очнулся от ступора и слабо замахнулся на одного из ангелов. Луч чистой энергии ударил в него; Макфайф очень тихо сполз по стене и замер. Дэвид Притчет с радостными воплями хватал одну за другой бутылочки с лекарствами

с прикроватного столика и швырял их в сторону ангелов. Марша и мисс Рейсс яростно сражались, повиснув с двух сторон на огромном, туповатого вида ангеле, свалив его на пол, пиная и царапая его, горстями вырывая перья.

Через телеэкран к ангелам подошла подмога. Артур Сильвестр с довольным видом наблюдал, как Билл Лоус исчезает под снегопадом мстительных крыльев. На ногах держался лишь Хэмилтон, да и то из последних сил. Пальто его было порвано, из носа текла кровь, но он упорно держал свой последний рубеж. Еще один ангел рухнул вниз после меткого пинка в пах. Но на место каждого выведенного из строя через двадцатисемидюймовый экран влетала целая стая и быстро набирала полный рост.

Отступая, Хэмилтон крикнул Сильвестеру:

— Если б была хоть какая-то справедливость в этом вонючем и жалком твоем мире… — Два ангела прыгнули на него; ослепленный и задыхающийся, он почувствовал, что ноги его больше не держат. Марша с криком рванулась на помощь. Вооруженная блестящей булавкой для шляп, она всадила ее в почку одному из ангелов; тот завопил и отпустил Хэмилтона. Схватив со столика бутылку с минеральной водой, Хэмилтон отчаянно

метнул ее. Бутылка разбилась о стену; по палате разлетелись осколки и капли пенящейся воды.

Весь в брызгах, Артур Сильвестер попятился. Мисс Рейсс столкнулась с ним; настороженная как кошка, она крутнулась и резко оттолкнула его, а потом быстро ретировалась. Сильвестер, с удивленным выражением на лице, споткнулся и упал. Угол кровати вышел навстречу его хрупкому черепу, и в момент их столкновения раздался резкий хруст. Артур Сильвестер захрипел и потерял сознание…

И ангелы исчезли.

Вся сумятица закончилась. Телевизор замолк. Не осталось ничего, кроме восьми сильно потрепанных людей, разбросанных в самых разных позах боли и защиты. Макфайф был глубоко без сознания, с заметными ожогами. Артур Сильвестер лежал неподвижно, глаза его остекленели, язык выпал, одна рука конвульсивно подергивалась. Билл Лоус уже сидел и даже пытался встать. Миссис Притчет в полном ужасе заглядывала в комнату из коридора, ее мягкое лицо пузырилось тревогой. Дэвид Притчет стоял, тяжело дыша; он все еще держал свои метательные снаряды — яблоки и апельсины.

Истерически хохоча, мисс Рейсс воскликнула:

— Мы одолели его. Мы победили. Мы *победили!*

В полном смятении Хэмилтон обнял трепещущую фигуру жены. Стройная, но тяжело дышащая, Марша прижалась к нему.

— Милый, — прошептала она с глазами, полными слез, — ведь все хорошо, правда? Все кончилось.

Его лицо ласкали ее мягкие каштановые волосы. Кожа ее, гладкая и теплая, прижалась к его губам; тело ее вновь стало стройным и хрупким, тем легким и гибким, что он помнил. Исчезла и мешковидная одежда. В облегающей хлопковой блузке и юбке Марша обнимала его с благодарным и счастливым облегчением.

— Да, — выговорил Лоус, с трудом поднимаясь на ноги. Один его глаз был подбит так, что не открывался; одежда была в лохмотьях. — Старый мерзавец вырубился. Мы отключили его — и это решило вопрос. Теперь он ничуть не лучше нас. Теперь он тоже без сознания.

— Мы победили, — все повторяла мисс Рейсс, настойчиво и ликующе. — Мы разрушили его заговор.

Врачи набежали изо всех отделений больницы сразу. Большая часть их внимания досталась

Артуру Сильвестеру. Слабо кривясь, старик ухитрился занять свое место близ телеэкрана.

— Спасибо, спасибо, — пробормотал он. — Со мной все в порядке. Видимо, просто голова закружилась.

Макфайф, начавший понемногу приходить в себя, радостно ощупывал своей лапищей шею и челюсть; все многочисленные проклятия слетели с него. С победным воплем он сорвал бинты и вату.

— Прошло! — вскричал он. — Слава Богу!

— Не благодари Господа, — сухо напомнил ему Хэмилтон. — Уйди непобежденным.

— Что здесь произошло? — потребовал ответа один из врачей.

— Мы тут немного повздорили. — Лоус насмешливо указал на разбросанные конфеты, коробка с которыми свалилась с прикроватного столика. — Насчет того, кому достанется последняя, со сливочным кремом.

— Одно только мне не нравится, — пробормотал Хэмилтон в глубокой задумчивости. — Возможно, это всего лишь технический вопрос.

— И что же это? — спросила Марша, крепко прижавшись к нему.

— Твой сон. Мы ведь все лежим в Беватроне бо-

лее или менее без сознания? Мы ведь физически подвешены в том моменте времени?

— Боже, — поняла вдруг Марша. — Да, это так. Но мы же вернулись и мы в безопасности!

— Казалось бы. — Хэмилтон чувствовал, как бьется ее сердце, чувствовал более медленный ритм ее дыхания. — Да, только это и важно. — Марша была теплой, мягкой и восхитительно стройной. — Главное, ты пришла в норму, стала такой, как была…

Его голос вдруг оборвался. Да, жена в его объятиях была стройной, все так. *Слишком* стройной.

— Марша, — сказал он тихо, — все же что-то пошло *не так*.

Ее гибкое тело мгновенно окаменело.

— Не так? Что ты имеешь в виду?

— Сними одежду. — Он сам взялся за молнию на ее юбке. — Давай же — быстрее!

Марша замигала от удивления и отстранилась от него.

— Прямо здесь? Но, милый, здесь же люди…

— Давай! — приказал он резко.

В растерянности Марша начала расстегивать свою блузку. Выскользнув из блузки, она бросила ту на кровать и наклонилась, чтобы снять юбку. В шоке и ужасе присутствующие смотрели, как

она снимает нижнее белье и стоит обнаженная посреди комнаты.

Асексуальная, как пчела, как пластмассовый пупс.

— Посмотри на себя! — яростно крикнул ей Хэмилтон. — Боже мой, только посмотри! Разве ты этого не *чувствуешь?*

Марша удивленно глянула вниз, на свое тело. Ее грудь исчезла полностью. Туловище оказалось гладким, местами чуть угловатым, лишенным первичных или вторичных половых признаков любого рода. Стройное и лишенное волос, оно могло бы принадлежать мальчику. Но она не была даже мальчиком; она была — никем. Абсолютно и недвусмысленно бесполым существом.

— Что… — испуганно пролепетала она. — Я не понимаю.

— Мы не вернулись, — сказал Хэмилтон. — Это не наш мир.

— Но ангелы, — запротестовала мисс Рейсс. — Они ведь исчезли.

Дотронувшись до своей нормальных размеров скулы, Макфайф поддержал ее:

— И с моим нарывавшим зубом тоже порядок.

— Да, это уже не мир Сильвестера, — объяснил им Хэмилтон. — Но — чей-то другой. Вмешалась

какая-то третья сила. Бог ты мой, эдак мы *никогда* не вернемся назад! — С болью в голосе он обратился к ошарашенным спутникам: — Сколько же всего миров? *Сколько еще раз это случится?*

9

Восемь человек лежали на полу Беватрона, там, куда упали. Никто из них не находился в полном сознании. Вокруг валялись дымящиеся обломки, закопченные куски арматуры и бетона, что составляли смотровую площадку, — груда частей того, на чем стояли экскурсанты.

Со скоростью улиток медики осторожно сползали к ним по лестницам. Уже скоро они приблизятся к восьми телам, магнит отключится и гул потока протонов растворится в тишине.

Крутясь и ворочаясь в своей постели, Хэмилтон изучал эту бесконечную немую сцену. Вновь и вновь он исследовал ее, буквально под лупой рассматривая каждый ее аспект. Чем ближе он становился к бодрствованию, тем более эта картина тускнела. Когда же он вновь погружался в беспокойный сон, она появлялась вновь, яркая, резкая, в мельчайших подробностях.

Рядом с Хэмилтоном его жена заворочалась и вздохнула во сне. В городе Белмонт восемь человек сейчас ворочались и метались между сном и явью, вновь и вновь видели застывшие

очертания Беватрона, свои изломанные, распластанные тела.

Стараясь изучить каждую деталь сцены, Хэмилтон рассматривал все фигуры дюйм за дюймом.

Первым — и самым притягательным — было его собственное физическое тело. Оно упало последним. С ошеломляющей силой ударившись о бетон, оно лежало в неестественной позе — руки разбросаны, одна нога подвернута под туловище. Кроме редкого и неглубокого дыхания, оно было абсолютно неподвижным. Боже, если б только можно было как-то дотянуться до него… закричать на него, разбудить, зареветь так громко, что оно вышло бы из тьмы беспамятства. Но это было невозможно.

Неподалеку лежало грудой крупное тело Макфайфа. На мясистом лице застыло выражение яростного изумления; одна рука все еще тянулась, тщетно пытаясь ухватиться за перила, которых больше не существовало. По его толстой щеке текла струйка крови. Макфайф был ранен, вне всякого сомнения. Дыхание его было тяжелым и неровным. Под его курткой грудь вздымалась и опадала с явной болью.

За Макфайфом лежала мисс Джоан Рейсс. Полузасыпанная обломками, она судорожно хватала

воздух; руки и ноги ее рефлекторно подергивались в попытках сбросить бетон и штукатурку. Очки были разбиты вдребезги, одежда была смятой и изорванной, а на виске поднималась нехорошая опухоль.

Жена Хэмилтона, Марша, тоже лежала неподалеку. Сердце его сжималось от жалости при виде этой застывшей, неподвижной картины. Как и всех остальных, ее невозможно было привести в себя. Одна рука была подогнута под туловище, колени чуть согнуты, как в незаконченной позе эмбриона, голова обращена в сторону, обожженные каштановые волосы рассыпались на шею и плечи. Медленная дрожь дыхания едва шевелила ее губы, никакого иного движения не было. Одежда на ней горела; медленно и неумолимо линия неярких искр подбиралась к ее телу. Над ней висело облако едкого дыма, частично прикрывая стройные ноги. Одна из туфель на высоком каблуке была сорвана с ноги; она лежала примерно в метре, забытая и брошенная.

Миссис Притчет представляла собой бочкообразный холм пульсирующей плоти, гротескно украшенный ярким платьем в цветочек, сейчас же оно было в ужасных пропалинах. Ее фантазийную шляпку начисто раздавило обломками

падающей штукатурки. Сумочка, что выпала из рук от удара, распахнулась; содержимое ее в беспорядке валялось вокруг.

Дэвид Притчет оказался завален обломками. Один раз он застонал. Один раз пошевелился. Поперек груди мальчика лежал кусок искореженного металла, не давая ему подняться. Именно к нему со скоростью улитки мчались бригады медиков. Что за чертовщина, отчего они такие медленные? Хэмилтону хотелось кричать, истерически выть. Почему они не торопятся? Ведь прошло уже четыре ночи…

Но не там. В том мире, в реальном мире, прошло всего лишь несколько секунд.

Среди обломков разорванного в клочья защитного экрана лежал негр-экскурсовод, Билл Лоус. Его худощавое тело подергивалось; открытые, но остекленевшие глаза бессмысленно уставились на дымящуюся кучу живой субстанции. Этой кучей было тощее и хрупкое тело Артура Сильвестера. Старик потерял сознание… шок и боль от сломанной спины погасили последнюю искру разума. Он был наиболее пострадавшим из всех.

Так они и лежали там, восемь обожженных и ужасно исковерканных тел. На редкость печальное зрелище. Но Хэмилтон, все еще ворочаясь

в своей удобной кровати, рядом с прекрасной и стройной женщиной — его женой, — отдал бы все на свете, чтобы очутиться там. Вернуться к Беватрону и вернуть в сознание своего физического двойника… и таким образом выдернуть свою ментальную сущность из скитаний по мирам, в которых она заблудилась.

Во всех возможных вселенных понедельник начинался одинаково. В полдевятого утра Хэмилтон сидел в пригородном поезде «Саузерн Пасифик», на коленях его была развернута «Сан-Франциско кроникл», и ехал он на работу, на север — в Агентство по развитию электроники. Предполагая, конечно, что оно существует. Так ли это, он пока сказать не мог.

Вокруг него полусонные белые воротнички курили, обсуждали футбол или листали комиксы. Сгорбившись на своем сиденье, Хэмилтон мрачно рассматривал их. Догадывались ли его соседи, что представляют собой лишь искаженные фрагменты чьего-то вымышленного мира? Судя по всему, нет. Они спокойно двигались по обыденному понедельничному маршруту, не зная, что каждый аспект их существования управляется незримым чужим присутствием.

Сообразить, чье именно это было присутствие,

оказалось совсем несложно. Вероятнее всего, семь из восьми членов их группы сейчас уже все поняли. Даже его жена. За завтраком Марша значительно посмотрела на него и сказала:

— Миссис Притчет. Я думала об этом всю ночь. Я *абсолютно* уверена.

— Отчего же ты так уверена? — спросил он саркастично.

— Потому что, — ответила Марша тоном полной убежденности, — она единственная из всех, кто верит в подобное. — Марша провела руками по своему плоскому телу. — Это именно та дурацкая викторианская чушь, которой она нас постоянно пичкала.

Если у него и были еще какие-то сомнения на этот счет, их развеял один взгляд из окна поезда, когда тот покидал Белмонт. Перед небольшим деревенским домиком покорно ждала хозяина лошадь, запряженная в повозку, полную металлолома — ржавых частей от брошенных машин. Лошадь была в штанах.

— Сан-Франциско — Юг, — объявил кондуктор, показавшись в конце покачивающегося вагона. Спрятав газету в карман, Хэмилтон присоединился к небольшой группе выходящих. Через минуту он уже мрачно шагал в сторону блестящих бе-

лых строений Агентства. Ну хотя бы компания существовала… неплохо для начала. Он скрестил пальцы и пылко помолился о том, чтобы его работа тоже существовала в этом мире.

Доктор Гай Тиллингфорд встретил его в своем основном кабинете.

— Ранняя пташка, как я посмотрю, — заулыбался он, обмениваясь с Хэмилтоном рукопожатием. — Ну, в добрый путь!

Заметно успокоившись, Хэмилтон снял пальто. Агентство существовало, и работа у него тоже была. Тиллингфорд нанял его в том искаженном мире, и этот факт остался тут без изменений. Из его списка первоочередных проблем одну все-таки удалось вычеркнуть.

— Очень круто, что вы дали мне этот отгул, — осторожно сказал Хэмилтон, спускаясь вместе с Тиллингфордом в лаборатории. — Я весьма признателен.

— Ну и как оно вышло? — поинтересовался Тиллингфорд.

Хэмилтона бросило в жар. В мире Сильвестера Тиллингфорд отправил его на консультацию к Пророку Второго Баба. Было несколько маловероятно, что и этот факт останется тут без изменений… строго говоря, об этом и речи не бы-

ло. Пытаясь выиграть время, Хэмилтон ответил:

— Ну с учетом всего — не так уж плохо. Но, конечно, это все же несколько не мое.

— Без труда место нашел?

— Да, абсолютно. — Хэмилтон почувствовал, что потеет. Хорошо было бы знать, что же он сделал в этом мире. — Это было… — начал он, — было очень здорово с вашей стороны. В первый же день — и такое.

— Пустое. Скажи мне только одно. — На пороге лаборатории Тиллингфорд приостановился. — Кто победил?

— П-победил?

— Ну твой красавчик выиграл? — Тиллингфорд заулыбался и хлопнул его по спине. — Зуб даю, выиграл. Вижу по выражению твоего лица!

Осанистый директор по персоналу подошел к ним широким шагом, придерживая под мышкой толстый портфель.

— Ну и как он выступил? — первым делом спросил он, понимающе кашлянув. — Есть чем похвастаться? — похлопал он Хэмилтона по плечу. — Может, ленточку дали?

— Он скрывает, — поделился Тиллингфорд. — Эрни, давай мы это распишем в офисном бюллетене, людям наверняка будет интересно!

— Крутая идея, — согласился директор по персоналу. — Помечу себе, чтоб не забыть. — Он обратился к Хэмилтону: — Как, ты говорил, зовут твоего кота?

— Что? — переспросил Хэмилтон обморочным голосом.

— Ну в пятницу, когда мы об этом говорили. Ну начисто вылетело из головы. Хочу точно написать в статье, чтобы имя было без ошибки.

В этой вселенной Хэмилтон получил отгул — в свой первый рабочий день на новом месте, — чтобы отвезти Дурачка Нинни на выставку кошек. Он мысленно застонал. В некоторых своих аспектах мир миссис Притчет обещал быть бóльшим испытанием, чем мир Артура Сильвестера.

Получив все подробности относительно выставки, директор по персоналу торопливо удалился, оставив Хэмилтона один на один со своим боссом. Пришло время; откладывать дальше было нельзя.

— Доктор, — хмуро сказал Хэмилтон, словно прыгая в воду. — Я должен вам признаться. В пятницу я был настолько рад, что буду у вас работать, что я… — Он заискивающе улыбнулся. — Откровенно говоря, не помню ровнехонько ни слова из того, о чем мы говорили. Сплошной

туман в голове.

— Понимаю, мальчик мой, — успокоил его Тиллингфорд и по-отечески ему улыбнулся. — Не расстраивайся… в детали можно будет вникнуть позднее. Надеюсь, ты здесь всерьез и надолго.

— Ну, совсем уж честно, — Хэмилтон вынужден был дожимать вопрос, — я не помню даже, на какую должность устроился. Правда же, смешно?

И они оба от души посмеялись над этим.

— Да уж, на редкость забавно, мальчик мой, — в конце концов согласился Тиллингфорд, вытирая с глаз слезы веселья. — Я уж думал, что все в жизни слышал.

— Ну тогда как насчет… — Хэмилтон постарался, чтобы его слова прозвучали легко и непринужденно, — небольшой вводной лекции, пока вы еще тут?

— Что ж, — сказал Тиллингфорд. Веселье отчасти оставило его; он принял торжественный и значительный вид, изобразив серьезную задумчивость. Он словно бы всмотрелся в даль, в нечто невидимое — очевидно, созерцая общую картину. — Я считаю, что никогда не вредно пройтись по основам. Всегда говорю — время от времени важно возвращаться к базовым постулатам. Так, чтобы нам далеко не отклоняться от

нашего курса.

— Принято, — согласился Хэмилтон, возносящ молчаливую молитву о том, чтобы он смог подстроиться под здешнюю реальность, какой бы она ни оказалась. Какое, черт побери, у Эдит Притчет могло быть представление о гигантском предприятии по исследованиям в области электроники?

— EDA, — начал Тиллингфорд, — как ты прекрасно понимаешь, является важным элементом социального облика страны. У него есть для выполнения жизненно важная задача. И Агентство эту задачу выполняет.

— Абсолютно так, — отозвался Хэмилтон.

— То, чем мы занимаемся здесь, в EDA, — это больше, чем работа. Я бы даже осмелился сказать, это больше, чем просто коммерческое предприятие. EDA не было основано для зарабатывания денег.

— Внимательно слушаю вас, — заверил Хэмилтон.

— Совершенно недостойно было бы хвастаться тем, что Агентство успешно экономически. Оно успешно; но это абсолютно неважно. Наша задача здесь — и это великая и благородная задача — намного выше самих понятий выручки и прибыли.

И особенно это важно в твоем случае. Ты, как молодой начинающий идеалист, мотивирован теми же стремлениями, что некогда двигали мной. Сейчас я старик, я сделал свою часть работы. Однажды — возможно даже, довольно скоро — я сниму со своих плеч эту ношу, передам бремя нагрузки в более молодые и энергичные руки.

Обнимая Хэмилтона за плечи одной рукой, доктор Тиллингфорд гордо вошел вместе с ним в огромный комплекс исследовательских лабораторий Агентства.

— Наша цель, — величественно возгласил он, — заключается в том, чтобы повернуть неисчислимые ресурсы и таланты электронной отрасли к задаче повышения культурного уровня масс. Чтобы искусство стало доступным самым широким слоям населения.

Не выдержав, Хэмилтон резко отшатнулся.

— Доктор Тиллингфорд, — вскрикнул он, — вы это все серьезно, что ли?

Тиллингфорд в шоке лишь беззвучно открывал и закрывал рот.

— Джек, ты что?.. — пробормотал он. — В чем…

— Как вы можете стоять тут и нести всю эту чушь? Вы же образованный, интеллигентный человек, вы один из лучших в мире исследовате-

лей-статистиков! — Бешено жестикулируя, Хэмилтон буквально орал на растерявшегося старшего товарища. — Неужели у вас нет собственного рассудка? Ради всего святого — постарайтесь вспомнить, кто вы такой! Не позволяйте этому овладеть вами!

В ужасе попятившись, Тиллингфорд умоляюще сложил руки. Заикаясь, он спросил:

— Джек, мальчик мой, что это на тебя нашло?

Хэмилтона затрясло. Все это было бесполезно, пустая трата времени. Внезапно ему захотелось засмеяться в голос. Ситуация была абсурдной до невероятности, ему следовало бы придержать свой гнев. Бедный Тиллингфорд был ни в чем не виноват… не больше, чем та лошадь в штанах, запряженная в тележку с металлоломом.

— Простите, — сказал он устало. — Был взволнован.

— Ну слава всему святому, — выдохнул доктор Тиллингфорд, начиная приходить в себя. — Я присяду на минутку, если ты позволишь. У меня небольшие проблемы с сердцем… ничего серьезного, но порой беспокоят. Называется «пароксизмальная тахикардия». Старый мой будильничек иногда спешит. Извини. — Он исчез за дверью соседнего кабинета; дверь за ним

захлопнулась, и лишь звук торопливо открываемых бутылочек с лекарствами и принимаемых таблеток чуть слышно просачивался в холл.

Похоже, он только что потерял свою новую работу. Хэмилтон разбито опустился на скамью в холле и потянулся за сигаретами. Отличное начало, прекрасная адаптация… хуже начала и придумать было нельзя.

Медленно и осторожно дверь кабинета вновь открылась. Доктор Тиллингфорд со страхом в расширенных глазах опасливо выглядывал из-за нее.

— Джек, — позвал он слабо.

— Да? — пробурчал Хэмилтон, не поднимая глаз.

— Джек, — неуверенно спросил Тиллингфорд, — но ведь ты же в самом деле *хочешь* нести культуру в массы, правда?

Хэмилтон вздохнул.

— Безусловно, доктор. — Он поднялся и повернулся к старику. — Я это просто обожаю. Лучше этого в мире ничего не придумано.

На лице Тиллингфорда отразилось невероятное облегчение.

— Хвала небесам. — Отчасти возвратив себе прежнюю уверенность, он вышел в холл. — Ты

чувствуешь в себе достаточно сил, чтобы приступить к работе? Я… эээ… не хотел бы оказывать на тебя излишнего давления…

Мир, составленный Эдит Притчет и населенный ею же. Сейчас он уже отчетливо представлял его — дружелюбный, доброжелательный, приторно-сладкий. Все, что в нем происходило, все мысли и убеждения, было только добрым и прекрасным.

— Так вы не собираетесь увольнять меня? — спросил Хэмилтон.

— Увольнять тебя? — Тиллингфорд непонимающе заморгал. — За что, помилуй?

— Я серьезно оскорбил вас.

Тиллингфорд слабо кашлянул.

— Забудь об этом. Мальчик мой, твой отец был одним из ближайших моих друзей. Когда-нибудь мне придется рассказать тебе, как яростно мы с ним, бывало, ссорились. Яблочко от яблоньки… а, Джек? — Осторожно поглаживая Хэмилтона по плечу, доктор Тиллингфорд сопроводил его в непосредственно лабораторные помещения. Во все стороны тянулись ряды оборудования и сотрудников; здоровый гул деловито работающих исследовательских проектов в области электроники раздавался повсюду.

— Доктор, — спросил вдруг невпопад Хэмилтон, — можно задать вам один вопрос? Исключительно для очистки совести.

— Да, мой мальчик, безусловно. Что за вопрос?

— Помните ли вы Кое-кого по имени Тетраграмматон?

Доктор Тиллингфорд выглядел озадаченным.

— А что это такое, Тетраграмматон? Нет, мне кажется, не знаю такого. По крайней мере, припомнить не могу.

— Большое спасибо, — тоскливо поблагодарил Хэмилтон. — Я просто хотел проверить, так и думал, что вы незнакомы.

С чьего-то рабочего стола доктор Тиллингфорд подобрал экземпляр «Журнала прикладных наук» за ноябрь 1959 года.

— Наши сотрудники активно обсуждают одну из статей в этом номере. Тебя тоже может заинтересовать, хотя сейчас это уже несколько устаревшие материалы. Анализ работ одного из действительно значимых людей нашего века, Зигмунда Фрейда.

— Отлично, — бесцветным голосом произнес Хэмилтон. Он был готов ко всему.

— Как ты помнишь, Зигмунд Фрейд разработал свою психоаналитическую концепцию о том, что

секс является сублимацией тяги к искусству. Он показал, как базовый, основной инстинкт человека творить прекрасное в отсутствие достойных средств для его выражения превращается (и извращается) в свою суррогатную форму, сексуальную активность.

— И это действительно так? — с усталым любопытством спросил Хэмилтон.

— Фрейд показал, что у здорового, ничем не ограниченного человека сексуальная тяга отсутствует, нет ни интереса, ни даже любопытства к сексуальности. В противовес устоявшемуся мнению, секс является полностью искусственным занятием. Если мужчине или женщине дать возможность честной, нормальной творческой активности — в живописи, литературе, музыке, — то так называемые сексуальные устремления исчезают без следа. Таким образом, сексуальная активность представляет собой тайную, скрытую форму существования творческого начала в человеке, когда механистическое общество подвергает его противоестественному воздержанию.

— Точно, — сказал Хэмилтон. — Мы это в колледже проходили. Или что-то в этом роде.

— К счастью, — продолжал Тиллингфорд, —

первоначальное сопротивление эпохальному открытию Фрейда было сломлено. Само собой, он встретился с невероятным противодействием. Но старый подход, хвала небесам, вымирает. Нынче трудно встретить образованную личность, ведущую речь о сексе или сексуальности. Я использую эти термины в их клиническом смысле, чтобы описать ненормальное, болезненное состояние.

С долей надежды Хэмилтон поинтересовался:

— Так вы говорите, некие остатки традиционных взглядов все еще встречаются среди низших классов?

— Ну, — признал Тиллингфорд, — нужно, конечно, время, чтобы дотянуться до каждого. — Он оживился, его энтузиазм вернулся вновь. — Это и есть наша работа, мальчик мой. В этом и состоит функция нашего электронного ремесла.

— Ремесла, — эхом отозвался Хэмилтон.

— Да, боюсь, это не является в полной мере художественным творчеством. Но недалеко, очень недалеко. Наша работа, мальчик мой, заключается в поиске *предельного средства связи*, устройства, которое никого не оставит в стороне. При помощи которого все ныне живущие люди вынуждены будут столкнуться с художественным и культурным наследием цивилизации. Ты

понимаешь меня?

— О да, безусловно, — ответил Хэмилтон. — У меня уже много лет дома стоит система хай-фай высококачественного воспроизведения.

— Высококачественного? — Тиллингфорд умилился. — Я и не знал, что ты проявляешь интерес к музыке.

— Только к качеству звука.

Сделав вид, что не услышал, Тиллингфорд принялся развивать тему:

— Раз так, ты должен вступить в симфонический оркестр компании. В начале декабря мы бросаем вызов оркестру полковника Эдвардса. Надо же, у тебя будет шанс играть против твоей бывшей компании! На каком инструменте ты играешь?

— Укулеле.

— Начинающий, видимо? А твоя жена? Она играет?

— Ребек[3].

Тиллингфорд, заметно озадаченный, решил оставить этот вопрос.

— Ладно, мы успеем еще обсудить это позже. Думаю, тебе не терпится приступить к работе.

---

[3] Примечания: 3

Ребе́к — старинный смычковый струнный инструмент.

В полшестого вечера Хэмилтон смог отложить свои схемы и убрать свои рабочие инструменты. Присоединившись к остальным идущим с работы сотрудникам, он с облегчением вышел с территории и вступил на одну из аллеек, что вели к улице.

И он только начал оглядываться вокруг в поисках станции пригородного поезда, как к обочине подъехал и остановился рядом с ним знакомый синий автомобиль. За рулем его «Форда-купе» была Силки.

— Да будь я проклят! — сказал он — или подумал, что сказал так. Фактически у него получилось. — Да чтоб меня! Что ты тут делаешь? Я уже хотел было искать тебя.

Улыбаясь, Силки распахнула для него дверь автомобиля.

— Я нашла твое имя и адрес по номерному знаку на машине. — Она указала на листок бумаги на руле. — Выходит, ты все же говорил правду. Что означает буква В в твоем среднем имени?

— Виллибаль.

— Ты невозможный.

Осторожно усаживаясь рядом с ней, Хэмилтон заметил:

— Но тут не сказано, где я работаю.

— Нет, — признала Силки. — Но я позвонила твоей жене, и она сказала мне, где тебя искать.

Хэмилтон взглянул на нее с откровенным ужасом, а она тем временем включила передачу и рванула машину вперед.

— Ничего, если я поведу, ладно? — попросила она с надеждой. — Я просто влюбилась в твою машинку… такая милая и уютная и водится так легко.

— Веди, конечно, — сказал Хэмилтон все еще в прострации. — Ты — позвонила Марше?

— Да, у нас была долгая сердечная беседа, — спокойно сообщила ему Силки.

— О чем же?

— О тебе.

— Обо мне?

— О том, что ты любишь. Что делаешь. Ой, да все о тебе обсудили. Ну знаешь, обычный женский разговор.

От таких новостей Хэмилтон впал в беспомощное молчание и лишь невидящим взглядом глазел на Эль Камино Реал. Потоки машин спускались по полуострову в городки-спутники. Силки на соседнем сиденье наслаждалась ведением машины, на ее маленьком, с резкими чертами лице отражались ум и спокойствие. В этом неза-

пятнанном мире Силки претерпела радикальную трансформацию. Ее светлые волосы теперь были заплетены в две тугие косы. На ней была белая блузка-миди и консервативная темно-синяя юбка. Обувь представляла собой скромные легкие туфли практически без каблука. Откуда ни глянь, она выглядела невинной юной школьницей. Макияжа на ней не было вовсе. Ее кокетливая и вместе с тем хищная улыбка исчезла без следа. А фигура ее была точно такой же, как у Марши, — совершенно неразвитой.

— Как ты вообще? — сухо поинтересовался Хэмилтон.

— Все хорошо.

— А ты помнишь, когда мы с тобой в последний раз встречались? — спросил он осторожно. — Помнишь, что тогда произошло?

— Само собой, — уверенно ответила Силки. — Мы с тобой и Чарли Макфайфом поехали в Сан-Франциско.

— Зачем?

— Мистер Макфайф хотел, чтобы ты посетил его церковь.

— И что я?

— Ну видимо, посетил. Вы оба исчезли внутри.

— А потом что?

— Ни малейшего понятия. Я уснула в машине.

— Ты — ничего не видела?

— Например?

Сказать: «Ну, как два взрослых человека поднимаются к Небесам на зонте», показалось ему неуместным. Так что он промолчал, а взамен этого спросил:

— Мы куда едем? Возвращаемся в Белмонт?

— Само собой. Куда же еще?

— Ко мне домой? — Привыкать к этому миру, подумал он, придется долго. — Ты, я и Марша…

— Ужин готов, — сказала ему Силки. — Ну или будет готов, пока мы доберемся. Марша звонила мне на работу, перечислила, что нужно купить из продуктов, ну я и захватила по дороге.

— На работу? — Он ошеломленно поинтересовался: — А в какой, эм, сфере ты работаешь?

Силки бросила на него недоуменный взгляд.

— Джек, ты такой странный.

— Оу.

Силки все смотрела на него озабоченно, пока приглушенный звук тормозов впереди не вынудил ее вновь обратить внимание на дорогу.

— Посигналь, — велел ей Хэмилтон. Гигантский бензовоз справа пытался втиснуться в их полосу.

— Что? — переспросила Силки.

Разозлившись, Хэмилтон дотянулся до руля и нажал сигнал. Ничего не произошло, не раздалось ни звука.

— А зачем ты это сделал? — с любопытством спросила Силки, пропуская бензовоз вперед.

Вновь погрузившись в медитацию, Хэмилтон внес еще один фрагмент данных в свою копилку знаний. В этом мире понятие «сигнал автомобиля» было упразднено. Иначе в плотном потоке вечернего часа пик должен был бы стоять непрерывный шум гудков.

Очищая мир от его болячек, Эдит Притчет упразднила не просто какие-то объекты, но целые классы объектов. Возможно, однажды, не вспомнить уж, где и когда, ее раздосадовал сигналящий автомобиль. Сейчас в ее милой фантазийной версии мира такие вещи не существовали. Их просто *не было*. Как класса.

Список вещей, которые ее раздражали, без сомнения, был значительным. И сказать заранее, что в него вошло, было попросту невозможно. На ум назойливо лезла ария Ко-Ко, палача из оперы «Микадо»:

…и неважно, кто в списке окажется,
Не уйдет ни один – не уйдет ни один!

Это, безусловно, не слишком вдохновляло. Если нечто — будь то вещь, предмет или событие — за пятьдесят с лишним прожитых ею лет как-то нарушило плавное течение глупого ее восторга, то оно просто мягко выдавливалось из существования. Кое о чем он мог догадаться. Мусорщики наверняка — те, что гремели баками. Бродячие коммивояжеры. Счета и налоговые формуляры всех видов. Плачущие дети (а возможно, и вообще *все* дети). Пьяницы. Грязь. Бедность. Страдания вообще.

Удивительно, что хоть что-то еще оставалось.

— Что случилось? — сочувственно спросила Силки. — Тебе нехорошо?

— Это смог, — ответил он ей. — У меня всегда от него голова болит.

— А что такое смог? — поинтересовалась Силки. — Какое смешное слово.

Разговор после этого как-то сам собой затих. Хэмилтон просто сидел и тщетно пытался удержаться в здравом рассудке.

— Хочешь, где-нибудь по пути остановимся? — предложила Силки заботливо. — На стаканчик лимонада?

— Да заткнешься же ты наконец? — заорал Хэмилтон.

Силки моргнула и в страхе взглянула на него.

— Прости. — Осев в кресле, Хэмилтон вымучил корявое извинение: — Новая работа, трудно дается.

— Могу себе представить.

— Ты можешь? — Ему не удалось убрать из голоса ледяной цинизм. — Кстати, ты же мне собиралась рассказать. Чем ты нынче промышляешь?

— Да все тем же.

— И чем же, язви его, конкретно?

— Я все так же работаю в «Тихой Гавани».

Кусочек уверенности вернулся к Хэмилтону. Хотя бы что-то уцелело. «Тихая Гавань» все еще существовала. Крохотный сегмент реальности, перенесенный сюда для него, чтобы можно было хоть на что-то опереться.

— Поехали туда, — сказал он жадно. — По паре пива, а потом домой.

Доехав до Белмонта, Силки запарковала машину через дорогу от бара. Хэмилтон не торопился выходить, а, сидя в машине, критически рассматривал его. На расстоянии бар не выглядел особенно изменившимся. Ну, может быть, стал чуть почище. Даже, пожалуй, не «чуть» — а буквально стал «с иголочки». В оформлении четче

обозначилась морская тема, зато намеки на спиртное заметно сократились. Строго говоря, ему не удавалось даже прочитать рекламу пива Golden Glow. Яркие красные буквы сливались в нечитаемое пятно. Если бы он не знал заранее, что там написано…

— Джек, — сказала Силки мягко, но озабоченно. — Жаль, что ты не можешь рассказать мне, в чем дело.

— Какое дело?

— Я… я не знаю. — Она неуверенно улыбнулась ему. — Я чувствую себя как-то *странно*. У меня в голове словно рой перемешанных воспоминаний клубится, и даже не могу сказать, о чем они, я вижу лишь какие-то смутные обрывки.

— О чем?

— О тебе и обо мне.

— Оу. — Он кивнул. — Ты об этом. А Макфайф?

— Да, и Чарли. И Билли Лоус. Словно бы все это случилось очень, очень давно. Но ведь так не могло быть, верно? Я ведь только что тебя встретила? — Она с силой прижала свои тонкие пальчики к вискам; он обратил внимание, что лака на ногтях не было. — Все так непонятно, просто ужас.

— Жаль, что не могу помочь тебе, — сказал он

искренне. — Я и сам-то в последние несколько дней порядком запутался.

— Но с тобой все в порядке? А мне вот кажется, что я в любой момент могу через мостовую провалиться. Знаешь… вот как будто опустишь ногу, и она утонет. — Она нервно хохотнула. — Похоже, пора искать другого психоаналитика.

— Другого? В смысле, один у тебя уже есть?

— Да, само собой. — Она встревоженно обернулась к нему. — Вот я именно об этом. Ты говоришь такие вещи, и это лишает меня уверенности. Не спрашивай меня о таком, Джек; это неправильно. Это — больно очень.

— Извини, — неловко сказал он. — Это вовсе не твоя вина, мне нет смысла тебя подкалывать.

— Моя вина? Но в чем?

— Давай не будем об этом. — Распахнув дверь машины, он вышел на темную мостовую. — Давай лучше зайдем и закажем по пиву.

«Тихая Гавань» изменилась внутри радикально. Небольшие квадратные столики, покрытые накрахмаленными белыми скатертями, были аккуратно расставлены по залу. На каждом из них горела свеча. По стенам висели литографии прошлого века. Несколько пар среднего возраста за столиками тихонько кушали зеленый салат.

— Сзади уютнее, — сказала Силки, прокладывая путь между столиками. Вскоре они уже сидели в полном теней кабинете в конце зала, а перед ними лежало меню.

Когда принесли пиво, оно оказалось чуть ли не лучшим пивом, что он пробовал в жизни. Изучив меню, Хэмилтон понял, что это оригинал, настоящий немецкий бок-бир, большая редкость в их краях. В первый раз после попадания в этот мир он почувствовал оптимизм, даже веселье.

— Ну, давай утопим все тревоги, — сказал он Силки, поднимая свою кружку.

Улыбнувшись, Силки ответила таким же жестом.

— Хорошо снова сидеть здесь с тобой, — сказала она, отхлебывая понемногу.

— Это точно.

Силки не столько пила свое пиво, сколько баловалась с ним, словно ребенок с завтраком.

— Ты не мог бы порекомендовать какого-то конкретного психоаналитика? Я их сотни перебрала… и все меняю и меняю. Все пытаюсь найти самого лучшего. И каждый мой знакомый рекомендует своего.

— У меня нет, — сказал Хэмилтон.

— В самом деле? Как необычно. — Она смот-

рела на литографию, висящую на стене за его спиной; это была классическая литография фирмы «Карриер и Айвс» — зима 1845 года в Новой Англии. — Думаю, пойду в АММГ, обращусь к их консультанту. Обычно они помогают.

— Что такое АММГ?

— Ассоциация Мобилизованной Ментальной Гигиены. Ты разве не состоишь в ней? Все состоят.

— Я странный тип, маргинальный. На отшибе от всех.

Силки достала из сумочки свой членский билет и показала ему.

— Они решают все твои проблемы с душевным здоровьем. Это просто волшебно… анализ в любое время дня и ночи.

— Обычная медицина тоже?

— Ты имеешь в виду психосоматику?

— Судя по всему, да.

— Да, этим они тоже занимаются. И еще у них круглосуточная служба диетологов.

Хэмилтон тяжело вздохнул.

— Тетраграмматон был лучше.

— Тетраграмматон? — Силки вдруг запнулась. — Я знаю это имя? Что оно значит? У меня смутное впечатление… — Она с грустью покачала

головой. — Нет, не могу вспомнить.

— Расскажи мне про диетологию.

— Ну они составляют тебе диету.

— Я догадался.

— Правильная пища исключительно важна. Вот сейчас, например, я сижу на твороге и тростниковой патоке.

— Мне, пожалуйста, стейк из вырезки, — сказал Хэмилтон с чувством.

Силки взглянула на него в ужасе, явно потрясенная.

— Стейк? Плоть животного?

— Еще бы. И побольше. С обжаренными луковыми кольцами, жареным картофелем, зеленым горошком и с горячим черным кофе.

Ужас сменился отвращением.

– О, Джек!

— Что такое?

— Ты… ты — *дикарь*.

Наклонившись через столик к девушке, Хэмилтон предложил:

— Как насчет того, чтобы смыться отсюда? Поехали, запаркуемся в каком-нибудь переулке и вступим в половое сношение?

Лицо девушки отразило лишь удивленное непонимание.

— Что?

Хэмилтон обмяк.

— Забудь.

— Но…

— Забудь! — Он угрюмо допил свое пиво. — Пойдем, поехали домой и там поужинаем. Марша, наверное, уже гадает — что же с нами случилось.

10

Марша и правда встретила их с облегчением в светлой маленькой гостиной.

— Как раз вовремя, — сказала она Хэмилтону, поднимаясь на цыпочки, чтоб поцеловать его. В переднике и узорчатом платье она выглядела милой и стройной, а еще она была теплой и душистой. — Мойте руки и присаживайтесь.

— Могу ли я с чем-нибудь помочь? — вежливо спросила Силки.

— Даже не думай. Джек, прими у нее пальто.

— Спасибо, я просто положу его в спальне. — И она удалилась туда, оставив их на минуту наедине.

— Черт знает что такое, — пожаловался Хэмилтон, отправляясь вслед за женой на кухню.

— Ты про нее?

— Угу.

— Когда ты успел с ней познакомиться?

— На прошлой неделе. Знакомая Макфайфа.

— Она миленькая. — Марша нагнулась и вытащила из печки дымящуюся запеканку. — Такая свежая и приятная.

— Любимая, она шлюха.

— Ох. — Марша моргнула от неожиданности. — В самом деле? Она вовсе не похожа на… на то, что ты сказал.

— Конечно, не похожа. Их тут не бывает.

Марша повеселела.

— Ну тогда с ней все в порядке. И не может быть иначе.

Хэмилтон рассердился. Он заступил дорогу Марше, когда та собралась нести запеканку в гостиную.

— И все же это так. В реальном мире она фея из бара, профессионально живущая за счет мужчин, к которым там цепляется.

— Ой, да ладно. — Убедить Маршу не удалось. — Я в это не верю. Мы долго говорили с ней по телефону. Она официантка или что-то вроде того. Очаровательный ребенок.

— Милая, когда ее аппарат был в сохранности… — Он осекся, потому что Силки появилась вновь, задорная и свежая в своей форме школьницы.

— Я удивляюсь тебе, — бросила Марша мужу, возвращаясь на кухню. — Тебе должно быть за себя стыдно.

Разбитый, он побрел прочь.

— Да и черт с ним. — Подхватив вечернюю «Окленд трибьюн», он свалился на кушетку напротив Силки и начал просматривать заголовки.

ФЕЙНБЕРГ ОБЪЯВЛЯЕТ О НОВОМ ОТКРЫТИИ

ОБЕЩАЕТ ПОЛНОЕ ИЗЛЕЧЕНИЕ ОТ АСТМЫ!

Статья на первой странице сопровождалась фотографией улыбающегося, толстенького и лысеющего доктора в белом халате, буквально с рекламы зубной пасты. Статья повествовала о его потрясающем открытии мирового значения. Это была первая колонка первой страницы.

Во второй колонке первой страницы оказалась большая статья о недавних археологических находках на Среднем Востоке. Горшки, тарелки и вазы были подняты из земли; удалось обнаружить целый город железного века. Человечество затаив дыхание ожидало новых открытий.

Его охватило какое-то болезненное любопытство. А что случилось с холодной войной против России? И кстати, что с самой Россией? Он быстро перелистал оставшиеся страницы. От того, что ему удалось понять, волосы на загривке встали дыбом.

Россия как категория была полностью от-

менена. Она оказалась слишком болезненно неприятной. Миллионы мужчин и женщин, миллионы квадратных миль территории — *исчезли!* Что же там теперь было взамен? Выжженная равнина? Туманная пустота? Гигантская яма?

В каком-то смысле главный раздел газеты отсутствовал. Она начиналась сразу со второго раздела, посвященного миру женщин. Моды, светские мероприятия, свадьбы и помолвки, новости культуры, игры. Раздел комиксов? Часть его была на месте — однако части не было. Остались юмористические и шуточные комиксы, в том числе детские; однако детективы отсутствовали, а вместе с ними комиксы о крутых парнях и комиксы для девушек. Но как раз это ему было в достаточной степени безразлично, разве что странно выглядели огромные пустые полосы в газете.

Скорее всего, вот так же выглядела сейчас северная Азия. Что-то вроде гигантской пустой газетной полосы — там, где когда-то жили миллионы людей, хорошо или плохо ли. Плохо — так решила полнеющая женщина средних лет по имени Эдит Притчет. Россия раздражала ее; словно надоедливый комар, она делала ее жизнь неприятной.

И кстати, Хэмилтон до сих пор не видел здесь ни мух, ни комаров. Не было и пауков. Вообще никаких вредителей. К тому времени, как миссис Притчет закончит, это будет весьма привлекательный для жизни мир, очень приятный… если хоть что-то вообще останется.

— Скажи, а это не смущает тебя? — внезапно спросил он у Силки. — То, что больше нет никакой России?

— Никакой чего-чего нет? — переспросила та, выглядывая из-за своего журнала.

— Забудь. — Отбросив газету, Хэмилтон угрюмо побрел из гостиной на кухню. — Вот этого я вынести никак не могу, — объявил он своей жене.

— Чего этого, дорогой?

— Им все равно!

— Но ведь никакой России никогда не было. Как же им может быть не все равно? — мягко указала ему Марша.

— Но им не должно быть все равно. Если бы миссис Притчет отменила письменность, им бы тоже было все равно. Они бы не скучали по ней — просто не заметили бы, что она исчезла.

— Но если они не заметили этого, — сказала Марша задумчиво, — то какая, действительно, разница?

Об этом он не подумал. И задумался, лишь когда женщины накрывали на стол.

— Все еще хуже, — сказал он Марше. — И это действительно самое плохое из всего. Эдит Притчет мухлюет с их миром — она переделывает их жизни, и они даже не замечают этого. Просто ужасно.

— Но почему? — вспыхнула Марша. — Может быть, все не так и страшно. — Понизив голос, она кивнула в сторону Силки. — Разве это ужасно? Неужели раньше она была лучше?

— Да не в этом дело. Дело в том, что… — Он в сердцах пошел вслед за ней. — Сейчас это уже не Силки. Это кто-то другой. Восковая кукла, которой миссис Притчет заменила Силки.

— По мне, это самая обыкновенная Силки.

— Ты ее раньше никогда не видела.

— И слава богу, — горячо сказала Марша.

Пугающее подозрение исподволь стало зарождаться в нем.

— Тебе тут нравится, — тихо сказал он. — Тебе здесь и правда *лучше*.

— Ну я бы так не сказала, — ушла от прямого ответа Марша.

— Но ведь так и есть! Тебе нравятся эти — эти *улучшения!*

В дверях кухни Марша остановилась с полными руками столовых приборов.

— Я думала об этом сегодня. Во многих отношениях все здесь гораздо чище и уютнее. Нет грязи, нет путаницы. Все здесь… ну, гораздо проще. Больше порядка.

— Да, вот только этого «всего» здесь не так уж много.

— Ну и что в этом плохого?

— А что, если мы вдруг превратимся в нежелательные элементы? Ты об этом не думала? — Жестикулируя, он продолжал: — Это просто опасно. Взгляни на нас — нас ведь уже переплавило по-новому. Мы асексуальны — неужели тебе это нравится?

Немедленного ответа не последовало.

— Господи боже, — понял вдруг Хэмилтон с ужасом и отвращением. — Тебе так больше нравится.

— Поговорим об этом позже, — сказала Марша, выходя из кухни с приборами.

Но Хэмилтон схватил ее за руку и грубо втащил обратно.

— Отвечай мне! Тебе так больше нравится, верно ведь? Тебя устраивает то, что старая, толстая ханжа вычистила из мира секс и все неприят-

ности?

— Ну, — сказала Марша задумчиво, — я действительно считаю, что некоторая уборка может пойти миру на пользу, да. И если вы, мужчины, не можете этим заняться или же *не хотите*…

— Я тебе кое-что сейчас поведаю, — яростно сообщил ей Хэмилтон. — С той же скоростью, с какой Эдит Притчет упраздняет категории, я планирую их восстанавливать. И первой категорией, которую я восстановлю, будет секс. Прямо сегодня вечером я собираюсь вернуть секс в этот мир.

— Да чего же от тебя еще ожидать? Ты одного только и хочешь, постоянно только об этом и твердишь.

— Вот эта девушка. — Хэмилтон мотнул головой в сторону гостиной, где Силки любовно раскладывала салфетки по обеденному столу. — Я отведу ее вниз и затащу в постель!

— Милый, — сказала Марша практично, — но ведь ты не сможешь.

— Это еще почему?

— Но она… — Марша сделала выразительный жест. — Она не приспособлена.

— Тебе что, наплевать на это?

— Но это же абсурдно. Все равно что говорить о пурпурных страусах. Такого просто не бывает.

Размашистым шагом Хэмилтон ворвался в гостиную и крепко ухватил Силки за руку.

— Пойдем, — приказал он ей. — Мы сейчас спустимся вниз, в комнату для прослушивания музыки, и будем слушать квартеты Бетховена.

Пораженная Силки, спотыкаясь, вынуждена была последовать за ним.

— Но что насчет ужина?

— Черт с ним, с ужином, — ответил он, открывая дверь на лестницу. — Пошли скорее, пока она не отменила музыку.

В подвале было холодно и сыро. Хэмилтон включил электрический обогреватель и опустил жалюзи на окнах. Пока комната прогревалась до приятной теплоты, он открыл дверь в кабинет для записи и начал выносить оттуда охапки пластинок.

— Что ты хочешь послушать? — воинственно осведомился он.

Силки в испуге мялась возле двери.

— Я хочу кушать. И Марша приготовила такой чудесный ужин…

— Едят только животные, — пробормотал Хэмилтон. — Это неприятно. Некрасиво. Я отменяю это.

— Я не понимаю, — печально откликнулась

Силки.

Включив усилитель, Хэмилтон настроил сложную систему управления звуком.

— Что ты думаешь о моих устройствах? — потребовал он ответа.

— Очень… привлекательно.

— Двухтактный усилитель с дополнительными усиливающими элементами. Полоса пропускания до тридцати килогерц. Четыре пятнадцатидюймовых басовых динамика, вуферы. Восемь «театральных рожков» — для высоких частот, твитеры. Сеть пересекается на четырехстах герцах. Трансформаторы ручной намотки. Алмазные звукосниматели и золотой картридж холодной сварки. — Устанавливая пластинку на проигрыватель, он добавил: — Мотор может крутить вес до десяти тонн включительно и при этом точно держать скорость в тридцать три целых и три десятых. Неплохо, правда же?

— Ч-чудесно.

Он поставил балет «Дафнис и Хлоя». Добрая половина его коллекции пластинок волшебным образом исчезла; пропала в основном современная атональная музыка и экспериментальная перкуссивная. Миссис Притчет предпочитала старую проверенную классику: Бетховен и Шуман,

тяжелые оркестровые композиции, знакомые буржуазному посетителю концертов. Отчего-то утрата драгоценной коллекции Бартока привела Хэмилтона в такое бешенство, как ничто другое до сих пор. У нее был некий личностный аспект, эта музыка касалась самых глубоких уровней его сознания. Нет, в мире миссис Притчет жизни не было; она была даже хуже, чем Тетраграмматон.

— Так лучше? — спросил он автоматически, убрав освещение почти до нуля. — Теперь не настолько в глаза бьет, правда?

— Так и не било, Джек, — ответила Силки встревоженно. Некий смутный фрагмент воспоминания просочился в ее вычищенный разум. — Ой, я почти ничего вокруг не вижу… Боюсь, что упаду.

— Далеко не упадешь, — издевательски сказал Хэмилтон. — Что бы ты хотела выпить? Так сложилось, что у меня тут где-то есть бутылка виски.

Распахнув шкафчик со спиртным, он привычно пошарил внутри. Пальцы сомкнулись на горлышке бутылки; он быстро вытащил ее и нагнулся, чтобы достать стаканы. Однако бутылка отчего-то на ощупь казалась незнакомой. Ближайшее рассмотрение подтвердило этот факт — в его руках оказался не виски.

— Пусть это будет мятный ликер, — поправился он, махнув рукой на эти чудеса. В каком-то смысле так было даже лучше. — О'кей?

«Дафнис и Хлоя» заполняли затемненную комнату страстью и негой, когда Хэмилтон подвел Силки к дивану и усадил ее. Она послушно приняла от него рюмку и старательно отхлебнула из нее. На лице девушки читались непонимание и робость. Хэмилтон метался по комнате, приводя ее к совершенству, как истинный перфекционист: здесь поправил картину на стене, там чуть прибавил звук в усилителе, еще немного убавил свет, взбил подушку на диване, убедился, что дверь на лестницу закрыта на ключ. Он слышал, как Марша ходит наверху — что же, она сама напросилась.

— А теперь просто закрой глаза и расслабься, — приказал он гневно.

— Я расслаблена. — Силки все еще была в страхе. — Разве этого мало?

— Нормально, — пробормотал он с нездоровым возбуждением. — Просто прекрасно. Так, у меня есть идея — попробуй снять обувь и поднять ноги на диван. Если так сделать, то впечатление от Равеля станет совсем иным.

Силки послушно скинула свои белые туфли и

села, поджав ноги под себя.

— Хорошо, — слабым голосом сказала она.

— Намного лучше, правда ведь?

— Гораздо.

Внезапно огромная, всепоглощающая печаль охватила Хэмилтона.

— Бесполезно, — прошептал он сломленно. — Ничего не получится.

— Что не получится, Джек?

— Ты не поймешь.

На минуту оба они замолчали. Потом медленно и осторожно Силки протянула руку и коснулась его ладони.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже.

— В этом моя вина, так ведь?

— Есть немного, но косвенная. Очень, очень косвенная.

После мгновения колебания Силки спросила:

— А могу ли… могу ли *я* тебя кое о чем попросить?

— Да, конечно. О чем угодно.

— Не мог бы ты… — Ее голос был таким тихим, что он едва слышал слова. Она пристально смотрела на него, и глаза ее были огромными и темными в приглушенном свете комнаты. —

Джек, не мог бы ты поцеловать меня? Всего один раз?

Крепко обняв девушку, Хэмилтон привлек ее к себе, приподнял ее маленькое с резкими чертами лицо и поцеловал в губы. Она прижалась к нему, легкая и хрупкая — и такая ужасно унизительно тонкая. Обнимая ее, сжимая изо всей силы, он сидел так какое-то бесконечное время, пока наконец она не отстранилась от него — усталая несчастная фигурка, почти затерявшаяся в неясной темноте.

— Я… я совсем плохая, — запинаясь, пожаловалась она.

— Не вини себя.

— Я чувствую себя… пустой. И все болит. Но *почему*, Джек? Что это? Отчего мне так плохо?

— Брось, не переживай, — сказал он сквозь зубы.

— Я не хочу так себя чувствовать. Хочу дать тебе что-нибудь. Но у меня нет ничего, что я могла бы тебе дать. Я ведь ничто, просто пустота, правда? Просто пустое место.

— Ну не совсем.

В темноте вдруг колыхнулось какое-то движение. Она встала и стояла сейчас перед ним, вся нечеткая и размытая от скорости движений. Ко-

гда он поднял взгляд, то обнаружил, что девушка быстро выскользнула из своей одежды; та лежала рядом с ним, аккуратно сложенная.

— Ты хочешь меня? — спросила она неуверенно.

— Ну, теоретически, в каком-то смысле.

— Ты же знаешь, можно.

— Как? — Он иронично усмехнулся.

— Ну в том смысле, что я не против.

Хэмилтон поднял сброшенную одежду и вручил девушке.

— Одевайся, и пойдем наверх. Мы тут только время теряем, а ужин стынет.

— Никак, да?

— Никак, — ответил он с болью, стараясь не смотреть на бесплодную равнину ее тела. — Совсем никак. Но ты старалась. Ты сделала все, что могла.

Как только она оделась, он взял ее за руку и подвел к двери. За их спинами из проигрывателя все еще неслись роскошные, но бесполезные сплетения звука, что представляли собой музыку Равеля. Но оба они не слышали ничего, с несчастным видом плетясь вверх по лестнице.

— Прости, что подвела тебя, — сказала Силки.

— Забудь.

— Может быть, я как-то еще смогу все исправить, каким-то образом. Может быть, я смогу…

Голос девушки вдруг растаял. А в его руке ее маленькие и сухие пальцы вдруг обратились в ничто. В шоке он резко развернулся и вгляделся в темноту.

Силки исчезла. Ее просто выключило из существования.

Потрясенный, не верящий своим глазам, он так и остался стоять, словно примерзший к ступеньке. Но тут дверь выше него распахнулась и на верху лестницы показалась Марша.

— О, — сказала она удивленно, — вот ты где. Поднимайся — у нас гости.

— Гости, — тупо повторил он.

— Миссис Притчет. И она привела с собой много народу — это прямо настоящая вечеринка. Все веселятся и радуются.

В остолбенелом забытьи Хэмилтон преодолел оставшиеся ступеньки и вышел в гостиную. Его встретил шум голосов и вихрь движений. Возвышаясь над группой гостей, стояла женщина-глыба в изумительно безвкусной шубе, в шляпке с украшениями, что кричала о своей покрытой перьями гротескности; отбеленные перекисью волосы металлическими грудами

ложились на ее полные шею и щеки.

— А вот и вы! — радостно воскликнула миссис Притчет, заметив его. — Сюрприз! Сюрприз! — Подняв битком набитую картонную коробку, она театральным шепотом произнесла: — Здесь самые миленькие маленькие пирожные, что вам доводилось видеть, — настоящие сокровища! И самые чудесные глазированные фрукты, которые вы…

— Что вы с ней сделали? — хрипло потребовал ответа Хэмилтон, подступая к женщине. — Где она?

На мгновение миссис Притчет смутилась. Затем пестрые куски плоти, составлявшие черты ее лица, расслабились, приняв выражение лукавой хитрости.

— Ну я отменила ее, дорогой. Я вычеркнула эту категорию. Разве вы не знали?

11

Хэмилтон застыл, не отрывая взгляда от женщины. Марша тихонько подошла сзади и хрипло шепнула ему в ухо:

— Будь осторожен, Джек. *Будь осторожен.*

Он обернулся к жене.

— Ты в этом участвовала?

— Похоже, что да. — Она пожала плечами. — Эдит спросила меня, где ты, и я сказала ей. Без подробностей… так, в общих чертах.

— В какую же категорию попала Силки?

Марша улыбнулась.

— Эдит описала это очень точно. Мелкая мерзость — мне кажется, она назвала ее так.

— Их таких наверняка довольно много, — сказал Хэмилтон. — Неужели оно того стоило?

За Эдит Притчет стояли Билл Лоус и Чарли Макфайф. Оба были нагружены охапками овощей и зелени.

— Большой праздник, — объяснил Лоус осторожно, с тенью извинения, кивая Хэмилтону. — Где тут кухня? Я хочу уже все это куда-нибудь положить.

— Как дела, друг? — поздоровался Макфайф, лукаво подмигивая. — Хорошо время проводишь? У меня тут в рюкзаке двадцать банок пива, не пропадем!

— Отлично, — автоматически ответил Хэмилтон, все еще в шоке.

— Все, что тебе нужно, так это просто щелкнуть пальцами, — добавил Макфайф, порядком уже покрасневший и запыхавшийся. — Ну в смысле, все, что *ей* нужно.

За Макфайфом выступала невысокая и слишком серьезная фигура Джоан Рейсс. Мальчик, Дэвид Притчет, шел рядом с ней. Замыкая колонну, ковылял угрюмый, но гордый ветеран войны; морщинистое лицо его было непроницаемой маской.

— Все здесь? — Хэмилтону стало дурно.

— Мы будем играть в шарады, — радостно проинформировала его миссис Притчет. — Я к вам заходила сегодня вечером, — пояснила она. — И мы хорошо, всласть и от души наговорились с вашей милой женушкой.

— Миссис Притчет… — начал было Хэмилтон, но Марша тут же заткнула ему рот.

— Отправляйся на кухню и помоги мне все подготовить, — четко и ясно скомандовала она ему.

Хэмилтон неохотно поплелся вслед за женой. На кухне Макфайф и Билл Лоус стояли столбами, неловко и неуклюже, не зная, чем заняться. Лоус блеснул короткой улыбкой, в которой угадывалось понимание и отчасти извинения. Хэмилтон не успел понять точно; Лоус быстро отвернулся и занялся распаковкой бесконечных нарезок и намазок для сэндвичей. Миссис Притчет любила холодные закуски.

— Бридж! — провозгласила миссис Притчет в другой комнате. — Но нам нужно хотя бы четыре человека. Мы можем рассчитывать на вас, мисс Рейсс?

— Боюсь, я не слишком хороша в бридже, — прозвучал в ответ бесцветный голос мисс Рейсс. — Но я приложу все усилия.

— Лоус, — сказал Хэмилтон, — ты слишком умен, чтоб прогнуться под нее. Ну ладно Макфайф, но ты?

Лоус не смотрел на него.

— Позаботься о себе, — сказал он глухо. — Ну а я позабочусь о себе.

— Ты же не можешь не понимать, что…

— Масса Хэмилтон, — включил акцент Лоус. — Моя шанс не упускай. Моя так жить дольш', да.

— Прекрати. — Хэмилтон обиженно вспых-

нул. — На меня-то это барахло не вываливай.

С насмешкой в темных глазах Лоус отвернулся, не извинившись. Но его трясло; руки дрожали так сильно, что Марше пришлось забрать у него фунт копченого бекона.

— Оставь его в покое, — сделала она выговор мужу. — Это его жизнь.

— Тут ты ошибаешься, — парировал Хэмилтон. — Это *ее* жизнь. Разве можно прожить на холодной нарезке и намазках для сэндвичей?

— Да все не так плохо, — философски вмешался Макфайф. — Проснись, друг. Это ведь мир пожилой леди, верно? Она управляет здесь, она босс.

В дверях появился Артур Сильвестер.

— Извините, у вас не найдется стакана теплой воды и немного соды? Что-то у меня сегодня кислотность разыгралась.

Положив руку на хрупкое плечо Сильвестера, Хэмилтон сказал ему:

— Артур, ваш Бог в этом месте не живет; вам тут не понравится.

Не удостоив его ответом, Сильвестер прошел к раковине. Там он получил от Марши стакан воды и соду; затем, отойдя в угол, сосредоточился на них, отключившись от всего остального.

— Я все еще никак не могу в это поверить, —

признался Хэмилтон жене.

— Во что, дорогой?

— Силки. Ее больше нет. Абсолютно. Словно моль убили хлопком ладоней.

Марша безразлично пожала плечами.

— Ну где-то она есть, в каком-то другом мире. Там, в *реальном* мире, она все так же клянчит выпивку и демонстрирует свой товар.

Слово «реальный» ей удалось произнести так, что оно прозвучало грязным и неприличным.

— Могу вам помочь? — Эдит Притчет, игриво порхая, появилась в дверях; огромная масса трясущейся плоти, заключенная в шелковое платье в цветочек. Сочетания цветов на нем буквально резали глаз.

— Ох-ох-ох, где бы мне найти передник?

— Вон там, в шкафу, Эдит. — Марша показала ей, где искать.

С инстинктивным отвращением Хэмилтон отшатнулся от этого создания, когда оно тяжело проплывало мимо него. Миссис Притчет одарила его бездумной улыбкой.

— Ну же, не будьте букой, мистер Хэмилтон. Не надо портить нам вечеринку.

Когда миссис Притчет, ковыляя, удалилась из кухни обратно в гостиную, Хэмилтон зажал

Лоуса в угол.

— Ты согласен, чтоб это чудовище контролировало твою жизнь?

Лоус пожал плечами.

— А у меня что, когда-то была жизнь? Или водить людей по Беватрону, по-твоему, можно назвать жизнью? Людей, которые ничего в этом не понимают, людей, которые просто случайно забрели с улицы, обычных туристов без технического образования…

— А сейчас ты чем занимаешься?

Лоус с гордым видом встряхнулся.

— Я возглавляю исследовательский отдел в Мыловаренной компании Лэкмана в Сан-Хосе.

— Никогда о такой не слышал.

— Миссис Притчет придумала ее. — Отводя взгляд от Хэмилтона, он объяснил: — Там производят модные сорта мыла с запахом.

— Господи Иисусе, — сказал Хэмилтон.

— Слабовато, да? Ну так это для тебя слабовато. Это ты сдохнешь, но на такую работу не пойдешь.

— Именно. Я бы никогда не стал производить ароматизированное мыло для Эдит Притчет. Не стал бы, и все.

— Я тебе одну вещь скажу. — Голос Лоуса дрог-

нул. — Ты как-нибудь попробуй быть цветным хоть ненадолго. Попробуй, каково оно — кланяться со словами «Да, сэр» любой белой мрази, что к тебе припрется, любой деревенщине из Джорджии, что на пол сморкается от непроходимой своей тупости, а туалет этот кретин найти не может, пока его туда не приведешь. Пока *я* его туда не приведу. И практически приходится показывать, как штаны снимать. Ты попробуй немножко. Попробуй свои шесть лет в колледже оплатить, моя за белыми посуду в дешевой забегаловке. Я про тебя наслышан, твой отец был крупным физиком. И денег у тебя всегда хватало, посуду по забегаловкам мыть не приходилось. Вот ты попробуй получить диплом так, как я получил. И попробуй потаскать его в кармане полгодика в поисках работы. И в конце концов тупо водить туристов и носить на рукаве повязку гида. Повязку, да, — как у евреев в концлагере. И вот тогда ты, возможно, не будешь так возражать против того, чтобы заниматься исследованиями на мыловаренной фабрике.

— Даже если эта фабрика не существует?

— Она существует *здесь*. — Темное худое лицо Лоуса выражало мрачное упорство. — И я тоже здесь. И пока я здесь, я собираюсь извлечь из

этого максимум пользы.

— Но, — запротестовал Хэмилтон, — ведь это же иллюзия!

— Иллюзия? — Лоус саркастически улыбнулся; его твердый кулак ударил в стену кухни. — Я нахожу это достаточно реальным.

— Это же все воображение Эдит Притчет! Человек с твоим умом…

— Оставь это, — грубо перебил его Лоус. — Не хочу этого даже слышать. Там, дома, тебя не слишком-то заботил мой ум. Ты не особо возражал против того, что я работаю гидом; я что-то не заметил, чтоб тебя это сильно беспокоило.

— Но ведь тысячи людей работают гидами, — неловко сказал Хэмилтон.

— Такие, как я? Да, скорее всего. Но не такие, как ты. Ты хочешь знать, почему я предпочитаю этот мир? Из-за *тебя*, Хэмилтон. Это твоя вина, не моя. Подумай об этом. Если бы ты попытался хоть что-то сделать, там, дома… но ты не попытался. У тебя была жена, и дом, и кот, и машина, и работа. У тебя все было хорошо… и, понятное дело, *ты* хочешь вернуться назад. Но не я; у меня такого счастья никогда не было. И я не вернусь.

— Ты вернешься, если этот мир схлопнется, — сказал Хэмилтон.

На лице Лоуса появилась холодная и ядовитая ненависть.

— Хочешь его уничтожить?

— Даже не сомневайся.

— Хочешь снова увидеть меня с повязкой, да? Ты такой же, как все остальные, никакой разницы. Мне всегда говорили, что белым верить нельзя. Но я считал тебя своим другом.

— Лоус, — сказал Хэмилтон, — ты самый нервный сукин сын из всех, что я встречал в жизни.

— Если и так, то в этом твоя вина.

— Мне жаль, что ты так думаешь.

— Потому что это правда, — убежденно сказал Лоус.

— Нет, не совсем. Частично да, правда. Где-то там, внутри, есть зерно правды. Возможно, ты и прав; возможно, тебе стоило бы остаться здесь. Действительно, тут тебе, вероятно, будет лучше — миссис Притчет позаботится о тебе, если ты опустишься на все четыре лапы и будешь издавать правильные звуки. Если будешь ходить за ней на правильном расстоянии и не беспокоить ее. Если ты не против мыла с отдушкой, холодных нарезок и лекарств от астмы. Дома, в реальном мире, тебе пришлось бы сражаться против всех. И да, не исключаю, что тебе пора отдохнуть. Вы-

играть там, думаю, тебе все равно не светило.

— Кончай ты к нему приставать, — сказал Макфайф, как всегда подслушивая. — Пустой номер. С негром разговаривать — все равно что с енотом.

— Ошибаешься, — ответил ему Хэмилтон. — Он человек, и он устал проигрывать. Но и здесь ему не победить, да и тебе тоже. Здесь не побеждает никто, кроме Эдит Притчет. — Обернувшись к Лоусу, он сказал: — Это будет похуже, чем когда тобой помыкают белые мужчины… в этом мире ты будешь в руках толстой пожилой белой *женщины*.

— Ужин готов, — резко позвала Марша из гостиной. — Все подходите и усаживайтесь.

Один за другим они входили в гостиную. Хэмилтон вошел именно тогда, когда в коридоре появился Дурачок Нинни, привлеченный запахом еды. Помятый после сна в обувной коробке в шкафу, Нинни пересек линию движения Эдит Притчет.

Чуть не споткнувшись, миссис Притчет сердито сказала:

— Ох ты ж!

И Дурачок Нинни, как раз собиравшийся запрыгнуть к кому-нибудь на руки, исчез. Миссис Притчет же продолжила свой путь, даже не за-

метив, крепко сжимая поднос с птифурами[4] в своих пухлых розовых пальцах.

— Она забрала вашего кота! — громко и обвиняюще взвизгнул Дэвид Притчет.

— Не переживай, — равнодушно ответила Марша. — Их еще много осталось.

— Нет, — севшим голосом поправил ее Хэмилтон. — Их больше нет. Ты забыла? Котов больше нет как класса.

— О чем это вы? — спросила миссис Притчет. — Что это за слово? Я не расслышала.

— Не обращайте внимания, — быстро сказала Марша, усаживаясь за столом и начиная раскладывать по тарелкам еду. Все остальные тоже заняли свои места. Последним появился Артур Сильвестер. Он допил свой стакан воды с содой и вышел из кухни, держа в руках кувшин с чаем.

— Куда мне это поставить? — спросил он ворчливо, подыскивая место на переполненном столе. Стеклянный кувшин дрожал в его высохших руках, большой, скользкий и блестящий.

— Давайте сюда, я возьму его, — ответила миссис Притчет, рассеянно улыбаясь. Когда Сильвестер подошел к ней, она потянулась за

---

[4] Примечания: 4
Птифур — небольшое сдобное пирожное.

кувшином. Сильвестер, не меняя выражения лица, поднял кувшин и изо всех своих старческих сил опустил его на голову женщины. Стол ахнул, все вскочили на ноги.

За мгновение до удара Артур Сильвестер исчез из реальности. Сам кувшин, выпав из его растворившихся рук, упал на ковер и покатился по нему, разбившись. Чай забрызгал все вокруг некрасивыми пятнами цвета мочи.

— Да что ж такое, — в сердцах сказала миссис Притчет. Вместе с Артуром Сильвестером перестали существовать разбитый кувшин и лужа дымящегося чая.

— Как неловко получилось, — ухитрилась вымолвить Марша после паузы.

— Я рад, что все обошлось, — нервно сказал Лоус, руки его дрожали. — Это было опасно.

Джоан Рейсс внезапно вышла из-за стола.

— Я плохо себя чувствую. Сейчас вернусь. — Порывисто обернувшись, она выбежала из гостиной, пересекла зал и скрылась в спальне.

— Что с ней? — заботливо осведомилась миссис Притчет, оглядывая стол. — Неужели что-то расстроило девушку? Возможно, я могу…

— Мисс Рейсс, — позвала Марша тревожно и пронзительно, — вернитесь, пожалуйста. Мы

ужинаем.

— Придется пойти посмотреть, что же так ее расстроило. — Миссис Притчет со вздохом начала подниматься.

Хэмилтон уже выбегал из комнаты.

— Я решу этот вопрос, — бросил он через плечо.

В спальне мисс Рейсс сидела, сложив руки на коленях. Рядом с ней лежали ее шляпка, пальто и сумочка.

— Я отговаривала его, — тихо сказала она Хэмилтону. Ее очки в роговой оправе покинули свое место и бессильно болтались между пальцами. Глаза без очков оказались бледными и жалкими, почти бесцветными. — Это не сработало бы.

— Так вы все *спланировали?*

— Естественно. Артур, мальчик и я. Мы встречались сегодня. Больше рассчитывать было не на кого. К вам обращаться было рискованно из-за вашей жены.

— Вы можете рассчитывать на меня, — сказал Хэмилтон.

Мисс Рейсс достала из своей сумочки небольшой пузырек и положила рядом с собой на кровать.

— Мы собирались усыпить ее, — сказала девуш-

ка безжизненно. — Она старая и болезненная.

Подхватив пузырек, Хэмилтон поднес его к свету. Это оказался жидкий препарат хлороформа, применяемый для фиксации биологических объектов.

— Но это же убьет ее.

— Нет, не убьет.

Дэвид, мальчик, встревоженно появился в дверях.

— Вам лучше бы вернуться — мама начинает злиться.

Поднявшись на ноги, мисс Рейсс засунула пузырек обратно в сумку.

— Идем, я уже в порядке. Просто внезапный шок. Он обещал не делать этого… но эти старые вояки…

— Я сам все сделаю, — сказал ей Хэмилтон.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы вы убили ее. И я знаю, что именно это вы и задумали.

Какой-то миг они смотрели друг на друга. Потом коротким и нервным, судорожным движением мисс Рейсс выудила пузырек и сунула ему в руки.

— Тогда займитесь как следует. И сделайте это сегодня.

— Нет. Завтра найду время. Вывезу ее за город на пикник. Поедем в горы рано утром. На рассвете.

— Не бойтесь и не отступитесь.

— Ни в коем случае, — сказал Хэмилтон, убирая пузырек в карман.

И сказал вполне искренне.

12

Октябрьское солнце было холодным и искрящимся. На газонах еще лежала легкая изморозь; было раннее утро, и город Белмонт тихо плыл куда-то в гуще бело-голубого тумана. По шоссе густой поток машин мчал вверх по полуострову в Сан-Франциско, буквально бампер к бамперу.

— Ох, несчастье, — расстроилась миссис Притчет. — Такое плотное движение.

— Мы там не поедем, — сказал ей Хэмилтон, сворачивая с Бэйшор Фривэй на одну из боковых дорог. — Мы поедем через Лос-Гатос.

— А потом? — спросила миссис Притчет с живым, почти детским предвкушением. — Надо же, а я никогда в *этих* местах не бывала.

— А потом поедем к океану, — ответила Марша, сама раскрасневшаяся от возбуждения. — Мы поедем по Первому шоссе, прибрежному, до самого Биг-Сура.

— А где это такое? — подозрительно спросила миссис Притчет.

— Это в горах Санта-Люсия, почти сразу за Монтереем. Не слишком далеко. Прекрасное место

для пикника.

— Ну хорошо, — согласилась миссис Притчет, откидываясь обратно на сиденье автомобиля. Она скрестила руки на коленях. — Очень мило с вашей стороны было предложить этот пикник.

— К вашим услугам, — отозвался Хэмилтон, резко прибавляя газу.

— Я все же не понимаю, чем тебя не устроил парк «Голден Гейт», — недоверчиво пробурчал Макфайф.

— Слишком много народу, — логично объяснила мисс Рейсс. — А вот Биг-Сур — это часть национального заповедника. Он все еще в первозданном виде.

Миссис Притчет насторожилась.

— А там безопасно?

— Абсолютно, — заверила ее мисс Рейсс. — Ничего не случится.

— А разве вы не должны быть на работе, мистер Хэмилтон? — поинтересовалась миссис Притчет. — Сегодня ведь не выходной день. Мистер Лоус вот на работе.

— Я взял отгул на полдня, — с кривой улыбкой сказал Хэмилтон. — Чтобы можно было покатать вас.

— Ой, так приятно! — воскликнула миссис

Притчет. Ее пухлые ладони затрепетали.

Хмуро дымящий своей сигарой Макфайф, похоже, что-то почуял профессиональным нюхом:

— Что происходит, Хэмилтон? Уж не пытаешься ли ты кого-то обмануть? — Щупальце тошнотворного сигарного дыма просочилось на заднее сиденье, где сидела миссис Притчет. Поморщившись, она отменила сигары. Макфайф обнаружил, что сжимает в руке воздух; он на мгновение побагровел, но затем постепенно цвет сошел с его лица. — Хм, — пробормотал он.

— Простите? — переспросила миссис Притчет.

Макфайф не ответил; он неуклюже рылся в карманах, надеясь, что каким-то чудом хоть одна сигара уцелела.

— Миссис Притчет, — как бы между прочим спросил Хэмилтон, — вы никогда не обращали внимания на то, что ирландцы не внесли ровно никакого вклада в мировую культуру? Не существует ни ирландских художников, ни ирландских музыкантов…

— Господи боже, — в панике сказал Макфайф.

— И музыкантов нет? — удивленно спросила миссис Притчет. — Ну надо же, неужели и впрямь? Нет, я никогда не задумывалась над этим.

— Ирландцы абсолютно варварский народ, настоящие дикари, — продолжал Хэмилтон с садистским удовольствием. — Все, чем они известны…

— Джордж Бернард Шоу! — в ужасе взвыл Макфайф. — Величайший в мире драматург! Уильям Батлер Йейтс, величайший поэт. Джеймс Джойс… — Он осекся. — Тоже поэт.

— Автор «Улисса», — уточнил Хэмилтон. — Который был на долгие годы запрещен за пошлые и непристойные пассажи.

— Это большое искусство, — прохрипел Макфайф.

Миссис Притчет подумала.

— Да, — согласилась она наконец, приняв решение. — Тот судья постановил, что это действительно искусство. Нет, мистер Хэмилтон, я считаю, что вы совсем неправы. Ирландцы весьма талантливы в театре и поэзии.

— Свифт, — подсказал шепотом Макфайф. — Написал «Путешествия Гулливера». Сенсационное произведение.

— Ну ладно, — дружелюбно согласился Хэмилтон. — Я проиграл.

Почти потеряв сознание от пережитого ужаса, Макфайф обмяк. Он тяжело дышал и потел, лицо

его посерело.

— Как ты мог? — обвиняюще шепнула Марша в ухо мужу. — Ты — зверь.

Мисс Рейсс, напротив, взглянула на Хэмилтона с улыбкой и новым уважением. «Почти получилось».

— Ну не очень-то и хотелось, — ответил Хэмилтон, по здравом размышлении пребывающий в некотором шоке от самого себя. — Прости, Чарли.

— Забудь об этом, — хрипло выдохнул Макфайф.

Справа от дороги лежало огромное пустое пространство — голые поля. Проезжая мимо, Хэмилтон напряг память — кажется, тут что-то раньше было. В конце концов с немалыми усилиями ему удалось вспомнить. Здесь должна была быть ревущая и гремящая промышленная зона: фабрики, заводы… Нефтепереработка, химикаты, красители, пластмассы, древесина. Больше ничего не было. Осталась лишь пустошь.

— Я была тут как-то раз давно, — сказала миссис Притчет, заметив выражение на его лице. — Отменила тут все. Противные, дурнопахнущие, шумные места.

— То есть больше нет никаких фабрик? —

уточнил Хэмилтон. — Вот, наверное, Билл Лоус расстроится без своей мыловарни.

— Мыловаренные фабрики я оставила, — ханжеским тоном пояснила миссис Притчет. — По крайней мере, те, что хорошо пахнут.

Хэмилтон поймал себя на том, что почти уже начал испытывать какое-то извращенное удовольствие — все вокруг было настолько дырявым, рассыпающимся и дышащим на ладан! Одним мановением руки миссис Притчет стерла с лица земли целые промышленные регионы, причем по всему миру. Конечно, долго эта фантазия продержаться не могла никак. Базовая ее инфраструктура была подорвана, сыпалась на глазах. Никто не рождался, ничего не производилось… Целые жизненно важные категории попросту не существовали. Даже секс и деторождение являлись клиническими терминами, известными лишь медикам. Внутренняя логика здесь была противоречивой, порочной, устоять этот мир не мог никаким образом.

Осознание этого натолкнуло его на одну идею. Возможно, изначально он подошел к проблеме с неправильной стороны. Возможно, существовал более простой и легкий способ научить кота танцевать.

Вот только котов больше не было. Воспоминание о Дурачке Нинни поднялось в нем волной бессильной ярости; у Хэмилтона перехватило дыхание. Только за то, что этот кот случайно пересек ей дорогу… Но все же коты существовали в реальном мире. Артур Сильвестер, Дурачок Нинни, комары, химзаводы и Россия продолжали влачить свое существование в реальности. Ему стало полегче, настроение вновь поднялось.

Все равно Нинни не понравилось бы тут. Мыши, мухи и суслики уже были уничтожены. Да и кошачьей любви на заднем дворе в этом искаженном мире места не нашлось.

— Так, — сказал Хэмилтон, решившись на эксперимент. Они как раз въехали в какой-то еле живой придорожный городок трущобного вида: бильярдные, будки чистильщиков обуви, неряшливые отельчики. — Какой позор, — объявил он громко. — Я разгневан.

Бильярдные, будки чистильщиков обуви, неряшливые отельчики перестали существовать. По всему миру в ткани бытия образовались новые прорехи.

— Да, так лучше, — с некоторым сомнением согласилась Марша. — Но, Джек, возможно, лучше бы… в смысле, пусть миссис Притчет решает

сама.

— Я просто пытаюсь помочь, — доброжелательно сказал Хэмилтон. — В конце концов, моя работа сейчас — это как раз продвижение культуры в массы.

Мисс Рейсс сориентировалась мгновенно.

— Взгляните вон на того полисмена, — указала она. — Выписывает штраф бедному водителю. Как он может такое делать?

— Да, очень жаль этого водителя, — искренне согласился Хэмилтон. — Попал в лапы мордатого дикаря. Тоже, наверное, ирландец. Все они такие.

— Мне кажется, скорее итальянец, — критически заметила миссис Притчет. — Но разве же полиция не творит добро, мистер Хэмилтон? Мне всегда казалось…

— Полиция — безусловно, — согласился Хэмилтон. — Но не дорожные копы. Это совсем другое дело.

— Ах, вот как. — Миссис Притчет кивнула. — Да, я понимаю.

Дорожные полицейские, включая того, кого они как раз проезжали, перестали существовать. Все, кроме Макфайфа, выдохнули с облегчением.

— Я тут ни при чем, — сказал Хэмилтон. — Все

претензии к мисс Рейсс.

— Давайте отменим мисс Рейсс, — угрюмо пробурчал Макфайф.

— Ну же, Чарли, — рассмеялся Хэмилтон. — Это не отвечает духу гуманизма.

— Действительно, — жестко подтвердила миссис Притчет. — Я неприятно удивлена, мистер Макфайф.

Макфайфу оставалось лишь отвернуться да в бессильной злости глазеть из окна машины.

— Кому-то надо устранить эти болота, — объявил он. — От них вонь просто до небес.

Болотистые низменности перестали пахнуть. Строго говоря, болотистых низменностей больше не было. Вместо них вдоль края дороги тянулась какая-то мутная впадина. Хэмилтон попытался прикинуть, насколько глубокой она была. Скорей всего, от силы несколько метров… такие болотца никогда не были особенно глубоки. На дорогу хмуро выбралась стайка диких птиц, обитателей бывших болот.

— Прикольно, однако, — сказал Дэвид Притчет.

— Подключайся, — щедро предложил Хэмилтон. — Что тебе смертельно надоело?

Дэвид задумчиво ответил:

— Да в общем-то, ничего. Я хочу на все посмотреть.

Услышанное отрезвило Хэмилтона.

— Молодец, — сказал он мальчику. — Пусть никто и ничто не заставит тебя передумать.

— Как я стану ученым, если исследовать больше нечего? — логично поинтересовался Дэвид. — Где мне взять воду из пруда для исследования под микроскопом? Ведь больше нет никаких застоявшихся прудов.

— Застоявшиеся пруды, — с некоторым трудом повторила миссис Притчет. — Что это такое, Дэвид? Я что-то не помню…

— И в полях больше нет разбитых бутылок, — жалобно продолжал Дэвид. — И мне больше не найти жуков для своей коллекции. И еще ты извела всех змей, и я не смогу поставить на них ловушку. И куда мне пойти теперь, если нельзя больше посмотреть, как грузят уголь на железной дороге? Ведь угля больше нет. И я любил заходить в магазин фирмы «Паркер»… но больше нет чернил, и нет этой фирмы. Ты вообще *хоть что-то* собираешься оставить?

— Хорошие вещи — да, — укоризненно ответила ему мать. — Для тебя останется много разных хороших вещей, чтоб ими заниматься. Ты ведь

не хочешь играть с грязными и неприятными вещами, правда же?

— И еще, — энергично продолжал Дэвид, — Элинор Рут, та девочка, что переехала в дом напротив, сказала, что покажет мне кое-что, чего у меня нет, а у нее есть, если я пойду с ней за гаражи, и я пошел — а у нее этого и не оказалось. И мне это совсем не понравилось.

Побагровевшая миссис Притчет тщетно пыталась подобрать слова.

— Дэвид Притчет, — вскричала она наконец, — ты грязный маленький извращенец! Что с тобой, во имя всего святого? Откуда ты этого нахватался?

— Весь в отца, — предположил Хэмилтон. — Дурная наследственность.

— Наверняка! — Тяжело дыша, миссис Притчет гневно продолжила: — Уж точно не в меня! Дэвид, когда мы вернемся домой, я тебя выпорю так, что на всю жизнь запомнишь! Неделю сесть не сможешь! Никогда в жизни я бы…

— Может, отменить его, — философски предложила мисс Рейсс.

— Я тебе отменю! — враждебно заорал в ответ Дэвид. — Даже не вздумай, это я тебе говорю!

— Я с тобой потом поговорю, — заключила его

мать. Глаза ее пылали яростью, на лице было крайнее возмущение. — Сию секунду мне нечего больше сказать тебе, молодой человек!

— Ни фига себе, — в отчаянии сказал Дэвид.

— Давайте я поговорю, — предложил Хэмилтон.

— Я считаю, не стоит, — отрезала миссис Притчет. — Я хочу, чтобы он понял — если он будет продолжать свои порочные занятия, то не будет достоин общения с приличными людьми.

— Ну, у меня есть свои пороки, — начал было Хэмилтон, но Марша с силой пнула его в лодыжку, и он осекся.

— На твоем месте, — вполголоса сказала Марша, — я бы не хвасталась.

В расстроенных чувствах, миссис Притчет молча глядела из окна, периодически отменяя те или иные категории. Исчезли старые фермы с шатающимися ветряными мельницами. Древние ржавые автомобили пропали из этой версии вселенной. Сгинули деревенские домишки, а с ними мертвые деревья, трухлявые амбары, мусорные кучи и бедно одетые бродячие сборщики урожая.

— А это что еще там такое? — раздраженно осведомилась миссис Притчет.

Справа от них тянулось некрасивое приземи-

стое бетонное здание.

— Это, — доложил Хэмилтон, — силовая станция компании «Пасифик Гэс энд Электрик». Здесь переключаются высоковольтные кабели.

— Что же, — смилостивилась миссис Притчет, — полагаю, что это полезно.

— Да, некоторые считают так, — сказал Хэмилтон.

— Могли бы и посимпатичнее сделать, — буркнула миссис Притчет. Линии здания, мимо которого они проезжали, дрогнули и поплыли. К тому моменту, как здание осталось позади, оно превратилось в причудливый коттедж с черепичной крышей, пастельные стены которого были затянуты настурциями.

— Очень мило, — пробормотала Марша.

— Вот удивятся электрики, когда придут кабель проверять, — сказал Хэмилтон.

— Нет, — поправила его мисс Рейсс с невеселой улыбкой. — Они ничего не заметят.

Перед самым полуднем Хэмилтон свернул с Первого шоссе в первозданную зеленую дикость леса Лос-Падрес. Во все стороны от них возвышались гигантские секвойи, мрачные прохладные поляны пугающе лежали по бокам узкой дороги, что углублялась в парк Биг-Сур вверх по склону

самого Кон-Пика.

— Страшно тут, — заметил Дэвид.

Дорога вела вверх. Вскоре они достигли широкого склона, поросшего яркими кустами и подлеском. Тут и там среди стройных вечнозеленых растений были разбросаны валуны. А любимые цветы Эдит Притчет, калифорнийские золотые маки, росли здесь буквально миллионами. При виде этого миссис Притчет восторженно взвизгнула:

— Какая красота! Давайте устроим пикник прямо здесь!

Подчиняясь ей, Хэмилтон съехал с дороги и въехал на луг. Миссис Притчет не успела отменить ухабы, так что машина двигалась постукивая. Вскоре они остановились, и Хэмилтон заглушил мотор. Было совсем тихо, лишь слегка шумел радиатор да эхом отдавались крики птиц.

— Ну вот, — сказал Хэмилтон, — приехали.

Все бодро полезли из машины. Мужчины вытаскивали корзины с продуктами из багажника. Марша несла покрывало и фотокамеру. Мисс Рейсс взяла термос с горячим чаем. Дэвид, засидевшись в машине, прыгал и скакал вокруг; хлестнув длинной палкой по кустам, он спугнул целое семейство куропаток.

— Какие миленькие, — заметила миссис Притчет. — Гляньте только на птенчиков.

Людей вокруг видно не было. Лишь простор волнующегося зеленого леса, что спускался к побережью Тихого океана, бесконечной свинцово-серой массе бездорожья далеко внизу, а за ней — могучая поверхность движущейся воды, которая впечатлила даже Дэвида.

— Ох, — прошептал он, — до чего же он здоровенный!

Миссис Притчет определила точное место для пикника, и на нем было тщательно развернуто покрывало. Открыли корзины. Все жизнерадостно передавали друг другу салфетки, бумажные тарелки, вилки и кружки.

В тенях ближнего подлеска Хэмилтон стоял, подготавливая хлороформ. Никто не обращал на него никакого внимания, так что он развернул свой носовой платок и начал пропитывать его жидкостью. Прохладный полуденный ветер отгонял от него пары́. Никто больше не пострадает: опасность грозила лишь одному носу, рту и дыхательному аппарату. Все будет быстро, безопасно и эффективно.

— Что это ты делаешь, Джек? — вдруг спросила Марша прямо ему в ухо. От неожиданности он

виновато дернулся, чуть не выронив пузырек.

— Ничего, — ответил он коротко. — Возвращайся, там надо вареные яйца почистить.

— Ты чем-то занят. — Нахмурившись, Марша заглянула за его широкое плечо. — Джек! Это что — крысиная отрава?

Он неубедительно улыбнулся:

— Это от кашля. Я простыл.

У Марши расширились глаза.

— Ты точно собираешься что-то сделать, я уверена; каждый раз ведешь себя так уклончиво, когда что-то замышляешь.

— Я собираюсь положить конец этому нелепому начинанию, — сказал Хэмилтон обреченно. — Я больше не могу этого выносить.

Твердые и острые пальцы Марши сомкнулись на его руке.

— Джек, ради меня…

— Тебе здесь настолько нравится? — Он раздраженно выдернул руку. — Тебе, и Лоусу, и Макфайфу. Отлично проводите время, жаль, что я так не могу. Пока эта ведьма отменяет людей, и животных, и насекомых — все, на чем фокусируется ее ограниченное воображение.

— Джек, *не делай ничего!* Пожалуйста, не надо. Пообещай мне.

— Прости, — ответил он. — Все уже решено. Колеса пришли в движение.

Близоруко щурясь в их сторону через луг, миссис Притчет позвала:

— Джек, Марша, возвращайтесь! Нарезка и йогурт. Торопитесь, пока еще остается!

Загородив ему дорогу, Марша быстро сказала:

— Я не позволю тебе. Ты просто не можешь, Джек. Не понимаешь? Вспомни про Артура Сильвестера, вспомни…

— Уйди с дороги, — сказал он ей раздраженно. — Эта штука испаряется.

Внезапно, к его удивлению, слезы хлынули у нее из глаз.

— Господи, любимый. А мне-то что делать? Я не смогу жить, если она отменит тебя, я умру.

Сердце Хэмилтона смягчилось.

— Дурочка.

— Ну да. — По ее щекам катились слезы бессилия; цепляясь за него, она пыталась задержать, остановить, оттащить его от цели. Но это, конечно, было пустой тратой сил. Мисс Рейсс уже успела так развернуть Эдит Притчет, что та оказалась к Хэмилтону спиной. Дэвид, возбужденно тараторя, завладел вниманием матери, демонстрируя интересный камень, что он раскопал, и

одновременно указывая куда-то вдаль. Все было готово и ожидало лишь его; больше такого удобного случая могло и не представиться.

— Постой там, — мягко сказал Хэмилтон. — Если не можешь смотреть, отвернись. — Он отцепил от себя ее пальцы и оттолкнул ее. — Это и за тебя тоже. За тебя, Лоуса, Нинни и за всех нас. За сигары Макфайфа.

— Я люблю тебя, Джек. — Марша болезненно вздрогнула.

— А я тороплюсь, — ответил он. — О'кей?

Она кивнула.

— О'кей. Удачи.

— Спасибо. — Уже возвращаясь к месту пикника, он сказал ей: — Я рад, что ты простила меня насчет Силки.

— А ты простил меня?

— Нет, — сказал он жестко. — Но, возможно, прощу, когда увижу ее снова.

— Надеюсь на это, — жалобно сказала она.

— Скрести за меня пальцы. — Широко шагая по пружинящей почве, он оставил ее за спиной и быстро двинулся в сторону осевшей и бесформенной спины Эдит Притчет. Миссис Притчет как раз осушала стакан горячего чая с цветками апельсина. В левой ее руке была зажата поло-

винка крутого яйца. На могучих коленях лежала тарелка с картофельным салатом и консервированными абрикосами. Когда Хэмилтон подошел и стал быстро наклоняться, мисс Рейсс отчетливо обратилась к ней:

— Миссис Притчет, не могли бы вы передать мне сахар?

— О да, дорогая, конечно, — вежливо ответила миссис Притчет, откладывая недоеденное яйцо и нашаривая бумажный кулек с сахаром.

— Вот несчастье, — продолжила она, наморщив нос, — что это за неприятный запах?

И из дрожащих рук Хэмилтона растаял пропитанный хлороформом носовой платок. Пузырек, трущийся в кармане о его ногу, тоже перестал досаждать ему и ненавязчиво исчез. Миссис Притчет вежливо вложила пакет с сахаром в безжизненные руки мисс Рейсс и подхватила обратно свое вареное яйцо.

И все кончилось. Стратегический план рухнул, бесшумно и бесповоротно.

— Поразительно вкусный чай! — воскликнула миссис Притчет, когда Марша медленно подошла к ним. — Вас стоит поздравить, моя дорогая. Вы прирожденный повар.

— Ну, — изрек Хэмилтон, — так тому и быть. —

Усевшись на землю, он с живостью потер ладони и осмотрел ассортимент еды. — Что тут у нас есть?

Дэвид Притчет откровенно пялился на него во все глаза.

— Пузырек исчез! — проныл он. — Она забрала его!

Не обращая внимания, Хэмилтон начал набирать охапку еды.

— Думаю, положу себе по кусочку от всего, — искренне поведал он. — Выглядит очень аппетитно.

— Угощайтесь, — пробубнила миссис Притчет сквозь вареное яйцо во рту. — Обязательно попробуйте вот этот восхитительный сливочный сыр с сельдереем. Он просто невероятный.

— Спасибо, — поблагодарил Хэмилтон. — Непременно попробую.

Дэвид Притчет в отчаянии и ярости вскочил на ноги и завопил, обвиняюще указывая на мать:

— Ты злобная старая лягушка — ты забрала наш хлороформ! Из-за тебя он исчез! Что нам теперь делать?

— Да, дорогой, — ответила миссис Притчет рассудительно. — Это было противное, дурно пахнущее вещество, и я совершенно не знаю,

что ты можешь сделать. Как насчет того, чтобы закончить обед и сходить проверить, сколько видов папоротников ты сможешь различить?

Странным, очень напряженным голосом мисс Рейсс спросила:

— Миссис Притчет, что вы с нами собираетесь сделать?

— Ну, право, — отозвалась миссис Притчет, накладывая себе еще картофельного салата, — что за вопрос? Кушайте, дорогая. Вы очень уж худы, вам не помешало бы побольше мяса на костях.

Все ели механически, лишь миссис Притчет явно наслаждалась едой, буквально смаковала ее… и ела очень много.

— Здесь так хорошо, тихо, — поделилась она. — Только ветер шуршит в соснах.

Где-то далеко зажужжал самолет — патруль береговой охраны, облетающий побережье.

— Фу, — сказала миссис Притчет, раздраженно сдвинув брови. — Как некстати.

Самолет, вместе с остальными представителями рода самолетных, перестал существовать.

— Ну вот, — сказал Хэмилтон с фальшивой беззаботностью, — пришла и их очередь. Интересно, что будет следующим.

— Сырость! — ответила миссис Притчет с чув-

ством.

— Простите?

— Сырость. — Женщина завозилась на своей подушке с явным дискомфортом. — Я чувствую сырость почвы. Это очень раздражает.

— Но разве вы можете отменить абстрактное понятие? — удивилась мисс Рейсс.

— Могу, дорогая. — Земля под их группой стала сухой и теплой, словно тост. — И еще ветер; он слегка холодноват, вам не кажется? — Ветер стал теплым и ласковым. — Как вам теперь, нравится?

Какое-то безумное вдохновение вдруг овладело Хэмилтоном. А чего терять? Не осталось ничего, они дошли до конца.

— Вам не кажется, что у этого океана какой-то неприятный цвет? — объявил он. — Я нахожу его эстетически оскорбительным.

Океан перестал быть тусклым и свинцово-серым. Он приобрел веселый нежно-зеленый цвет.

— Намного… лучше, — сумела выговорить Марша. Сидя рядом с мужем, она отчаянно вцепилась в его руку. — Ох, милый… — начала она обреченно.

Крепко обняв ее, Хэмилтон сказал:

— А посмотрите-ка на чайку, что парит вон

там.

— Высматривает рыбу, — уточнила мисс Рейсс.

— Злобная птица, — заявил Хэмилтон. — Убивает беззащитных рыбешек.

Чайка исчезла.

— Но и рыба этого заслуживает, — добавила мисс Рейсс задумчиво. — Она охотится на мелкую водную живность, вплоть до одноклеточных.

— Злобная рыба с нечистыми помыслами, — одухотворенно изрек Хэмилтон.

По воде пошла еле заметная рябь. Рыба перестала существовать как категория. В центре их импровизированного стола растаял небольшой рулетик из копченой сельди.

— Ой, — сказала Марша. — Она была импортная, из Норвегии.

— Наверняка стоила дорого, — с сожалением сказал Макфайф. — Весь этот импорт дорого стоит.

— Да кому нужны деньги? — воскликнул Хэмилтон. Достав из кармана горсть мелочи, он швырнул ее россыпью вниз по склону. Кусочки яркого металла заблестели под полуденным солнцем. — Грязная штука.

Блестящие точки исчезли. Бумажник в кармане издал странный хлопок; бумажные банкноты

покинули его.

— Очаровательно, — хихикнула миссис Притчет. — Так мило, что все вы помогаете мне. Мне иногда самой и в голову что-то не приходит.

Далеко внизу на склоне виднелась неторопливо пасущаяся корова. Когда они обратили на нее внимание, корова как раз совершала нечто непристойное.

— Отменить коров! — вскричала мисс Рейсс, но это было уже излишним. Эдит Притчет уже почувствовала неудовольствие, и корова исчезла.

Хэмилтон заметил, что исчез также его пояс. И туфли его жены. И сумочка мисс Рейсс. Все кожаные изделия. А со стола пропали йогурт и сливочный сыр.

Откинувшись назад, мисс Рейсс вытащила куст каких-то сухих колючих сорняков.

— Что за оскорбительные растения, — пожаловалась она. — Одно из них укололо меня.

Сорняки исчезли. Компанию им составила большая часть сухой травы с полей, где паслись бывшие коровы. На ее месте теперь была лишь голая земля и камни.

Накручивая истерические круги вокруг них, Дэвид завопил:

— Я нашел ядовитый дуб! Ядовитый дуб!

— Да, леса полны этой дряни, — поделился Хэмилтон. — И крапива. И коварные лианы.

Роща справа от них вздрогнула. Весь лес вокруг свело короткой, почти незаметной судорогой. Растительности вокруг заметно поубавилось.

Марша грустно сняла остатки своей обуви. От нее остались лишь нитяная прошивка да металлические пряжки.

— Печально, правда? — сказала она Хэмилтону с жалостью.

— Отменить обувь, — предложил Хэмилтон.

— Отличная идея, — согласилась миссис Притчет; глаза ее горели энтузиазмом. — Обувь уродует ноги.

Остатки туфель растаяли в руках Марши — вместе с оставшейся обувью группы. Огромные яркие носки Макфайфа резко выделялись на солнце. Он засмущался и подобрал ноги под себя, подальше от глаз.

На горизонте был чуть заметен дымок океанского грузового судна.

— Грубый торгаш, — резюмировал Хэмилтон. — Стереть с карты.

Черный дымок исчез. Морские коммерческие грузоперевозки прекратились.

По шоссе шел автомобиль, из него даже сюда

доносился тонкий звук орущего радио.

— Отменить радио, — сказал Хэмилтон. Звук исчез. — Заодно телевизоры и кино. — Внешне вокруг ничего не изменилось, но и это тоже сработало. — И дешевые музыкальные инструменты — аккордеоны, гармошки, банджо и виброарфы.

Указанные инструменты прекратили свое существование по всему миру.

— Реклама! — закричала мисс Рейсс, заметив, как на шоссе появился тяжелый бензовоз — блестящие бока его цистерны пестрели какими-то словами. Слова исчезли. — Да, и грузовики тоже. — Исчез и сам бензовоз, водитель его полетел в кювет.

— Ему больно, — слабо сказала Марша. Водитель мгновенно исчез.

— Бензин, — сказал Хэмилтон. — Он вез бензин.

Бензин исчез по всему миру.

— Нефть и скипидар, — добавила мисс Рейсс.

— Пиво, медицинский спирт и чай, — сказал Хэмилтон.

— Сироп для блинов, мед и сидр, — сказала мисс Рейсс.

— Яблоки, апельсины, лимоны, абрикосы и груши, — еле слышно сказала Марша.

— Изюм и персики, — сварливо пробурчал Макфайф.

— Орешки, батат, сладкий картофель, — добавил Хэмилтон.

Миссис Притчет охотно ликвидировала все перечисленные категории. Их чашки с чаем опустели. Запасы еды для пикника заметно уменьшились.

— Яйца и сосиски! — крикнула мисс Рейсс, вскочив на ноги.

— Сыр, дверные ручки и вешалки для одежды, — присоединился к ней Хэмилтон.

Миссис Притчет, хихикая, исполняла все заказы.

— Право же, — колыхаясь от смеха, выдохнула она, — не слишком ли далеко мы заходим?

— Лук, электротостеры и зубные щетки, — четко перечислила Марша.

— Сера, карандаши, томаты, мука, — раздался звонкий голос Дэвида, включившегося в общее веселье.

— Травы, автомобили, плуги, — выкрикнула мисс Рейсс. За их спинами «Форд-купе» тихонько исчез. Растительность на холмах и склонах парка Биг-Сур существенно поредела.

— Тротуары, — предложил Хэмилтон.

— Фонтанчики для питья и часы, — вставила Марша.

— Средства для полировки мебели, — взвизгнул Дэвид, танцуя вокруг.

— Книжки с комиксами, — внес свою лепту Макфайф. — И вся эта липкая выпечка с какими-то буквами на ней. Французская эта дрянь.

— Стулья, — внезапно сказал Хэмилтон, сам пораженный своей смелостью. — И диваны.

— Диваны весьма аморальны, — согласилась мисс Рейсс. В возбуждении она не заметила термос под ногами и наступила на него.

— Долой диваны. И стекло. Все стеклянное.

Миссис Притчет любезно уничтожила ее очки, а также все подобные вещи во всей вселенной.

— Металл! — слабо и удивленно вскрикнул Хэмилтон.

Молния в его брюках исчезла. Исчезло все, что оставалось от термоса, — металлический корпус. Крохотные наручные часы Марши, пломбы в зубах, крючки и застежки в женском белье — все прекратило существование.

В азарте Дэвид метнулся прочь, прокричав:

— Одежда!

В тот же миг все они остались в чем мать родила. Но это было уже не важно; секс исчез

давным-давно.

— Растительность, — произнесла Марша, поднимаясь, чтобы испуганно встать рядом с мужем. На этот раз перемены были потрясающими. Холмы и гигантский склон горы вмиг облысели и стали напоминать булыжник. Не осталось ничего, кроме бурой осенней почвы в лучах холодного бледного солнца.

— Облака, — сказала мисс Рейсс с нервным тиком на лице. Несколько нежно-белых клочков, что дрейфовали над головой, исчезли. — И туман тоже! — Солнце тут же засияло во всю мощь.

— Океаны, — сказал Хэмилтон. Нежно-зеленая ширь в мгновение ока пропала, оставив лишь невероятной глубины яму с сухим песком, что простиралась так далеко, как только видел глаз. В ужасе он заколебался в последний момент, и мисс Рейсс опередила его:

— Песок!

Огромная яма стала глубже; дно ее исчезло из виду. Тихий и зловещий гул качнул землю под ними; изменился сам баланс планеты.

— Быстрее! — Мисс Рейсс задыхалась, лицо ее исказила страсть. — Что еще? Что осталось?

— Города, — предложил Дэвид.

Хэмилтон нетерпеливо отмахнулся от него.

— Рельеф! — воскликнул он.

В то же мгновение они оказались на абсолютно плоской равнине; все неровности планеты разгладились. Шесть бледных обнаженных фигур разного веса и формы стояли и разгоряченно озирались вокруг.

— Все животные, кроме человека, — еле слышно выдохнула мисс Рейсс.

И стало так.

— Все *живые создания*, кроме человека, — перебил ее ставку Хэмилтон.

— Кислоты! — прокричала мисс Рейсс и тут же рухнула на колени с искаженным от боли лицом. Все они забились в пароксизме боли; основная химия организма радикально поменялась.

— Некоторые соли металлов! — взвизгнул Хэмилтон. И вновь они забились от внутренней агонии.

— Определенные нитраты! — пронзительно прибавила мисс Рейсс.

— Фосфор!

— Хлорид натрия!

— Йод!

— Кальций!

Мисс Рейсс в полубессознательном состоянии рухнула навзничь; все они лежали в позах

беспомощного страдания. Раздутое тело Эдит Притчет билось в спазмах, слюна стекала с ее расслабленных губ, но она все еще пыталась сконцентрироваться на перечисляемых категориях.

— Гелий! — прохрипел Хэмилтон.

— Двуокись углерода! — слабо прошептала мисс Рейсс.

— Неон, — застонал Хэмилтон. Все вокруг него завертелось и потухло; он, кружась, опускался в хаос бесконечной и мрачной тьмы. — Фреон. Глеон.

— Водород! — Где-то неподалеку проплыли в сумраке бледные губы мисс Рейсс.

— Азот! — подытожил Хэмилтон, и вихрь несуществования начал смыкаться над ним.

В последней крохотной вспышке энергии мисс Рейсс приподнялась и дрожащим голосом произнесла:

— Воздух!

Атмосфера планеты прекратила существование. С опустошенными легкими Хэмилтон полетел вниз, в убийственную расплывчатость смерти. Вселенная отхлынула от него, но он успел увидеть, как безвольная фигура Эдит Притчет перекатывается в рефлекторном спазме: она потеряла сознание и личность.

Они победили. Ее власть над ними пропала. Они положили ей конец — и теперь были окончательно, агонизирующе свободны…

Он был жив. Он лежал навзничь, не имея сил даже на малейшее движение, грудь его поднималась и опускалась, пальцы цеплялись за поверхность. Но где, черт побери, он находился?

Невероятным усилием он сумел открыть глаза.

Он больше не был в мире миссис Притчет. Вокруг него пульсировал и гремел тяжелый ритм темноты. Отвратительное течение, что дрейфовало, и распухало, и зловеще давило на него. И все же смутно он мог различить другие очертания, тела остальных, что лежали тут и там.

Марша, молчаливая и неподвижная, лежащая рядом. За ней махина Чарли Макфайфа с открытым ртом и остекленевшими глазами. И смутно, в вихре плывущей тьмы, он смог узнать Артура Сильвестера, Дэвида Притчета, безвольное тело Билла Лоуса и гигантскую неуклюжую фигуру Эдит Притчет — все еще без сознания.

Неужели они вернулись к Беватрону? Его коснулся короткий, возбуждающий всплеск радости… и тут же погас. Нет. Это был не Беватрон. В его горле родился медленный пузырь стона, пробирающийся вверх и вперед, чтобы прозвучать

изо рта. Слабо и отчаянно он попытался выползти из-под того, что нависало над ним, изящной и словно вырезанной из кости оболочки жизни, которая медленно складывалась внутрь себя, пока не согнулась так, что почти касалась его.

В его ухе зазвучал сухой, обманчивый шепот. Глухо вибрируя, звук барабанным эхом бил в него, возвращаясь снова и снова, пока Хэмилтон не прекратил попытки перекричать его, оставил слабые старания оттолкнуть.

— Благодарю тебя, — зазвучал металлический выдох. — Ты выполнил свою работу отлично. Все вышло так, как и было задумано.

— Убирайся прочь! — взвизгнул он.

— Я уберусь, — пообещал голос. — Хочу, чтобы ты встал и занялся своими делами. Хочу наблюдать за тобой. Все вы очень интересны, и вы долго были под наблюдением, но не так, как мне бы хотелось. Я хочу наблюдать за тобой вблизи. Хочу наблюдать за тобой каждую минуту. Хочу видеть все, что ты делаешь. Хочу быть вокруг тебя, внутри тебя, там, где я смогу достать тебя, когда потребуется. Хочу иметь возможность касаться тебя. Хочу иметь возможность заставлять тебя что-то делать. Хочу увидеть, как ты будешь реагировать. Хочу. Хочу…

Теперь он знал, где находится; понял, в чей мир они попали. Он узнал этот спокойный металлический шепот, что без устали бился в его ушах и мозгу.

Это был голос Джоан Рейсс.

13

— Хвала небесам, — медленно и четко прозвучал чей-то голос. Бодрый женский голос. — Мы вернулись. Мы вернулись в реальный мир.

Мрачные пустоши исчезли. Вокруг повсюду простирался знакомый пейзаж — лес и океан; зеленая ширь парка Биг-Сур и полоска автострады у подножия Кон-Пика просочились в реальность вновь.

Над головой простиралась свежая голубизна дневного неба. Калифорнийские золотые маки искрились в осенней росе. Скатерть для пикника была разложена; баночки, коробочки, бумажные тарелки и стаканчики заполняли ее. Справа от Хэмилтона вздымалась прохладная хвойная роща. Его «Форд-купе», яркий и блестящий, подмигивал ему дружеским металлическим блеском с того места, где был запаркован, — не так далеко, у края луга.

Чайка пролетела сквозь дымку, что собиралась у горизонта. По шоссе с урчанием полз дизельный грузовик, оставляя облака черного дыма. В сухом кустарнике ниже по склону калифорнийский

суслик зигзагом метнулся в сторону своей осыпающейся земляной норы.

По сторонам от Хэмилтона зашевелились остальные. Их было семеро: Билл Лоус остался где-то в Сан-Хосе, оплакивая свою сгинувшую мыловаренную фабрику. Сквозь дымку боли Хэмилтон различил фигуру жены; Марша неуверенно поднялась на колени и непонимающе озиралась вокруг. Эдит Притчет была неподалеку все еще без сознания. За ней находились Артур Сильвестер и Дэвид Притчет, а на дальнем конце расстеленной скатерти Чарли Макфайф лишь начал приходить в себя, слабо подрагивая.

Рядом с Хэмилтоном сидела худощавая и аккуратная фигура — Джоан Рейсс. Женщина методично собирала свою сумку, укладывая внутрь очки; лицо ее было практически лишено выражения, а рука то и дело оглаживала строгий узел волос.

— Хвала небесам, — повторила она, ловко поднимаясь на ноги. — Все кончилось.

Это ее голос привел его в сознание.

Макфайф со своего места смотрел на нее пустым взглядом, на лице читалось потрясение.

— Обратно, — эхом откликнулся он, как бы не понимая сам, что говорит.

— Да, мы вернулись обратно, в реальный мир, — рассудительно произнесла мисс Рейсс. — Разве это не прекрасно? — Она обратилась к огромной неподвижной фигуре, лежащей близ нее на сырой траве: — Поднимайтесь, миссис Притчет. У вас больше нет над нами власти. — Она нагнулась и ущипнула пухлую руку женщины. — Все снова так, как было всегда.

— Слава Господу нашему, — жалобно пробормотал Артур Сильвестер, пытаясь подняться. — О господи, этот ужасный голос.

— Все действительно кончилось? — выдохнула Марша. Ее карие глаза туманились сомнением и облегчением. Вся дрожа, она кое-как поднялась на ноги и теперь стояла, чуть покачиваясь. — Этот ужасный кошмар под конец… я уловила лишь его кусочек…

— Что это было? — нетвердым от страха голосом, жалобно спросил Дэвид Притчет. — Это место… и этот голос, что говорил с нами…

— Все прошло, — слабо сказал Макфайф с жадной мольбой. — Мы в безопасности.

— Я помогу вам подняться, мистер Хэмилтон, — сказала мисс Рейсс, подходя. Протянув свою тонкую, костлявую руку, она застыла. На губах змеилась бледная, почти бесцветная улыб-

ка. — Как оно, чувствовать себя снова в реальном мире?

Он не мог ничего ответить. Мог только лежать, окаменев от ужаса.

— Ну же, — спокойно сказала мисс Рейсс. — Рано или поздно вам все равно придется встать. — Она указала на его «Форд» и пояснила: — Я хочу, чтобы вы отвезли нас обратно в Белмонт. Чем быстрее все окажутся дома в безопасности и добром здравии, тем я буду счастливее. — Резко и без всякого сочувствия она добавила: — Я хочу проводить вас обратно туда, где вы были, вернуть всех обратно по своим местам. До тех пор я не буду удовлетворена.

Машину он вел механически, скованно. Все сейчас выполнялось рефлекторно, без желания. Перед ними простиралась автострада штата, гладкая и тщательно ухоженная, ведущая между сменяющих друг друга серых холмов. Время от времени другие автомобили обгоняли их; они приближались к Бэйшор Фривэй.

— Уже скоро, — с предвкушением сказала мисс Рейсс. — Мы уже почти вернулись в Белмонт.

— Слушай, — хрипло сказал Хэмилтон. — Перестань притворяться, брось эту садистскую игру.

— О какой игре вы говорите? — мягко осведо-

милась мисс Рейсс. — Я не понимаю вас, мистер Хэмилтон.

— Мы ведь не в реальном мире. Мы в твоем мире, параноидальном, злобном…

— Но ведь я *создала* для вас реальный мир, — просто ответила мисс Рейсс. — Разве вы не видите? Взгляните вокруг. Неужели я плохо потрудилась? Все это было задумано наперед, давным-давно. Вы обнаружите, что все именно так, как и должно быть; я не проглядела ничего.

У Хэмилтона побелели стиснутые на руле руки.

— Ты ждала? Ты знала, что после миссис Притчет настанет твоя очередь?

— Само собой. — Тихо, но с затаенной гордостью, мисс Рейсс объяснила: — Вы просто не подумали толком, мистер Хэмилтон. Помните, почему Артур Сильвестер первым из всех нас получил контроль? Потому что он так и не потерял сознания. А почему за ним последовала Эдит Притчет?

— Она шевелилась, — в ужасе вспомнила Марша. — Там, на полу Беватрона. Я… мы все видели это по ночам, во снах.

— Вам бы следовало уделять больше внимания своим сновидениям, миссис Хэмилтон, — заме-

тила мисс Рейсс. — Вы могли бы взглянуть на очередь и увидеть, кто в ней впереди вас. После миссис Притчет я была ближе всех к тому, чтобы прийти в сознание.

— А после тебя? — пожелал узнать Хэмилтон.

— Не имеет никакого значения, кто после меня, мистер Хэмилтон, потому что я — последняя. Вы вернулись обратно… и ваше путешествие окончено. Вот ваш маленький мир; не правда ли, он такой милый? И он принадлежит вам всем. Вот почему я создала его — для того, чтобы все в нем было так, как вы хотите. Вы найдете все в целости и сохранности… и, надеюсь, будете жить так, как жили до того.

— Я думаю, — здравомысляще рассудила Марша, — нам придется. Другого выбора у нас все равно нет.

— Но почему вы нас не отпустите? — беспомощно спросил Макфайф.

— Я не могу вас отпустить, мистер Макфайф, — ответила мисс Рейсс. — Для этого мне пришлось бы исчезнуть.

— Ну не обязательно, — заметил Макфайф, заикаясь от волнения. — Вы могли бы позволить нам использовать… ну тот же хлороформ, чтобы отключить вас. Что-нибудь такое…

— Мистер Макфайф, — холодно перебила его мисс Рейсс, — я посвятила этому очень много труда. И планировала очень долгое время, с самого инцидента на Беватроне. С того самого момента, как я вычислила — придет и моя очередь. И это был бы позор упустить такую возможность. Нам может никогда не представиться другого шанса… Нет, это слишком драгоценная возможность, чтобы ее упускать. Слишком, слишком драгоценная.

Через какое-то время Дэвид Притчет указал пальцем и сообщил:

— А вон и Белмонт.

— Будет очень приятно вернуться обратно, — сказала Эдит Притчет неуверенным, дрожащим голосом. — Это такой милый маленький городок.

Подчиняясь указаниям мисс Рейсс, Хэмилтон развез всех одного за другим по своим домам. Последними оставались он сам с Маршей. Они сидели вдвоем в машине напротив жилища мисс Рейсс, ожидая, пока та соберет свои вещи. Наконец она ловко выбралась из машины на тротуар.

— Поезжайте домой, — сказала она дружелюбно. — Для вас сейчас лучше всего на свете будет принять горячую ванну и лечь спать.

— Спасибо, — почти неслышно ответила Марша.

— Постарайтесь расслабиться и получить удовольствие, — приказала мисс Рейсс. — И, пожалуйста, постарайтесь забыть все, что произошло. Все это сейчас в прошлом. Постарайтесь запомнить это.

— Да-да, — повторила Марша, механически повинуясь сухому и бесстрастному учительскому тону. — Мы запомним.

Пересекая тротуар по направлению к подъезду своего дома, мисс Рейсс вдруг остановилась. Закутанная в длинное вельветовое пальто, она не выглядела значительной или особенно впечатляющей фигурой. Сжимая в руках перчатки, сумочку и экземпляр «Нью-Йоркера», подхваченный в магазине, она ничем не отличалась от совершенно заурядной секретарши, возвращающейся домой после дня в офисе. Холодный ночной ветер лохматил ее песочного цвета волосы. За очками в роговой оправе ее глаза, увеличенные и искаженные оптикой, проницательно смотрели на пару в машине.

— Может быть, я загляну к вам в гости в ближайшие несколько дней, — сказала она задумчиво. — Может быть, проведем с вами тихий вечер, посидим поговорим.

— Это… было бы прекрасно, — сумела сказать

Марша.

— Спокойной ночи, — сказала мисс Рейсс, закрывая вопрос. Коротко кивнув, она повернулась и взошла по ступенькам, а затем открыла ключом массивную входную дверь и исчезла в сумрачном и затянутом коврами холле ее жилого дома.

— Поехали домой, — сказала Марша негромким звенящим голосом. — Джек, поехали домой. Пожалуйста, поехали домой.

Он поехал так быстро, как только мог. Припарковав машину на привычном месте, он дернул стояночный тормоз, резко вырубил двигатель и пинком распахнул дверь.

— Приехали, — сказал он ей. Марша рядом с ним не пошевелилась, кожа ее была бледной и холодной, словно воск. Деликатно, но твердо он подхватил ее на руки и вынес из машины; все так же держа ее на руках, прошел по дорожке к дому, за угол, к переднему крыльцу.

— Самое главное, — сказала Марша нетвердо, — Дурачок Нинни вернется. И секс тоже, да. Все вернется, правда же? Ведь все будет так же хорошо, как было?

Он промолчал, сосредоточившись на открывании двери.

— Она хочет иметь над нами власть, — продол-

жала Марша. — Ну и ладно, что тут такого? У нас есть свой мир; она создала реальный мир для нас. Для меня он выглядит точно так же; ты видишь какую-то разницу? Джек, ради бога, скажи хоть *что-нибудь!*

Он открыл дверь плечом и плечом же включил в гостиной свет.

— Мы дома, — сказала Марша, робко оглядываясь вокруг, когда он бесцеремонно поставил ее на ноги.

— Да, мы дома. — Он захлопнул входную дверь.

— Ведь это же наш дом, правда? Точно такой же, каким был до того, как… как это все началось. — Расстегивая пальто, Марша прошлась по гостиной, проверяя шторы, книги, картины, мебель. — Хорошо, правда же? Такое облегчение… все такое знакомое. Никто на нас не швыряет змей, никто не отменяет классы сущностей… правда же, хорошо?

— Просто невероятно, — с горечью сказал Хэмилтон.

— Джек. — Она тихо подошла к нему сзади; пальто висело на ее руке. — Мы ведь нигде не сможем ее подловить, правда? Это будет не так, как с миссис Притчет; она слишком умна для

этого. И опережает нас на много ходов.

— На миллион лет опережает, — согласился он. — У нее все это было запланировано. Обдумано, расчерчено, рассчитано… и ждало только случая, когда она сможет взять нас под контроль. — В кармане обнаружился круглый твердый предмет; бешеным рывком он выхватил его и запустил через всю комнату в противоположную стену. Пустой пузырек из-под хлороформа отскочил от ковра, немного прокатился и тихо замер, не разбившись.

— Это тут не поможет, — сказал он. — Можно сразу сдаваться. На этот раз мы в самом деле проиграли.

Марша достала вешалку из шкафа и начала пристраивать на нее свое пальто.

— Биллу Лоусу придется несладко.

— Он меня убьет и будет прав.

— Нет, — не согласилась Марша. — Это не твоя вина.

— Как мне теперь в глаза ему смотреть? Как мне любому из вас в глаза смотреть? Ты хотела остаться в мире Эдит Притчет, а я притащил тебя сюда — сыграл под дудку этой психопатки.

— Не переживай насчет этого, Джек. Все равно не поможет.

— Нет, — признал он. — Не поможет.

— Пойду сделаю нам горячего кофе. — В дверях кухни Марша неуверенно обернулась. — Хочешь, добавлю тебе брэнди?

— Отличная идея.

С натянутой улыбкой Марша исчезла на кухне. Какое-то время все было тихо.

Потом она страшно закричала.

В тот же миг Хэмилтон был уже на ногах; промчавшись по холлу, он влетел в кухню. Сперва он ничего не заметил — Марша, склонившаяся над кухонным столом, частично закрывала ему обзор.

И только когда он рванулся вперед, чтобы схватить ее, он заметил это. И то, что он увидел, впечаталось в его мозг, а затем исчезло, когда он закрыл глаза и оттащил жену. Зажав ей рот рукой, Хэмилтон стоял, загоняя назад ее стонущий крик, стараясь не закричать сам, пытаясь изо всех сил сдержать свои собственные эмоции.

Мисс Рейсс никогда не любила котов. Она боялась котов. Коты были ее врагами.

То, что сейчас находилось на полу, было Дурачком Нинни. Только он был вывернут наизнанку. И при этом он был все еще жив; это страшное месиво было живым и функционирующим орга-

низмом. Мисс Рейсс позаботилась об этом; она не позволила коту отделаться легко.

Дрожащий, трепещущий, влажно блестящий комок костей и тканей незряче перекатывался по полу кухни. Его медленное движение продолжалось вот уже некоторое время; вероятно, с того момента, как мир мисс Рейсс начал существовать. Эта гротескно ужасная масса за три с половиной часа, волнообразно перекатываясь, сумела преодолеть половину кухни.

— Нет! — зарыдала Марша. — Он *не может* быть живым!

Подхватив на заднем дворе лопату, Хэмилтон собрал на нее это ужасное месиво и вынес наружу. Молясь про себя, он наполнил водой оцинкованное ведро и сбросил туда дрожащую кучу органов, костей и тканей. Какое-то время она лежала полупогруженной в воду, лепясь к стенкам и ища способ выбраться. Потом постепенно с одной последней судорогой утонула. И умерла.

Он сжег останки, выкопал неглубокую могилу и похоронил их. Вымыв руки и отставив на место лопату, он вернулся в дом. Все заняло всего несколько минут… но казалось, что намного больше.

Марша тихо сидела в гостиной со сцепленными

руками, взгляд ее был устремлен прямо перед собой. Она не подняла глаз, когда он вошел в комнату.

— Любимая, — сказал он.

— Всё?

— Да, всё. Он умер. И нам стоит этому радоваться. Больше она ничего ему не сделает.

— Я ему завидую. С нами она даже еще не начинала.

— Но она ненавидела котов. А нас — нет.

Марша слегка шевельнулась.

— Помнишь, что ты сказал ей тем вечером? Ты напугал ее. И она этого не забыла.

— Да, — признал он. — Наверняка не забыла. Скорее всего, она вообще ничего не забывает. — Вернувшись на кухню, он начал готовить кофе. Он уже разливал его по чашкам, когда Марша тихо вошла и потянулась за сливками и сахаром.

— Ну, — сказала она, — вот и наш ответ.

— На какой вопрос?

— На вопрос, можем ли мы жить. Ответ — нет. Хуже, чем нет.

— Не бывает ничего хуже, чем нет, — сказал он, но и сам услышал, насколько неубедительно это прозвучало.

— Она ведь безумна, верно?

— Судя по всему, да. Параноик с бредом преследования и теорией заговора. У всего, что она видит, есть какое-то значение; все является частью заговора, направленного против нее.

— А сейчас, — сказала Марша, — у нее нет оснований беспокоиться. Потому что сейчас, впервые в жизни, она в состоянии бороться с этим самым заговором.

Прихлебывая обжигающий кофе, Хэмилтон сказал:

— Думаю, она и впрямь верит, что создала копию реального мира. *Ее* собственного реального мира как минимум. Боже милостивый, ее реальный мир настолько обгоняет фантазии любого из нас… — Он на мгновение смолк, а потом закончил: — Вот то, во что она превратила Нинни. Скорей всего, она полагает, что именно так мы бы с ней самой и поступили. И скорей всего, она думает, что такое происходит постоянно.

Хэмилтон поднялся и начал обходить дом, опуская везде жалюзи. Был вечер, и солнце погрузилось в забвение. На улице, за пределами дома, было темно и прохладно.

Из закрытого на ключ ящика стола он достал свой пистолет и начал снаряжать обойму.

— Если она и управляет этим миром, — сказал

он пристально наблюдающей за ним жене, — то это еще не делает ее всемогущей.

Он положил пистолет во внутренний карман пальто. Тот подозрительно оттопырился. Марша слабо усмехнулась.

— Выглядишь как преступник.

— Я частный детектив.

— Где же твоя грудастая секретарша?

— Это ты, — сказал Хэмилтон, отвечая на ее улыбку своей.

Марша стеснительно подняла руки.

— Я все думала, заметишь ли ты, что я… снова, как была.

— Я воистину заметил это.

— Все в порядке? — спросила она робко.

— Ну я потерплю тебя. Во имя нашего общего прошлого.

— Так странно… Я чувствую себя такой… объемистой. Такой… неаскетичной. — Плотно сжав губы, она немножко покрутилась на месте. — Как ты думаешь, я привыкну к этому снова? Но правда — так странно… Наверное, я до сих пор еще под влиянием Эдит Притчет.

Хэмилтон с иронией сказал:

— Это была прошлая станция, проехали. Мы сейчас на следующей.

В своей робкой радости Марша предпочла не услышать его.

— А пойдем вниз, Джек. В комнату аудиофила. Где мы сможем — ну, расслабиться и послушать музыку. — Она подошла к нему и положила свои маленькие ладони ему на плечи. — Можно? Ну пожалуйста?

Грубо отстранившись от нее, он ответил:

— Как-нибудь в другой раз.

Она осталась стоять в смятении, с болью и удивлением.

— В чем дело?

— А ты не помнишь?

— А-а, — кивнула она. — Эта девушка, официантка эта. Она исчезла, верно? Когда вы с ней были там внизу.

— Она не официантка.

— Ну да, наверное. — Марша снова повеселела. — Ну в любом случае она ведь вернулась. Так что все в порядке, разве не так? И… — она с надеждой заглянула в его лицо, — я не возражаю насчет нее. Я понимаю.

Он не знал, злиться ему или смеяться.

— Насчет чего ты понимаешь-то?

— Я понимаю, что ты чувствовал. Я имею в виду, что это все не имело к ней никакого отношения;

она была для тебя просто способом самоутвердиться. Ты так *протестовал*.

Он обнял ее и крепко прижал к себе.

— Ты личность с невероятно широкими взглядами.

— Я верю в то, что на вещи надо смотреть по-современному, — упрямо сказала Марша.

— Я очень рад это слышать.

Чуть отстранившись, Марша с намеком потянула за воротничок его рубашки.

— Ну, может, все-таки? Ты мне уже много месяцев не ставил пластинок… не так, как раньше. Я страшно ревновала, когда вы вдвоем спустились туда. Хорошо бы послушать что-нибудь из наших старых любимых записей.

— Ты про Чайковского? Обычно ты его имеешь в виду, когда говоришь про «старых любимых».

— Сходи включи свет и обогреватель. Сделай там все красиво, маняще и притягательно. Чтобы так оно было, когда я спущусь.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Все там будет излучать эротику.

Марша скорчила гримаску.

— Ох уж эти ученые.

На лестнице было холодно и темно. Аккуратно нащупывая дорогу, Хэмилтон спускался во

мрак ступенька за ступенькой. К нему отчасти вернулось хорошее настроение благодаря знакомой рутине любви. Беззвучно что-то напевая, он продвигался все дальше в темные глубины подвала, прокладывая путь с привычным автоматизмом…

Что-то грубое и скользкое задело его ногу и прилипло к ней. Тяжелая тягучая нить, обмазанная чем-то липким и влажным. Он резко отдернул ногу. Но внизу, под ним, у основания лестницы, что-то волосатое и массивное пробежало по комнате и затихло там.

Не двигаясь, Хэмилтон привалился к стене. Он протянул руку и попытался нашарить выключатель внизу. Наконец его пальцы дотянулись до своей цели, резким движением он включил свет и выпрямился. Свет затрепетал, включаясь — дрожащая желтая лужица в сумраке.

Поперек лестницы в подвал висела целая связка нитей, частью порванных; многие из них сплетались в бесформенный серый канат. Сеть грубого и неуклюжего плетения, сработанная наскоро, без изящества кем-то гигантским, приземистым и чудовищным. Ступени под ногами были покрыты пылью. Потолок над головой уродовали огромные грязные следы, словно тот, кто

сплел сеть, прополз повсюду, исследуя каждый уголок и трещину.

Мигом лишившись всех сил, Хэмилтон опустился на ступеньку. Он чувствовал — она там, внизу, ждет его в комнате аудиофила, в зловонной тьме. Он спугнул ее, вслепую задев ее недоплетенную сеть. Сеть была недостаточно крепкой, чтобы удержать его; он все еще мог бороться — освободиться.

Так он и сделал, тщательно и осторожно, как можно меньше колебля сеть. Нити отцепились от него, и нога освободилась. На его штанине остался жирный след липкой субстанции, словно по нему прополз огромный слизняк. Дрожа всем телом, Хэмилтон ухватился за перила и начал подниматься обратно наверх.

Он успел сделать всего два шага, когда его ноги по своей собственной воле отказались нести его дальше. Его тело осознало то, что отказался воспринимать мозг. Он снова спускался вниз. Вниз, в подвал.

Ошарашенный и испуганный, он развернулся назад и направился в противоположную сторону. И вновь случилась чудовищная вещь — как в прилипчивом рваном кошмаре. Он вновь спускался вниз… а под ним вытягивались длинные

тени, валялись грязь и обломки.

Он был в ловушке.

В гипнотической зачарованности он сидел на корточках, вглядываясь в предстоящий ему спуск. И тут раздался какой-то звук. Выше и сзади него, наверху лестницы, появилась Марша.

— Джек? — позвала она неуверенно.

— Не спускайся вниз! — прорычал он, медленно поворачивая голову до тех пор, пока не смог кое-как различить ее подсвеченную фигуру. — Держись подальше от лестницы.

— Но…

— Стой где стоишь. — Тяжело дыша, он приник к ступеньке; пальцы его крепко сжимали поручень. Он пытался собраться с мыслями. Ему нужно было двигаться медленно; нужно было удержаться от того, чтобы вскочить и безрассудно кинуться к яркой двери наверху, к хрупкой фигурке жены.

— Скажи мне, что там, — резко потребовала Марша.

— Я не могу.

— Скажи мне, или я спущусь сама. — Она сделала бы это, голос был полон решимости.

— Любимая, — сказал он глухо, — похоже, что я не могу вернуться наверх.

— Ты упал? Разбился?

— Нет. Просто что-то случилось. Когда я пытаюсь вернуться наверх… — он глубоко, болезненно вздохнул, — оказывается, что я опять спускаюсь.

— Я… я что-то могу сделать? Ты не можешь обернуться ко мне? Ты обязательно должен быть ко мне спиной?

Хэмилтон безумно хохотнул.

— Конечно, сейчас повернусь. — Цепляясь за перила, он осторожно повернулся — и обнаружил себя вновь глядящим на мрачную пещеру с пылью и тенями.

— Пожалуйста, — умоляла Марша. — Пожалуйста, повернись и посмотри на меня.

Гнев вскипел в нем… бессильная ярость, которую он не мог выразить. С глухим проклятьем он встал на ноги.

— Черт с тобой, — бросил он. — Черт с…

Откуда-то издалека донесся звон дверного колокольчика.

— Кто-то пришел, — отчаянно бросила Марша.

— Ну так пойди открой. — Ему было уже все равно, он сдался.

Какой-то миг Марша колебалась. Потом с шелестом юбок исчезла. Свет из холла ярко ударил вниз, бросив на лестницу длинную зловещую

тень. Его собственную тень, растянутую и громадную…

— Бог ты мой, — сказал чей-то голос. Мужской голос. — Что ты делаешь там внизу, Джек?

Глянув через плечо, он увидел мрачную поджарую фигуру Билла Лоуса.

— Помоги мне, — тихо сказал Хэмилтон.

— Конечно. — Немедленно Билл обернулся к Марше, что стояла рядом с ним. — Стой здесь, — приказал он. — Возьмись за что-нибудь так, чтобы точно не упасть. — Схватив руку Марши, он зацепил ее пальцы за угол стены. — Удержишься?

Марша, онемев, кивнула:

— Д-думаю, что да.

Взяв другую руку женщины, Лоус очень осторожно ступил на лестницу. Он спускался, ступенька за ступенькой, не выпуская руку Марши. Зайдя так далеко, как только было возможно, он присел на корточки и потянулся к Хэмилтону.

— Можешь ухватиться? — проворчал он.

Хэмилтон, не поворачиваясь, вытянул руку назад изо всех своих сил. Он не мог видеть Билла Лоуса, но чувствовал его рядом, слышал хриплое и быстрое дыхание чернокожего, присевшего чуть выше и пытающегося зацепить его ищущие

пальцы.

— Черта с два, — хладнокровно резюмировал Лоус. — Ты спустился слишком далеко.

Оставив свои попытки, Хэмилтон вернул на место ноющую руку и снова примостился на ступеньке.

— Жди меня там, где ты есть, — сказал Лоус. — Сейчас вернусь. — Он, грохоча ногами, метнулся вверх по лестнице в холл, подхватил с собой Маршу и исчез.

Когда он вернулся, с ним был Дэвид Притчет.

— Возьми за руку миссис Хэмилтон, — поручил он мальчику. — Не задавай вопросов, делай так, как я скажу.

Ухватившись за угол стены наверху лестницы, Марша сомкнула свои пальцы на маленькой руке ребенка. Лоус погнал мальчика вниз по лестнице — так далеко, как позволяла длина рук. Затем, взяв Дэвида за другую руку, он начал спускаться сам.

— Ну вот и я, — буркнул он. — Готов, Джек?

Цепляясь за перила, Хэмилтон вытянул другую руку за собой, туда, где он не мог ничего видеть. Хриплое сопение Лоуса звучало совсем рядом; он уже чувствовал, как прогибаются ступени под шагами все ниже и ниже. И вдруг — о чу-

до — скользкая от пота, но крепкая рука Лоуса сомкнулась на его руке. Бешеным рывком Лоус сорвал его с места и силой потащил вверх по лестнице.

Задыхаясь, еле дыша, Хэмилтон и Лоус рухнули на пол в гостеприимном холле. Дэвид в ужасе куда-то сбежал; Марша, кое-как поднявшись на ноги, быстро обняла своего мужа.

— Что случилось? — потребовал объяснений Лоус, лишь только смог говорить. — Что там внизу творилось?

— Я… — с трудом выговорил Хэмилтон. — Я не мог вернуться назад, подняться. В какую бы сторону ни поворачивал. — Спустя минуту он добавил: — В обе стороны было вниз.

— Там внизу что-то было, — сказал Лоус. — Я видел это.

Хэмилтон кивнул.

— Она ждала меня.

– Она?

— Именно там я ее оставил. Она была на лестнице, когда Эдит Притчет отменила ее.

Марша громко застонала.

— Он имеет в виду ту официантку.

— Она вернулась, — добросовестно признал Хэмилтон. — Но она не официантка. Не в этом

мире.

— Мы можем забить досками вход на лестницу, — предложил Лоус.

— Да, — согласился Хэмилтон. — Забейте. Закройте ее там, чтобы она не добралась до меня.

— Непременно, — заверил его Лоус; они с Маршей крепко держали Хэмилтона, а тот не сводил глаз с мрачных, заросших паутиной глубин подвала. — Мы заколотим. Мы не позволим ей достать тебя.

14

— Нам необходимо добраться до мисс Рейсс, — сказал Хэмилтон, когда остаток их группы прошествовал по дорожке к дому и вошел в холл. — А потом нам придется ее убить. Быстро и бесповоротно. Без колебаний. Как только мы сможем физически дотянуться до нее.

— Она нас сама перебьет, — пробурчал Макфайф.

— Не всех. Ну, может быть, большинство.

— И все равно это будет лучше, — сказал Лоус.

— Да, — подтвердил Хэмилтон. — Это будет куда лучше, чем сидеть тут и ждать. Этот мир должен быть уничтожен.

— Кто-нибудь возражает? — спросил Артур Сильвестер.

— Нет, — сказала Марша. — Никто не возражает.

— А вы, миссис Притчет? — спросил Хэмилтон. — Что вы скажете?

— Конечно, ее нужно усыпить, — ответила миссис Притчет. — Это бедное создание…

— Бедное??

— Ведь это мир, в котором она всегда жила. Этот ужасный, безумный мир. Представьте только себе… год за годом. Мир хищных чудовищ.

Не отрывая взгляда от забитой досками двери в подвал, Дэвид Притчет нервно поинтересовался:

— Эта штука ведь не вылезет?

— Нет, — ответил ему Лоус. — Не вылезет. Оно останется там, внизу, пока не умрет от голода. Или пока мы не уничтожим мисс Рейсс.

— Ну, значит, мы все согласны, — подытожил Хэмилтон. — Хотя бы что-то. В этом мире никто из нас оставаться не хочет.

— Ну хорошо, — сказала Марша, — мы договорились насчет того, что мы хотим сделать. Но как мы это сделаем?

— Хороший вопрос, — признал Артур Сильвестер. — Это будет непросто.

— Но не невозможно, — сказал Хэмилтон. — Нам удалось это с вами, удалось и с Эдит Притчет.

— Но заметили ли вы, — задумчиво сказал Сильвестер, — что с каждым разом это становится все сложнее? Сейчас мы уже жалеем, что не остались в мире миссис Притчет…

— А когда мы были в ее мире, — хмуро закончил Макфайф, — мы жалели о том, что не остались

в вашем.

— Что вы хотите сказать? — безрадостно уточнил Хэмилтон.

— То, что мы можем опять пожалеть, — сказал Сильвестер, — когда окажемся в следующем мире.

— Следующим миром должен уже оказаться реальный, — сказал Хэмилтон. — Рано или поздно мы все же выйдем из этой гонки.

— Но не обязательно сейчас, — заметила Марша. — Нас восемь человек, и мы только в третьем мире. А может, у нас еще пять впереди?

— Да, мы были в трех мирах фантазии, — сказал Хэмилтон. — Трех закрытых мирах, что ни в единой точке не соприкасаются с реальностью. Пока мы в них — мы увязли, выхода нет. Пока что нам не везло. Но, — добавил он задумчиво, — я не уверен, что все остальные живут в мирах, полностью выдуманных.

Лоус понял первым.

— Вот же ты самодовольный сукин сын!

— Но ведь это возможно.

— Вполне вероятно.

— И это включает тебя тоже.

— Ну уж нет, спасибо!

— Ты, — сказал Хэмилтон, — невротик и циник,

но еще ты реалист. И я тоже. И Марша. И Макфайф. И Дэвид Притчет. Я считаю, что мы в шаге от того, чтобы покинуть царство фантазий.

— Что вы имеете в виду, мистер Хэмилтон? — озабоченно спросила миссис Притчет. — Я не вполне понимаю.

— Да вам и не нужно было понимать, — сказал Хэмилтон. — Это не обязательно.

— Интересно, — отозвался Макфайф. — Возможно, ты и прав. Я соглашусь насчет тебя, себя, Лоуса и мальчишки. Но не в отношении Марши. Прошу прощения, миссис Хэмилтон.

Побледнев, Марша сказала:

— Ты ведь этого не забыл, да?

— Именно так я представляю себе мир фантазии.

— Я тоже именно так. — Белая от злости Марша продолжала: — И именно такие, как ты…

— О чем они говорят? — обратился Лоус к Хэмилтону.

— Не важно, — нетерпеливо отмахнулся Хэмилтон.

— А может, и важно. Так о чем речь-то?

Марша взглянула на мужа.

— Я не боюсь вытащить это на свет. Макфайф все равно уже поднял вопрос.

— Нам придется поднять этот вопрос, — трезво заметил Макфайф. — Он для нас жизненно важен.

— Маршу обвинили в том, что она коммунист, — объяснил Хэмилтон. — Обвинение выдвинул именно Макфайф. Это, безусловно, абсурд.

— Это может оказаться весьма серьезным делом. — призадумался Лоус. — Я бы не хотел очутиться в таком варианте фантазии.

— Ты и не окажешься, — заверил его Хэмилтон.

Холодная злая гримаса промелькнула на темном лице Лоуса.

— Ты меня однажды уже подвел, Джек.

— Прости.

— Да нет, — сказал Лоус, — ты, скорей всего, был прав. Я бы долго не вытерпел запах ароматизированного мыла. Но… — Он пожал плечами. — Но вот сейчас ты чертовски неправ. Пока нам не удастся вырваться из этой заварушки… — Он запнулся. — Давай забудем прошлое и займемся тем, что сейчас перед нами. И этого более чем достаточно.

— Еще только одно, — сказал Хэмилтон. — И потом ладно, забудем.

— Что же?

— Спасибо, что вытащил меня с этой лестницы.

Лоус мимолетно усмехнулся.

— Да не за что. Ты там внизу скрючился, весь такой маленький и грустный. Думаю, что я пошел бы вниз, даже если не нашел бы возможности выбраться назад. Там, на той ступеньке… ты был слишком крохотным. Точно не справился бы с тем, что я видел внизу.

Собираясь обратно на кухню, Марша объявила:

— Пойду снова поставлю кофе. Кто-нибудь хочет перекусить?

— Я бы поел, — тут же откликнулся Лоус. — Я прибыл прямо из Сан-Хосе, когда исчезла мыловаренная фабрика.

— И что возникло на ее месте? — поинтересовался Хэмилтон. Они двинулись вслед за Маршей.

— Что-то, чего я так и не понял. Типа какого-то завода по выпуску инструментов. Щипцы, клещи, зажимы вроде хирургических. Я парочку там подобрал и изучил как следует, но они ни на что толком не были похожи.

— Не встречал такого?

— В реальном мире — нет. Похоже, это что-то,

что мисс Рейсс видела лишь издалека. И толком никогда в этом не разбиралась.

— Пыточные инструменты, — предположил Хэмилтон.

— А знаешь, да, похоже на то. Я оттуда свалил ко всем чертям, само собой, и поймал автобус в сторону Сан-Франциско.

Взобравшись на маленькую стремянку, Марша открыла шкафчики над раковиной.

— Как насчет консервированных персиков? — спросила она.

— Сойдет, — сказал Лоус. — Что угодно, что есть под рукой.

Марша полезла в шкафчик за банкой, но та соскользнула со своего места, прокатилась вперед и с отвратительным хрустом выпала прямо на ступню женщины. Ахнув от боли, Марша отпрыгнула в сторону. Загремев, покатилась вторая банка; на секунду она зависла на краю шкафчика, а потом рухнула прямо вниз. Изогнувшись, Марша сумела выскочить из-под нее.

— Закрой шкаф! — закричал Хэмилтон, бросаясь вперед. Без всякой лестницы ему хватило роста, чтобы дотянуться до дверок шкафа и резко захлопнуть их. Изнутри послышались глухие удары тяжелых металлических банок, бьющих-

ся в дверцы. Какое-то время звук длился, затем неохотно прекратился.

— Случайность, — легкомысленно сказала миссис Притчет.

— Давай подойдем к этому разумно, — сказал Лоус. — Такие вещи случаются время от времени.

— Но ведь это не нормальный мир, — заметил Артур Сильвестер. — Это мир мисс Рейсс.

— И если бы это случилось с мисс Рейсс, — согласился Хэмилтон, — она бы не посчитала это случайностью.

— Так это было намеренно? — слабо сказала Марша, присев и растирая пострадавшую ногу. — Эта банка персиков…

Хэмилтон поднял банку и поднес ее к встроенному в стену консервному ключу.

— Нам надо быть осторожными. С этой минуты мы подвержены несчастным случаям. Мстительного характера.

Откусив первый же кусочек из своей тарелки с консервированными персиками, Лоус скривился и тут же выбросил все ее содержимое в мусорное ведро.

— Я понял, что ты имеешь в виду.

Хэмилтон очень осторожно попробовал сам.

Вместо обычного нейтрального вкуса консервированных фруктов язык обожгло едким, металлическим, тошнотворным. Он мгновенно выплюнул в раковину все, что откусил.

— Кислота, — прохрипел он, задыхаясь.

— Яд, — спокойно уточнил Лоус. — Этого тоже придется опасаться.

— Возможно, нам стоит сделать переучет, — предложила миссис Притчет. — Надо попробовать разобраться, как теперь тут все устроено.

— Отличная идея, — похвалила ее Марша, поежившись. — Чтобы нас ничто не застало врасплох. — Она со стоном снова надела туфли и захромала к мужу. — Все сейчас живет своей жизнью, злобной и полной ненависти, пытаясь причинить вред…

На их глазах свет в гостиной тихо мигнул и погас. Гостиная погрузилась во тьму.

— Ну вот, — мягко сказал Хэмилтон, — еще одно происшествие. Перегорела лампочка. Кто-нибудь хочет пойти и поменять ее?

Не вызвался никто.

— Да так и оставим, — решил Хэмилтон. — Оно того не стоит. Завтра при дневном свете я сам этим займусь.

— А что случится, — спросила Марша, — если

они все перегорят?

— Хороший вопрос, — признал Хэмилтон. — У меня нет ответа. Но полагаю, что нам придется чертовски быстро найти свечи. Независимые источники света — фонари, зажигалки.

— Бедное, несчастное создание, — пробормотала Марша. — Только представьте — каждый раз, как где-то перегорает электропроводка, она сидит в темноте и ждет, что к ней вот-вот явятся монстры. И постоянно думает, что это часть продуманного заговора.

— Как и мы сейчас, — кисло добавил Макфайф.

— Но так оно и есть, — сказал Лоус. — Это ее мир. Здесь, когда гаснет свет.

В темноте гостиной зазвонил телефон.

— И это тоже, — сказал Хэмилтон. — Как вы полагаете, что она думает, когда звонит телефон? Нам бы лучше заранее прикинуть, что для параноика означает телефонный звонок?

— Полагаю, зависит от конкретного параноика, — ответила Марша.

— В данном случае, очевидно, телефон звонит для того, чтобы выманить ее в темную комнату. Поэтому мы не пойдем туда.

Они ждали. Через некоторое время звонки прекратились. Все семеро вздохнули с некоторым

облегчением.

— Нам, наверное, лучше оставаться тут, на кухне, — сказал Лоус, оборачиваясь. — Кухня не причинит нам вреда, тут мило и уютно.

— Своего рода крепость, — невесело сказал Хэмилтон.

Когда Марша попыталась положить вторую банку персиков в холодильник, его дверь отказалась открываться. Она так и стояла, зажав банку в руке и дергая за неподатливую ручку, пока ее муж не подошел и мягко не отстранил ее.

— Это просто нервное, — пробормотала она. — Скорей всего, с ним все в порядке. Он всегда немного заедал.

— А кто это включил? — спросила миссис Притчет. На маленьком кухонном столе сердито гудел тостер. — Он горячий, как печка.

Хэмилтон подошел и попытался выкрутить термостат. После нескольких бесплодных попыток он наконец сдался и просто вырвал кабель. Нагревательный элемент тостера начал остывать и потух.

— Чему мы можем доверять? — в страхе спросила миссис Притчет.

— Ничему, — сказал ей Хэмилтон.

— Но это же так… нелепо! — возмутилась Мар-

ша.

Лоус задумчиво выдвинул ящик со столовыми приборами близ раковины.

— Нам может понадобиться защита. — Он начал перебирать содержимое ящика, пока не нашел то, что искал, — стальной нож для стейков, с тяжелой рукоятью. Когда его пальцы сомкнулись на ноже, Хэмилтон подошел и отвел его руку назад.

— Осторожней, — предупредил он. — Не забудь про ту банку персиков.

— Но нам это нужно, — раздраженно бросил Лоус. Он уклонился от Хэмилтона и схватил нож. — Мне нужно что-то иметь; ты вон со своей чертовой пушкой ходишь — торчит, словно кирпич.

Лишь мгновение нож спокойно лежал на ладони Лоуса. Затем целенаправленным коротким движением он развернулся, ловко нацелился и метнул себя прямо в живот чернокожему. Лоус гибко уклонился от него; нож глубоко вонзился в деревянную панель под раковиной. С быстротой молнии Лоус взметнул ногу в тяжелом ботинке и резко ударил по рукояти ножа. С металлическим звоном рукоять отломилась, оставив лезвие торчать засевшим в панели. Там оно и осталось,

безнадежно пытаясь выбраться.

— Понял? — сухо спросил Хэмилтон.

На грани обморока миссис Притчет осела на стул близ кухонного стола.

— Ох, мамочки, — пробормотала она. — Что же нам делать? — Ее голос перешел в нечленораздельный стон. — О-ох…

Быстро подхватив стакан из сушилки, Марша потянулась к крану.

— Я сейчас налью вам холодной воды, миссис Притчет.

Но жидкость, что полилась из крана, не была водой. Это была теплая густая красная кровь.

— Это дом, — еле слышно сказала Марша, закрывая кран. В белой эмалированной раковине отвратительная лужа крови неохотно, подрагивая уходила в сток. — Это сам дом — живой.

— Точно, так и есть, — согласился Хэмилтон. — И мы у него внутри.

— Я думаю, мы все согласны, — сказал Артур Сильвестер, — что нам придется выйти наружу. Вопрос лишь в том, *сможем ли мы?*

Подойдя к задней двери, Хэмилтон проверил засов. Тот был прочно задвинут; Хэмилтон приложил всю свою силу, но не смог сдвинуть его с места.

— Все время заедает, — сказала Марша. — Надо попробовать переднюю дверь.

— Но для этого придется пройти через гостиную, — заметил Лоус.

— Есть предложения получше?

— Нет, — признал Лоус. — Разве что одно: что бы мы ни решили, это надо делать немедленно.

Выстроившись цепочкой, все семеро осторожно двинулись темным холлом по направлению к сгустку тьмы, который сейчас представляла собой гостиная. Хэмилтон возглавлял процессию; осознание того, что это все-таки был его собственный дом, добавляло немного смелости. Возможно — лелеял он зыбкую надежду, — ему за это будет какая-то скидка.

Из отопительного раструба в холле доносился ритмичный хрип. Хэмилтон остановился, вслушиваясь. Вырывавшийся оттуда воздух был теплым — но и пахнущим! Это был не мертвый, застоявшийся воздух механического устройства, но согретое теплотой тела дыхание живого организма. Там, в подвале, печь дышала. Воздух двигался вперед и назад, соответственно вдохам и выдохам создания, что было домом.

— Это… мальчик или девочка? — спросила Марша.

— Мальчик, — ответил Макфайф. — Мисс Рейсс боится мужчин.

Вырывавшийся воздух остро пах сигарным дымом, пивом и мужским потом. Смесь крепких запахов, которые мисс Рейсс наверняка встречала в автобусах, лифтах, ресторанах. Грубый чесночный запах мужчин среднего возраста.

— Наверное, так пахнет ее бойфренд, когда дышит ей в затылок, — сказал Хэмилтон.

Марша поежилась.

— И вот так прийти домой и почувствовать этот запах везде вокруг себя…

Скорее всего, к настоящему моменту электропроводка в доме уже превратилась в нервную систему, передающую импульсы по телу дома. Почему бы и нет? Водопроводные трубы несли его кровь, обогревательная система подавала воздух в легкие в подвале. Через окно гостиной Хэмилтон различил очертания ползучего плюща, который Марша кое-как уговорила взобраться на крышу. В ночной тьме плющ больше не был зеленым — он стал темно-коричневым.

Как волосы. Как густая, покрытая перхотью шевелюра бизнесмена средних лет. Побеги плюща слегка качались на ветру — зловещей дрожью, осыпающей куски земли и листьев на газон под

ним.

Пол колыхнулся под ногами Хэмилтона. Сперва он даже не заметил этого; лишь когда миссис Притчет завизжала, он опознал это слабое покачивание.

Он нагнулся и потрогал керамогранит пола ладонью. Плитка была теплой — как человеческая плоть.

И стены тоже были теплыми. И вовсе не твердыми. Ничего общего с плотной неподатливой поверхностью краски, бумаги, штукатурки, дерева — просто мягкая поверхность, что слегка прогибалась под его пальцами.

— Ну же, — напряженно сказал Лоус. — Пойдем.

Предельно осторожно, словно пойманные в ловушку животные, все семеро вступили во тьму гостиной. Ковер под их ногами неспокойно шевелился. Этот звук раздавался со всех сторон — тревожный звук живого организма, колеблющегося и беспокойного, постепенно оживающего в своем раздражении.

Они долго шли по темной гостиной. Со всех сторон угрюмо шевелились лампы и книги. Один раз миссис Притчет в ужасе вскрикнула; шнур телевизора ловко оплелся вокруг ее щиколотки.

Билл Лоус быстрым рывком оборвал шнур и освободил ее ногу. За их спиной оборванный кусок бешено и бессильно бился на полу.

— Мы почти дошли, — сообщил Хэмилтон едва различимым фигурам позади него. Он уже видел дверь и дверную ручку; он уже тянулся к ней. Молясь про себя, он подбирался все ближе — три фута, два фута, остался последний фут…

Казалось, что он движется вверх по склону.

Удивленный, он отдернул руку. Хэмилтон ощутил себя на наклонной плоскости, поднимающемся вверх куске материи, по которому он уже начал скользить вниз. Внезапно он обнаружил, что уже катится и падает; размахивая руками, он пытался подняться. Все семеро соскользнули и полетели назад, к центру гостиной, по направлению к холлу. А холл был уже абсолютно темным, погас даже свет на кухне. Оставалось лишь слабое мерцание звезд за окнами — крохотные светящиеся точки в невообразимой дали.

— Это ковер, — сказал Билл Лоус приглушенным, неверящим шепотом. — Он… он слизнул нас назад.

Ковер под ними резко задрожал. Теплая и губчатая его поверхность уже начала становиться влажной. Споткнувшись, Хэмилтон столкнулся

со стеной — и отпрянул. Стена испускала толстый слой влаги, жадную текущую завесу ожидающей слюны.

Существо, что было домом, готовилось перекусить.

Пригибаясь, Хэмилтон попытался обойти ковер вдоль стены. Край ковра заметался, пытаясь схватить его; но он, потный и дрожащий, все же шел в сторону входной двери. Шаг. Второй. Третий. Четвертый. За ним шли остальные… но не все.

— Где Эдит Притчет?

— Пропала, — ответила Марша. — Скатилась обратно в… холл.

— В глотку, — донесся голос Лоуса.

— А мы в его рту, — слабо сказал Дэвид Притчет.

Теплая влажная плоть рта вздымалась и билась о Хэмилтона. Ее присутствие вызывало в нем волны отвращения; с трудом пробираясь вперед, он снова потянулся к дверной ручке, концентрируясь на маленьком шаре слабо блестящего металла. На этот раз он сумел зацепиться за него; одним безумным рывком он распахнул дверь настежь. Силуэты позади него ахнули, когда ночь внезапно стала видимой. Звезды, улицы, темные дома на той стороне, деревья, качающиеся на

порывистом ветру… и холодный, свежий воздух.

И это было всё. Без предупреждения прямоугольник двери стал смыкаться. Он становился все меньше, сдавливаемый стенами. Осталась лишь узкая щель; словно губы, стены сходились все ближе, закрывая, уничтожая выход.

Сзади, из холла, за ними донеслось чесночное, несвежее дыхание существа. Язык жадно задергался. По стенам потекла слюна. В сумраке позади Хэмилтона человеческие голоса завопили от ужаса и безнадежности; игнорируя их, он изо всех сил старался просунуть ладони и руки в сужающуюся полость, что была входной дверью. Пол под ним начал подниматься. А потолок медленно и неумолимо двинулся вниз. Они сходились с абсолютной точностью, еще секунда — и они встретятся.

– *Жует*, — выдохнула Марша из темноты рядом с ним.

Хэмилтон рванулся что было силы. Прижавшись плечом к сжатой двери, он толкал, бил, раздирал и рвал мягкую живую плоть. Клочья органической субстанции повисли на его руках; ему удалось вырвать, выдолбить огромные ее куски.

— Помогите мне! — крикнул он силуэтам, копошащимся позади. Билл Лоус и Чарли Макфайф

поднялись из луж слюны и начали яростно рвать то место, где была дверь. Появилось отверстие; с помощью Марши и Дэвида Притчета им удалось проделать в тканях существа округлую дыру.

— Вперед, — прорычал Хэмилтон, выталкивая жену. Марша свалилась ничком на крыльцо и перекатилась подальше. — Вы следующий, — бросил Хэмилтон Сильвестеру. Старика грубо протолкнули на ту сторону; за ним отправился Лоус, за ним — Макфайф. Бросив вокруг бешеный взгляд, Хэмилтон понял, что они с Дэвидом остались вдвоем. Пол с потолком уже почти сошлись; беспокоиться о ком-то еще не оставалось времени.

— Полезай! — буркнул он и с силой протолкнул мальчика в дрожащую дыру. Затем, изгибаясь и содрогаясь, полез туда сам. Позади, во рту существа, пол с потолком сошлись. Раздался резкий треск, когда встретились две твердые поверхности. Треск повторился — еще и еще.

Миссис Притчет, которая не смогла выбраться, была пережевана.

Выжившие члены группы собрались на переднем дворе, на безопасном расстоянии от дома. Все молчали и лишь наблюдали, как чудовищное существо пульсирует, сжимаясь и разжимаясь.

Пищеварительные процессы были в разгаре. В конце концов движения стихли. Последняя рябь судорожной активности прошла по существу, и оно застыло.

С глухим жужжанием опустились занавеси на окнах, образовав застывшие непрозрачные тени.

— Оно спит, — сказала Марша отстраненно.

Ни с того ни с сего Хэмилтон подумал, что же скажут мусорщики, когда придут забирать мусор. На заднем крыльце будет лежать аккуратная кучка костей, обглоданных, обсосанных, а затем выброшенных вон. Ну, может, еще несколько пуговиц и металлических крючков.

— Вот и все, — сказал Лоус.

Хэмилтон двинулся к машине.

— Убить ее будет очень приятно, — сообщил он.

— Только не автомобиль, — предупредил Лоус. — Мы не можем ему доверять.

Хэмилтон остановился, задумавшись.

— Пойдем к ее дому пешком. Я попытаюсь выманить ее наружу; если мы сможем поймать ее на улице, не заходя внутрь…

— Она, скорее всего, и так на улице, — сказала Марша. — Все это работает и против нее тоже. Может быть, она вообще уже мертва; может быть,

ее дом сожрал ее в тот же момент, как она вошла внутрь.

— Она точно не мертва, — криво усмехнулся Лоус. — Или мы сейчас были бы не здесь.

Из длинной тени у гаража выступил стройный силуэт.

— Верно, — раздался спокойный бесцветный голос. Знакомый голос. — Я все еще жива.

Хэмилтон вытащил пистолет из внутреннего кармана. Но лишь только пальцы потянулись к предохранителю, как его посетило ужасное осознание. Он никогда в жизни не пользовался раньше этим оружием — и даже никогда его не видел. В реальном мире у него не было пистолета. Тот появился только вместе с миром мисс Рейсс; пистолет был частью ее личности и существования в этой дикой, патологической фантазии.

— Вам удалось сбежать? — поинтересовался у мисс Рейсс Билл Лоус.

— У меня хватило ума не подниматься наверх, — ответила женщина. — Я разгадала ваши планы в тот самый момент, когда ступила на ковер в холле своего дома. — В голосе мисс Рейсс зазвучали нотки безумного триумфа. — Вы не настолько умны, как вам казалось.

— Боже мой, — сказала Марша. — Но мы ни-

когда…

— Вы ведь собираетесь попробовать убить меня, верно? — пожелала знать мисс Рейсс. — Все вы, вся ваша группа. Вы ведь уже какое-то время планируете это, так?

— Это правда, — внезапно признал Лоус. — Так оно и есть.

Мисс Рейсс захохотала хриплым, металлическим смехом.

— Я так и знала. И вы не боитесь открыться и сказать это, да?

— Мисс Рейсс, — сказал Хэмилтон, — безусловно, мы планируем убить вас. Но мы не можем. В этом безумном мире нет человеческого существа, что способно причинить вам хоть какой-то вред. Это те чудовища, которых вы выдумали, что…

— Но, — перебила его мисс Рейсс, — вы ведь не человеческие существа.

— Что? — не понял Артур Сильвестер.

— Да конечно же, нет. Я сразу это поняла, как только увидела вас — в тот день на Беватроне. Именно поэтому все вы и пережили падение; это была очевидная попытка вытащить меня туда и столкнуть вниз, чтобы я погибла. Но я не погибла. — Мисс Рейсс улыбнулась. — У меня есть кое-какие собственные возможности.

Очень медленно Хэмилтон спросил:

— Но если мы не люди, то что же мы такое?

И в этот момент зашевелился Билл Лоус. Он с гулом взмыл с влажной травы и спланировал прямо к маленькой и тонкой фигурке Джоан Рейсс. Развернутые крылья, пыльные и пергаментные, взмахнули один раз и зашуршали в ночном сумраке. Его прицел был абсолютно точен; он оказался на ней до того, как она смогла пошевелиться или закричать.

То, что казалось человеческим существом, на деле было многочленным хитиновым созданием, которое жужжало, дрожа и обертываясь вокруг слабо трепещущего тела мисс Рейсс. Удлиненная задняя часть существа дернулась; резким уколом оно ужалило женщину, на какое-то время задержав свой ядовитый хвост в ее теле, а затем, удовлетворенное, отвалилось. Один за другим впившиеся, царапающие когти отпускали ее из захвата. Покачнувшись, мисс Рейсс упала на четвереньки и лежала лицом вниз, парализованная, редко дыша в мокрую траву.

— Она уползет! — тут же сказал Артур Сильвестер. Бросившись вперед, он прыгнул на уменьшающееся на глазах тело и перевернул его. Быстро и умело он испустил быстротвердеющий

бетон сплошной полосой вокруг костлявых бедер женщины; оборачивая ее, он плотно замотал тело в толстую сеть из крепких нитей. Когда он закончил, продолговатое насекомое, ранее бывшее Биллом Лоусом, подхватило тело своими когтями; придерживая слабо бьющийся кокон, оно зафиксировало его на месте, пока Сильвестер не выпустил длинную нить и не перекинул ее через ветвь дерева. Спустя мгновение полупарализованная фигура Джоан Рейсс уже висела вниз головой в мешке из эластичных нитей; с остекленевшими глазами и полуоткрытым ртом она слабо раскачивалась на ночном ветру.

— Да, это должно ее удержать, — с удовольствием сказал Хэмилтон.

— Я так рада, что вы оставили ее в живых, — жадно сказала Марша. — Мы сможем с ней поразвлечься… И она ничего не сможет сделать.

— Но потом все равно убить, — напомнил Макфайф. — Когда мы наиграемся.

— Она убила мою мать, — сказал Дэвид Притчет высоким и звонким голосом. Никто из них не успел и пошевелиться, как он рванулся вперед, присел перед прыжком и взмыл прямо на качающийся кокон. Высунув длинную питающую трубку, он раздвинул нити кокона, разорвал на

женщине платье и жадно ввинтился в ее бледную плоть. Очень скоро он глубоко проник в жидкости ее тела. И спустя некоторое время отвалился от нее на траву, распухший и одурманенный, оставив за собой высушенную, обезвоженную оболочку.

Эта оболочка была все еще жива, но быстро умирала. Затуманенные болью глаза невидяще смотрели вниз, на них. Джоан Рейсс была без сознания; оставалась лишь крохотная тусклая искорка ее личности. Члены группы смотрели на нее в ожидании, осознавая, что это последние секунды ее агонии.

— Она заслужила это, — неуверенно сказал Хэмилтон. Теперь, когда дело было сделано, он начал испытывать смутные сомнения.

Позади него высокое шипастое насекомое, что было Биллом Лоусом, кивнуло, соглашаясь.

— Безусловно, заслужила. — Голос его был тонким и звенящим скрежетом. — Только взгляни, что она сделала с Эдит Притчет.

— Хорошо будет убраться из этого мира, — сказала Марша. — Обратно в наш собственный.

— И в наши собственные формы, — добавил Хэмилтон, беспокойно глянув на Артура Сильвестера.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил Лоус.

— Он не понимает, — объяснил Сильвестер, холодно усмехаясь. — *Это и есть* наши истинные формы, Хэмилтон. Просто раньше они не проявлялись. — Он помолчал и добавил: — По крайней мере, не там, где ты мог их видеть.

Лоус засмеялся хрупким нечеловеческим смехом.

— Только послушай его. Послушай, что он думает. Хэмилтон, ты такой смешной.

— Может быть, нам стоит взглянуть на то, что еще он думает, — предложил Артур Сильвестер.

— Да, давай понаблюдаем за ним, — согласился Лоус. — Давай подойдем поближе, чтобы увидеть, что он еще может сказать. Давай выясним, что он может сделать.

С ужасом и отвращением Хэмилтон сказал:

— Убейте ее и давайте уже закончим. Вы часть ее безумия и не знаете об этом.

— Интересно, как быстро он может бегать? — вслух прикинул Артур Сильвестер, медленно приближаясь к Хэмилтону.

— Держитесь подальше от меня, — предупредил Хэмилтон, потянувшись за оружием.

— Да, и его жена, — сказал Сильвестер. — Давай

погоняем и ее тоже?

— Я хочу ее, — жадно сказал Дэвид Притчет. — Отдайте ее мне. Если хотите, можете подержать ее для меня. Можете не дать ей…

Молчаливо висящая в своем коконе мисс Рейсс тихо умерла. И без единого звука окружающий их мир рассыпался на случайные частицы.

Ослабевший от облегчения, Хэмилтон притянул к себе неясную фигуру жены и стоял, обнимая ее.

— Слава Господу, — сказал он. — Мы выбрались оттуда.

Марша тесно прижалась к нему.

— Как нельзя более вовремя, правда?

Вокруг них кружились тени; Хэмилтон стоял в терпеливом ожидании. Впереди его ждала боль, ждала их всех на усыпанном обломками бетонном полу Беватрона. Все они были ранены; впереди у них был период страданий и медленного выздоровления, длинные пустые дни в больнице, но все это стоило того. Более чем стоило.

Тени рассеялись. Это был не Беватрон.

— Всё по новой, — тяжело сказал Чарли Макфайф. Он поднялся с влажного газона и стоял, цепляясь за ограду крыльца.

— Но этого не может быть, — бессмысленно сказал Хэмилтон. — Ведь больше не осталось. Мы прошли их все.

— Ты ошибаешься, — сказал Макфайф. — Прости, Джек. Но я говорил. Я предупреждал тебя о ней, а ты не слушал.

На обочине у дома Хэмилтона стоял зловещего вида черный автомобиль. Двери рывком распахнулись; с заднего сиденья выступила огромная ковыляющая фигура и быстро двинулась через темный двор к Хэмилтону. За ней виднелись здоровенные хмурые мужчины в шляпах и плащах, угрожающе державшие руки в карманах.

— А вот и ты, — вместо приветствия сказал тучный мужчина. — О'кей, Хэмилтон. Пошли.

Сперва Хэмилтон не узнал их. Лицо мужчины было массой рыхлой плоти, отмеченной слабым подбородком и глубоко заплывшими жиром маленькими глазками. Его пальцы, грубо сомкнувшиеся на руке Хэмилтона, были мясистыми когтями; от него несло дорогим, но испорченным одеколоном… и еще — кровью.

— Почему ты сегодня не явился на работу? — пробурчал тучный мужчина. — Мне жаль тебя, Джек. Я знал твоего отца.

— Мы знаем все насчет пикника, — добавил

один из его подручных.

— Тиллингфорд, — сказал ошарашенно Хэмилтон. — Это в самом деле вы?

С мерзкой ухмылкой доктор Гай Тиллингфорд, распухший кровожадный капиталист, повернул и зашаркал обратно к своему запаркованному «кадиллаку».

— Прихватите его с собой, — велел он своей банде. — Мне надо возвращаться в лаборатории Агентства по Развитию Эпидемий. У нас там есть кое-какие новые бактериальные яды, их неплохо бы испытать. Он будет хорошим подопытным.

15

В холодной ночной тьме тяжело лежала смерть. В сумраке перед ними умирал огромный больной организм. Переломанный и смятый силуэт болезненно источал телесные жидкости на обочину и тротуар, вокруг него образовалась растущая лужа блестящей влаги, она ширилась и пенилась.

Хэмилтон сперва даже не понял, что перед ним. Силуэт тихо задрожал, оседая на одну сторону. В его разбитых окнах слабо пульсировал звездный свет. Словно гнилая древесина, выпирающая крыша автомобиля просела и сложилась внутрь. На глазах Хэмилтона капот треснул, будто яйцо; ржавеющие детали посыпались из-под него и упокоились, наполовину погрузившись в лужу из масла, воды, бензина и тормозной жидкости.

Мимолетное мерцание пробежало по массивному корпусу автомобиля. Затем с протестующим стоном остатки двигателя просели сквозь проржавевшие опоры — прямо на мостовую. Блок цилиндров разломился пополам и начал медленно и методично превращаться в перемешанные частицы.

— Ну, — со вздохом сказал водитель Тиллингфорда, — вот так.

Тиллингфорд глядел на руины, бывшие его «кадиллаком». Понемногу бешенство и гнев овладевали им.

— Все рушится. — Он злобно пнул останки автомобиля. «Кадиллак» осел еще ниже, превратившись в совсем уж бесформенный комок металла, что исчез в ночных тенях.

— Это ничем не поможет, — заметил один из его людей. — Лучше просто плюнуть.

— У нас будут проблемы с возвращением, — сказал Тиллингфорд, стряхивая капли масла со штанины. — Между нами и предприятием лежит район рабочего класса.

— Да, они могли и баррикады на шоссе построить, — согласился шофер. В полумраке боевики компании были неразличимы между собой; каждый казался Хэмилтону расплывчатым мощным гигантом, брутальным и хладнокровным. И почему-то они напоминали немцев.

— Сколько человек у нас здесь? — потребовал ответа Тиллингфорд.

— Тридцать, — доложили ему.

— Лучше бы зажечь фальшфейер, — посоветовал один из боевиков компании без особой

убежденности. — Слишком темно, можем пропустить момент, когда они бросятся.

Хэмилтон проложил себе плечом путь к доктору Тиллингфорду и хрипло спросил:

— Это вы всерьез? Вы что, реально верите…

Он осекся, когда первый кирпич разбился об останки «кадиллака». Поодаль в тени перебегали и приседали размытые силуэты.

— Ясно, — сказал он, исполнившись страха. И понимания.

— О мой бог, — тонким голосом сказала Марша. — Как мы тут выживем?

— Может быть, никак, — ответил Хэмилтон.

Второй кирпич свистя прилетел из тьмы. Поежившись от страха, Марша уклонилась от него и пробралась к Хэмилтону.

— Чуть не задело. Мы прямо посередине; они собираются тут друг друга поубивать.

— Жаль, что вас не задело, — тихо процедила Эдит Притчет. — Тогда бы мы были уже не здесь.

В ужасе и отчаянии Марша застонала. Вся группа смотрела на нее жестко и неодобрительно; лица казались ярко-белыми в безжалостном свете фальшфейера.

— Вы все в это верите. Вы думаете, что я — *коммунист*.

Тиллингфорд быстро обернулся. Его грубое, искаженное лицо отразило почти истерический страх.

— Верно, я и забыл. Вы все были именно на партийном собрании под видом пикника.

Хэмилтон хотел было опровергнуть это. Но усталость победила. Какая, в сущности, разница? Вполне вероятно, что в этом мире они и впрямь были на коммунистическом пикнике, сходке Прогрессивной партии с народными танцами, песнями испанских республиканцев, речами, плакатами и петициями.

— Ну что ж, — мягко сказал он жене, — мы проделали долгий путь. Прошли три мира, чтобы попасть сюда.

— Что ты имеешь в виду? — Голос Марши сорвался.

— Ты могла бы мне и сказать.

Ее глаза вспыхнули.

— И ты не веришь мне? — Ее хрупкая бледная рука взметнулась в темноте; обжигающая боль пронзила его лицо и рассыпалась в нем слепящим круговоротом искр. Почти тут же обида покинула ее. — Это неправда, — безнадежно произнесла она.

Потирая горящую и распухшую щеку, Хэмил-

тон сказал:

— И все же это интересно. Была ведь поговорка, что никогда не узнаешь, что у человека на уме, пока не проникнешь в его разум. И вот мы здесь. Мы уже побывали в голове у Сильвестера, в разуме Эдит Притчет, в безумном сознании мисс Рейсс…

— Если мы убьем ее, — ровным голосом сказал Сильвестер, — то мы выберемся отсюда.

— Обратно в свой мир, — добавил Макфайф.

— Отвалите от нее, — предупредил Хэмилтон. — Держитесь подальше от моей жены.

Их окружало тесное и враждебное кольцо членов группы. Какое-то время никто из них не двигался; шесть фигур застыли в напряжении с опущенными руками. Потом Лоус пожал плечами и заметно расслабился. Он отвернулся и пошел прочь.

— Забудьте, — бросил он через плечо. — Пусть Джек с ней разбирается. Это его проблема.

Дыхание Марши стало быстрым и неровным.

— Это так чертовски ужасно… Я не понимаю. — Она жалобно покачала головой. — Это полная бессмыслица.

Вокруг них упало еще несколько камней. Из бурлящей тени донеслись звуки, сперва негром-

кие и ритмичные, но постоянно растущие, пока они не стали многоголосым скандированием. Тиллингфорд стоял, прислушиваясь; тяжелые черты его лица выражали жестокость и злобу.

— Слышишь их? — спросил он у Хэмилтона. — Они там, скрываются во тьме. — Его грубое лицо исказилось гримасой презрения. — Животные.

— Доктор, — воспротивился Хэмилтон, — но вы же не можете верить в это. Вы же должны знать, что это не вы.

Не глядя на него, Тиллингфорд сказал:

— Вали к своим краснопузым дружкам вон там.

— Что, вот так все плохо?

— Ты — коммунист, — ровно сказал Тиллингфорд. — Твоя жена — коммунист. Вы отбросы человечества. Тебе не место на моем предприятии, не место в обществе приличных людей. Проваливай — и *навсегда!* — Спустя мгновение он добавил: — Возвращайся на свой коммунистический пикник.

— Вы собираетесь отбиваться? — спросил Хэмилтон.

— Естественно.

— Вы серьезно собираетесь начать стрельбу? Убить этих людей?

— Если мы их не убьем, — логично ответил Тиллингфорд, — то они убьют нас. Так все устроено, и не моя в этом вина.

— Ну это барахло долго не протянет, — с эстетическим отвращением сказал Хэмилтону Лоус. — Это все даже не актеры, а болванчики в дешевой коммунистической постановке. Низкопробная пародия на тему жизни в Америке. Реальный мир торчит изо всех щелей.

Внезапно ночь прорезало безумное стаккато пулеметной очереди. Где-то на соседних крышах рабочие незаметно установили пулемет. Фонтанчики светло-серой цементной пыли, выбитые пулями, приближались к ним. Тиллингфорд неуклюже упал на карачки и спрятался за руинами своего «кадиллака». Его люди, пригибаясь и разбегаясь по сторонам, ответили огнем. Из темноты прилетела граната; обжигающий столб пламени прыгнул в глаза и лицо Хэмилтону — его контузило, он покачнулся. Когда вспышка потухла, на ее месте стала видна глубокая воронка, до половины заполненная обломками. Среди обломков виднелись несколько подручных Тиллингфорда; тела их были изломаны под невозможными углами.

Хэмилтон безучастно наблюдал за их агонией,

когда Лоус сказал ему на ухо:

— Присмотрись-ка. Ты не видишь среди них знакомых?

В окружающей тьме Хэмилтон не мог четко разобрать детали, но действительно, одна из неподвижных изломанных фигур кого-то ему напомнила. Озадаченный, он уставился на нее. Кем был этот человек, лежащий среди груды обломков, наполовину погребенный среди оторванных кусков мостовой и догорающих комков пепла?

— Это ты, — тихо подсказал Лоус.

Так оно и было. Смутные очертания реального мира колыхались волнами прибоя, видимые за этой искаженной фантазией. Словно бы даже сам создатель происходящего вокруг них испытывал какие-то серьезные, фундаментальные сомнения. Усеянная обломками мостовая не была улицей; это был бетонный пол Беватрона. Тут и там лежали другие знакомые фигуры. Слабо шевелясь, они начинали с трудом возвращаться к жизни.

Меж дымящихся руин осторожно продвигалось несколько техников и санитаров. Они тщательно выбирали свой путь, двигаясь мучительно медленно, шаг за шагом, так, чтобы не подставиться самим. Спустившись с соседних домов на уровень земли, они крадучись выходили

на развороченную улицу… улица ли это была? Сейчас в окружающей их тьме виделись стены Беватрона и аварийные лестницы, ведущие на уровень пола. А красные повязки рабочих больше напоминали повязки Красного Креста. Хэмилтон совсем запутался; он оставил попытки расшифровать этот монтаж мест и фигур.

— Долго это не продлится, — негромко сказала мисс Рейсс. С крушением ее мира она возродилась точно такой же, как была, — в длинном вельветовом пальто, в своих обычных роговых очках, сжимающая свою драгоценную сумочку. — Этот конкретный заговор не слишком успешен. Даже и близко не так хорошо состряпан, как предыдущий.

— Вы полагаете, предыдущий был более убедителен? — ледяным тоном осведомился Хэмилтон.

— О да. Сперва меня почти втянуло в него. Я думала… — Мисс Рейсс улыбнулась с убежденностью фанатика. — Очень, очень неглупо. Я почти поверила, что это *мой* мир. Но я поняла всю правду, лишь только взглянула на холл моего здания. Лишь только увидела привычные письма с угрозами на тамошнем столе.

Марша, вся дрожа, сидела на корточках рядом с мужем.

— Что здесь не так? Все какое-то размытое.

— Все заканчивается, — отстраненно ответила мисс Рейсс.

Окрыленная надеждой, Марша отчаянно обхватила своего мужа.

— В самом деле? Значит, мы скоро очнемся?

— Может быть, — ответил Хэмилтон. — Есть такое мнение.

— Это… прекрасно!

— В самом деле?

Паника отразилась на ее лице.

— Да, конечно! Ненавижу этот мир — терпеть его не могу! Он такой… чудовищный! Такой страшный и отвратительный…

— Поговорим об этом позже. — Он не отрываясь смотрел на Тиллингфорда; пузатый капиталистический босс собрал вокруг себя банду своих прихвостней и о чем-то с ними негромко и скрытно переговаривался.

— Эти боевики, — тихо сказал Лоус, — еще себя покажут, с ними далеко не все кончено. Нам еще предстоит увидеть бой, до того как мы покинем этот мир.

Тиллингфорд закончил давать указания. Ткнув в Лоуса большим пальцем, он распорядился:

— Этого повесьте. А то он что-то не на своем

месте.

Лоус широко улыбнулся:

— Вот и еще одного ниггера сейчас линчуют. Капиталисты все время это делают.

Хэмилтон, не веря в происходящее, чуть было не рассмеялся в голос. Но Тиллингфорд был абсолютно серьезен.

— Доктор, — хрипло сказал Хэмилтон, — все это существует лишь потому, что Марша верит в это. Вы, все это сражение, вся эта идиотская фантазия — да она уже не удерживает ее, тут все распадается. Это не реальность — это лишь иллюзия. Прислушайтесь ко мне!

— Да, и этого красного тоже, — устало сказал Тиллингфорд. Он вытер свой окровавленный и закопченный лоб шелковым носовым платком. — И его красную шлюху. Когда перестанут биться, облейте их бензином и сожгите. Надо было никуда не ездить, конечно. Мы там были в безопасности, хотя бы на время. И могли бы составить защитную формулу получше.

Словно призрачные тени, рабочие пробирались через обломки. Снова раздались взрывы гранат; в воздухе стало тесно от неясных кусков пепла и осколков, что бесшумным дождем сыпались вниз.

— Глядите, — в ужасе сказал Дэвид Притчет.

На темном ночном небе формировались гигантские буквы. Светящиеся, туманные, нечеткие пятна, которые постепенно складывались в слова. Уже полуразрушенные лозунги утешения, нетвердой рукой написанные на черной пустоте ради них.

Мы идем.

Держитесь.

Борцы за мир.

Восстаньте.

— Очень ободряюще. — Хэмилтона передернуло.

Скандирование, доносящееся из тьмы, стало громче. Холодный ветер швырял фразы из песни в сторону полускрытой группы.

— Может быть, они еще успеют нас спасти, — с сомнением сказала миссис Притчет. — Но эти жуткие слова там, наверху… мне от них так неспокойно.

Тут и там люди Тиллингфорда сновали, подбирая обломки и всякую всячину, устраивая себе укрепленные позиции. Почти затерянные в вихрящихся облаках тумана и дыма, они были еле видны. Время от времени высвечивалось

чье-нибудь суровое, жесткое лицо, на мгновение попадая в поле зрения и тут же скрываясь обратно в тумане и сумраке. Кого же эти лица напоминали? Хэмилтон попытался сообразить. Низко натянутые шляпы, крючковатые носы…

— Это гангстеры, — напомнил Лоус. — Чикагские гангстеры тридцатых.

Хэмилтон кивнул.

— Точно.

— Все прямо по книжке. Она, видимо, заучила ее наизусть.

— Оставь ее в покое, — сказал Хэмилтон без особой убежденности.

— Что там будет следующим? — иронически обратился Лоус к скорчившейся фигурке Марши Хэмилтон. — Капиталистические бандиты в отчаянии окончательно сходят с ума? Так, вроде?

— Они уже выглядят в достаточной степени отчаявшимися, — как обычно, хмуро прокомментировал Артур Сильвестер.

— Такие неприятные люди, — опасливо сказала миссис Притчет. — Я и не знала, что такие люди существуют.

В этот момент один из огненных слоганов в небе взорвался. Куски горящего слова посыпались вниз, мгновенно поджигая кучи мусора.

Тиллингфорд, ругаясь и сбивая с себя пламя, неохотно отступил; на него обрушился обломок пылающей чепухи, плащ его сразу загорелся. Справа от него группа боевиков компании оказалась погребена под огромным раскаленным портретом Булганина, который отвалился от неба и рухнул прямо на них.

— Заживо погребены, — с удовольствием отметил Лоус.

Падали все новые и новые слова. Гигантское пылающее слово «мир» с шипением свалилось на уютный маленький домик Хэмилтона; вспыхнула крыша, а вместе с ней гараж и сушилка для белья. Он горестно наблюдал, как все ярко горит и как высокими мерцающими языками пламени освещает ночь. Из темного города не доносился в ответ вой сирен; дома и улица в молчании тянулись прочь, закрытые и враждебные этой огненной жертве.

— Господи боже, — в страхе прошептала Марша, — мне кажется, что сейчас вот-вот упадет это огромное «Сосуществование»!

Прячась среди своих людей, Тиллингфорд окончательно утратил контроль над ситуацией.

— Бомбы и пули, — повторял он снова и снова низким монотонным голосом. — Бомбы и пули

не остановят их. Они начинают свой марш.

В мерцающей тьме вперед продвигалась цепочка силуэтов. Их песня поднялась до лихорадочного возбуждения, темная и грубая, она выплескивалась вперед, опережая суровых бойцов, что пробирались через горящие груды мусора.

— Пойдем, — сказал Хэмилтон. Подхватив жену за вялую, податливую руку, он быстро повел ее сквозь разворачивающийся вокруг них хаос.

Руководствуясь инстинктивной памятью, Хэмилтон повел свою жену вдоль стены их горящего дома, по бетонной дорожке на задний двор. Участок забора обгорел и рассыпался; волоча Маршу за собой, он проложил путь меж тлеющих обломков — в темный двор за забором. Дома выглядели зловещими смутными силуэтами во тьме. Время от времени впереди возникала быстротечная картинка бегущих людей; безликие и заменяемые рабочие молча сбегались отовсюду к месту сражения. Но постепенно звук стрельбы затих за ними, а с ним исчезли и все силуэты. Отступило и брызжущее пламя. Они вырвались из боя.

— Обождите. — За ними возникли запыхавшиеся Лоус и Макфайф. — Тиллингфорд и впрямь

озверел от отчаяния. Настоящий берсерк, — выдохнул Лоус. — Боже, какая ж там мясорубка.

— Просто не верится, — пробурчал Макфайф. Широкое лицо его, сведенное судорогой, было все в поту. — Они дерутся как животные, встали на четыре лапы, все в крови и грязи.

Перед ними вдруг моргнули и разгорелись огни реклам.

— Это еще что? — недоверчиво спросил Лоус. — Нам бы лучше держаться подальше от главной сюжетной линии тут.

Это была деловая часть Белмонта. Но она полностью изменилась.

— Что ж, — едко сказал Хэмилтон, — этого следовало ожидать.

В ночной темноте переливался светом район процветающих трущоб. Словно ядовитые грибы, вздымались грязные и потрепанные заведения, вызывающие в своей мерзости. Бары, бильярдные, боулинг-клубы, публичные дома, оружейные магазины… и над всем этим грохотал металлический скрежет. Оглушительный грохот американского джаза несся из репродукторов над каждым залом игровых автоматов. Била в глаза мигающая неоновая реклама. Вокруг бесцельно бродили вооруженные солдаты, выбирая один из

давно протухших пороков в этом рассыпающемся пространстве аморальности.

В окне одного из магазинчиков Хэмилтон заметил странную картину. Ряды ножей и пистолетов были выставлены в обтянутых бархатом ящиках.

— А что не так? — сказал Лоус. — Вот так коммунисты и представляют себе Америку — гангстерские города, полные порока и преступности.

— Ну да, и в сельской местности не лучше, — невесело поддержала Марша. — Индейцы, беззаконные убийства и суды Линча. Бандиты, резня кругом, кровопролитие.

— Ты неплохо разбираешься, — заметил Лоус.

Подавленная и в отчаянии, Марша опустилась на обочину.

— Я дальше идти не могу, — сообщила она им.

Трое мужчин застыли в неловкости, не зная, что делать дальше.

— Пойдем, — неласково сказал ей Хэмилтон. — Ты замерзнешь.

Марша не ответила. Она сгорбилась, дрожа от холода; сцепила руки, опустив лицо, маленькая и хрупкая.

— Лучше, наверное, зайти куда-нибудь, — предложил Лоус. — Может быть, в один из этих

ресторанчиков.

— Нет смысла идти дальше, — сказала Марша мужу. — Ты как считаешь?

— Да, думаю, что нет, — просто ответил тот.

— Тебе все равно, вернемся ли мы.

— Именно так.

— Я могу что-то сказать в свою защиту?

Хэмилтон, встав рядом с ней, указал на мир вокруг.

— Я и так все вижу; о чем тут говорить?

— Я прошу прощения, — неловко сказал Макфайф.

— Ты не виноват, — ответил Хэмилтон.

— Но я чувствую ответственность.

— Забудь. — Наклонившись, Хэмилтон положил руку на дрожащее плечо жены. — Пойдем, милая. Ты не можешь тут оставаться.

— Даже если больше некуда пойти?

— Да. Даже если больше некуда пойти. Даже если мы дошли до конца этого мира.

— А мы как раз дошли, — жестоко уточнил Лоус.

Хэмилтон не нашелся, что ответить. Он присел и силой поднял свою жену на ноги. Она вяло позволила ему поднять себя. В темноте и холоде она представляла собой жалкий комок материи,

послушно следующий за ним.

— Кажется, что это было так давно, — вспомнил Хэмилтон, не выпуская ее руки. — Тот день, когда я встретил тебя на веранде и рассказал, что полковник Эдвардс хочет от меня.

Марша кивнула.

— Тот день, когда мы посетили Беватрон.

— Ты только подумай, — хрипло сказал Макфайф. — Если бы вы туда не пошли, ты бы и до сих пор ничего не знал.

Рестораны были слишком роскошными, слишком показными. Официанты кланялись и стелились, подобострастные крысята, шнырявшие среди богатых столов. Хэмилтон и его спутники блуждали без цели, никуда конкретно не направляясь. На тротуарах было почти безлюдно, лишь изредка попадалась чья-нибудь ободранная и сгорбленная фигура, бредущая мимо.

— Яхта, — без энтузиазма сообщил Лоус.

— Что?

— Яхта. — Лоус кивнул на яркую витрину длиной в квартал. — Куча яхт. Не хочешь прикупить одну?

В других витринах были выставлены дорогие меха и украшения. Парфюмерия, импортные продукты… и опять безвкусно пышные рестораны

с кланяющейся прислугой и роскошными люстрами. Тут и там группки оборванцев, мужчин и женщин, стояли, пялясь в витрины и не имея денег на покупки. Один раз навстречу им по улице проехала запряженная лошадью повозка; какая-то семья ехала в ней — с потухшими взглядами, вцепившись в свои пожитки.

— Беженцы, — сообразил Лоус. — Из пораженного засухой Канзаса. Из Пыльного Котла, помнишь?

Перед ними тянулся огромный квартал красных фонарей.

— Хм, — сказал Хэмилтон трезво, — что скажете?

— А что нам терять? — согласился Лоус. — Мы уже дошли до края, ничего не осталось.

— Да можем и поразвлечься, действительно, — пробурчал Макфайф. — Пока еще можем. Пока эта богомерзкая руина совсем не развалится.

Не проронив больше ни слова, вся четверка двинулась к массе кричащих неоновых огней, пивной рекламы, гудящих рожков и драных, бьющихся на ветру навесов. К старой, знакомой «Тихой Гавани».

Безумно утомленная, но благодарная Марша опустилась за один из столиков в углу.

— Как хорошо, — выдохнула она. — Тепло и уютно.

Хэмилтон стоял, впитывая смутное дружелюбие зала, грязноватый уют переполненных пепельниц и опустошенных пивных бутылок, жестяное бренчание музыкального автомата. «Тихая Гавань» не изменилась. У бара торчала привычная группа работяг, их фигуры с ничего не выражающими лицами все так же горбились над пивными кружками. Деревянный пол был усеян окурками. Бармен, вяло протирающий прилавок грязной тряпкой, кивнул Макфайфу. Все трое уселись вокруг Марши.

— Как хорошо присесть, — устало вздохнул Макфайф.

— Все будут пиво? — спросил Лоус. Никто не возразил, и он удалился в бар.

— Да, мы далеко зашли, — сказала Марша, сбрасывая пальто. — Мне кажется, я тут никогда и не была.

— Да, скорее всего, — согласился Хэмилтон.

— Это сюда ты ходишь?

— Да, мы все сюда ходили выпить пива. Когда я еще работал на полковника Эдвардса.

— А-а, — сказала Марша. — Да, теперь я вспоминаю. Ты упоминал это заведение.

Лоус вернулся с четырьмя бутылками Golden Glow и аккуратно присел.

— Угощайтесь, — сказал он спутникам.

— Вы ничего не замечаете? — сказал Хэмилтон, отхлебнув пива. — Гляньте на детишек.

То здесь, то там в сумерках бара виднелись подростки. Хэмилтон удивленно наблюдал, как к бару подошла совсем юная девочка, по виду не старше четырнадцати. Это было что-то новенькое, он такого не помнил. Такого не было в настоящем мире… который казался таким далеким. И эта коммунистическая фантазия тоже расплывалась вокруг него, неясная и почти неощутимая. Бар с его рядами бутылок и бокалов виделся как нечеткое пятно. Пьющие подростки, столы, пустые бутылки — все это сливалось в мутную тьму, в которой терялся даже дальний конец зала. Не видны были даже знакомые неоновые буквы М и Ж.

Прищурившись, он всмотрелся из-под ладони. Очень, очень далеко, где-то за столиками и клиентами, ему удалось заметить невнятный отблеск красного света. Это и были те буквы?

— Что там написано? — спросил он Лоуса, показывая пальцем.

Лоус прочел, двигая губами:

— Там написано «Аварийный выход». — Через мгновение он добавил: — Это висит на стене Беватрона. На случай пожара.

— А по мне, больше похоже на М и Ж, — сказал Макфайф. — По крайней мере, всегда так было.

— Привычка, — сказал ему Хэмилтон.

— Почему эти детишки пьют? — спросил Лоус. — Да еще наркотики. Глянь только на них: точно траву курят, зуб даю.

— Кока-кола, наркотики, спиртное, секс, — перечислил Хэмилтон. — Моральное разложение капитализма. И работают они наверняка в урановых шахтах. — Ему не удалось замаскировать горькую иронию в своих словах. — А вырастут — станут бандитами и будут носить обрезы.

— Чикагскими гангстерами, — уточнил Лоус.

— А потом в армию, чтобы убивать крестьян и сжигать их хижины. Вот такая у нас система, такая у нас страна. Питомник убийц и эксплуататоров. — Обернувшись к жене, он переспросил: — Я все верно говорю, милая? Дети на наркоте, капиталисты с кровью на руках, голодающие бездомные, что роются по помойкам…

— Вон твоя подружка идет, — тихо сказала Марша.

— Моя? — Хэмилтон удивленно обернулся в

кресле.

Сквозь тени к ним торопилась стройная и гибкая блондинка с чувственно приоткрытыми губами и вьющимися по плечам локонами. Сперва он не узнал ее. На ней была блузка на шнуровке, с глубоким вырезом и существенно помятая; на лице горел многослойный макияж. Разрез на облегающей юбке доходил почти до бедер. Чулков на ней не было, и босые ноги были обуты в поношенные туфли на невысоком каблуке. Грудь у нее была неимоверной величины. Когда она подошла к столу, его окутало облако ее духов и теплоты… сложная смесь запахов, пробудившая не менее сложные воспоминания.

— Привет, — сказала Силки низким хрипловатым голосом. Нагнувшись к нему, она легко коснулась губами его виска. — Я ждала вас.

Хэмилтон встал и уступил ей кресло.

— Присаживайся.

— Спасибо. — Усевшись, Силки обвела взглядом стол. — Здравствуйте, миссис Хэмилтон. Привет, Чарли. Доброй ночи, мистер Лоус.

— Позвольте один вопрос? — коротко спросила Марша.

— Безусловно.

— Какого размера бюстгальтер вы носите?

Абсолютно не стесняясь, Силки стянула вниз свою блузку, обнажив великолепную грудь.

— Я ответила на ваш вопрос?

Бюстгальтера она не носила.

Зардевшись, Марша отступила.

— Да, спасибо.

Глядя в беззастенчивом восхищении на гигантскую, волшебным образом стоящую грудь девушки, Хэмилтон изрек:

— Я считаю, что бюстгальтеры есть форма капиталистического обмана, предназначенная для того, чтобы вводить в заблуждение массы.

— Ага, массы, конечно, — автоматически съязвила Марша, но ругаться ей явно расхотелось. — Наверное, трудно искать что-то, что вы уронили, — все же попыталась она поддеть Силки.

— В коммунистическом обществе, — объявил Лоус, — пролетариат никогда ничего не роняет!

Силки рассеянно усмехнулась. Ощупывая свою грудь длинными наманикюренными пальцами, какое-то время она сидела в глубокой задумчивости. Затем, пожав плечами, она вновь подняла свою блузку, разгладила рукава и положила ладони на стол.

— Что нового?

— У нас позади великая битва, — сказал Хэмилтон. — Кровожадный вампир с Уолл-стрит против героических, ясноглазых, радостно поющих рабочих.

Силки взглянула на него неуверенно.

— И кто побеждает?

— Ну, — признался Хэмилтон, — стая лживых фашистских гиен уже почти погребена под горящими слоганами.

— Глянь-ка, — вдруг сказал Лоус, указывая куда-то. — Видишь, вон там?

В углу бара стоял автомат по продаже сигарет.

— Помнишь? — спросил Хэмилтона Лоус.

— А как же.

— А вон и второй. — Лоус указал на автомат по продаже конфет на противоположной стороне бара, почти скрытый в плывущих тенях.

— Помнишь, что мы с ним сделали?

— Помню. Мы заставили эту штуку наливать самый лучший французский коньяк.

— Мы собирались поменять общество, — сказал Лоус. — Собирались изменить мир. Только подумай, Джек, чего бы мы могли добиться.

— Думаю.

— Мы могли бы выпускать все что угодно. Все, что когда-либо кому-либо требовалось. Пищу, ле-

карства, виски, комиксы, плуги, контрацептивы. Ах, какой был принцип!

— Принцип Божественной Отрыжки. Закон Чудесного Деления. — Хэмилтон кивнул. — Да, в этом мире работало бы на отлично.

— Мы могли бы превзойти саму партию, — согласился Лоус. — Им приходится строить плотины и тяжелую промышленность. А нам всего-то и было бы нужно, что шоколадный батончик.

— И немного неоновой трубки, — напомнил Хэмилтон. — Да, могло получиться очень забавно.

— Вы такие грустные, — сказала Силки. — Что случилось?

— Ничего, — коротко ответил Хэмилтон. — Совсем ничего.

— Я могу чем-то помочь?

— Нет. — Он чуть улыбнулся. — Но все равно спасибо.

— Мы могли бы подняться наверх и отправиться в постель. — Она похотливо сдвинула в сторону ткань, прикрывавшую ее пах. — Я всегда хотела, чтобы ты взял меня.

Хэмилтон погладил ее запястье.

— Ты хорошая девочка. Но это точно не поможет.

— Ты уверен? — Она зовуще продемонстрировала ему свои влажно блестящие бедра. — Нам обоим сразу станет лучше… тебе понравится…

— Возможно, когда-нибудь, но не сейчас.

— До чего же милая маленькая беседа, — буркнула Марша с мукой на лице.

— Мы просто шутим, — мягко сказал ей Хэмилтон. — Ничего дурного в виду не имеем.

— Смерть монополистическому капитализму! — вмешался Лоус, торжественно рыгнув.

— Вся власть рабочему классу, — как положено ответил Хэмилтон.

— За народную демократию Соединенных Штатов, — заявил Лоус.

— За Совет Социалистических Америк.

Несколько работяг в разных местах бара приподняли головы от пива.

— Потише, — беспокойно предупредил Макфайф.

— Слушайте все! — выкрикнул Лоус, стуча по столу своим карманным ножом. Он раскрыл его и угрожающе положил рядом. — Я собираюсь содрать шкуру с одного из стервятников с Уолл-стрит, — объяснил он.

Хэмилтон подозрительно оглядел его.

— Негры не носят карманных ножей. Это один

из буржуазных стереотипов.

— Я ношу, — просто сказал Лоус.

— Тогда ты не негр, — вынес приговор Хэмилтон. — Ты криптонегр, предавший свою религиозную группу.

— Религиозную группу? — зачарованно переспросил Лоус.

— Понятие расы — фашистское, — сообщил ему Хэмилтон. — Негры просто религиозно-культурная группа, ничего более.

— Да будь я проклят, — сказал Лоус пораженно. — Слушай, а этот мир не такая уж и плохая штука.

— А может, потанцуем? — вдруг с неожиданной силой предложила Силки Хэмилтону. — Я очень хочу как-то помочь тебе… ты в таком страшном отчаянии.

— Я справлюсь, — коротко ответил он.

— Что мы можем сделать для революции? — горячо вскричал Лоус. — Кого мы убьем?

— Да неважно, — сказал Хэмилтон. — Любого, кого увидишь. Любого, кто умеет читать и писать.

Силки переглянулась с несколькими работягами из тех, кто прислушивался.

— Джек, — сказала Силки тревожно, — такими

вещами не шутят.

— Именно так, — согласился Хэмилтон. — Нас чуть не линчевал этот бешеный пес монополистических финансов, Тиллингфорд.

— Надо ликвидировать Тиллингфорда! — воскликнул Лоус.

— Я сделаю это, — сказал Хэмилтон. — Я растворю его и вылью раствор в канализацию.

— Так странно слышать, как ты говоришь это, — сказала Силки, с сомнением уставившись на него. — Джек, пожалуйста, не надо больше так говорить. Это пугает меня.

— Пугает тебя? Но почему?

— Потому что… — она неуверенно пошевелила пальцами, — мне кажется, что ты просто издеваешься.

Марша тонко, истерически хохотнула.

— О мой бог, неужели и *она* тоже!

Часть работяг покинули свои табуреты; пробираясь между столами, они подходили все ближе. Шум бара заметно притих. Музыкальный автомат, казалось, умер. Подростки на заднем плане рассеивались в вихрях тьмы.

— Джек, — встревоженно сказала Силки, — будь осторожен. Ради меня.

— Вот теперь я видел все, — сказал Хэмил-

тон. — Ты — и вдруг политическая активистка. Ты! Честная добропорядочная девушка, не так ли? Испорченная системой?

— Капиталистическим золотом, — хмуро сказал Лоус, потирая свой темный лоб и допивая пиво из своей бутылки. — Соблазненная толстопузым нанимателем. Или министром. Который повесил ее девичество на стену в своей библиотеке, прямо над камином.

Оглядевшись по залу, Марша сказала:

— А ведь это на самом деле не бар, правда? Он только выглядит как бар.

— Но вон же барная стойка и бармен за ней, — указал Хэмилтон. — Что еще нужно?

— Но по сути своей, — сказала Марша дрогнувшим голосом, — это ячейка коммунистов. А эта *девушка* здесь…

— А ведь ты работаешь на Гая Тиллингфорда, верно? — обратилась Силки к Хэмилтону. — Я ведь именно там тебя подобрала тогда.

— Все так. Но Тиллингфорд уволил меня. Полковник Эдвардс уволил меня, а потом и Тиллингфорд… и похоже, что этим дело не кончится. — Со слабым интересом Хэмилтон отметил, что рабочие, кольцом сомкнувшиеся вокруг, вооружены. В этом мире все были вооружены. И каждый

занимал ту или иную сторону, даже Силки. — Силки, — громко сказал он, — это тот же самый человек, которого я знал?

На мгновение девушка сбилась.

— Само собой. Но… — Она неуверенно покачала головой, водопад светлых волос в такт качнулся по ее плечам. — Все так ужасно смешалось. Я с трудом соображаю.

— Да, — согласился Хэмилтон. — Полная неразбериха.

— Я думала, что мы друзья, — несчастным голосом сказала Силки. — Думала, что мы на одной стороне.

— Так оно и есть, мы друзья, — сказал Хэмилтон. — По крайней мере, были когда-то. Не здесь, где-то в другом месте. Очень далеко отсюда.

— Но… разве ты не хочешь поэксплуатировать меня?

— Дорогая моя, — сказал он грустно. — Я вечно хотел поэксплуатировать тебя. Абсолютно всегда. Во всех странах и землях, во всех мирах. Везде. Хотел бы эксплуатировать тебя, пока не умру. Хотел бы схватить тебя и эксплуатировать до тех пор, пока эта твоя гигантская грудь не задрожит, как осина на ветру.

— Так я и думала, — убитым голосом сказала

Силки. На мгновение она прижалась к нему, щекой коснувшись его галстука. Он неловко отвел прядь светлых волос, что упала ей на один глаз. — Жаль, — сказала она отстраненно, — что у нас не получилось.

— Мне тоже, — сказал Хэмилтон. — Может быть… я смогу иногда заглядывать, время от времени. И выпить с тобой.

— Подкрашенная вода, — сказала Силки. — Всегда только она. И бармен дает мне один жетон.

С некоторой робостью рабочие сняли с плеч свои ружья.

— Пора? — спросил один из них.

Отстранившись, Силки встала.

— Пожалуй, да, — пробормотала она почти неслышно. — Действуйте. Кончайте с ними.

— Смерть фашистским собакам, — глухо сказал Лоус.

— Смерть злодеям, — добавил Хэмилтон. — Мы можем встать?

— Конечно, — сказала Силки. — Все, что захотите. Жаль… мне так жаль, Джек, честно. Но ведь вы не с нами, верно?

— Боюсь, что нет, — согласился Хэмилтон почти юмористически.

— Вы против нас?

— Ну, видимо, да, — признал он. — По-другому у меня как-то, видимо, не выйдет. Так ведь?

— Мы что, просто позволим им убить нас? — запротестовала Марша.

— Это же ваши друзья, — сказал Макфайф нездоровым, разбитым голосом. — Сделайте что-то, скажите что-то. Разве вы не можете с ними договориться?

— Не выйдет, — ответил Хэмилтон. — Они не договариваются. — Обернувшись к жене, он нежно поднял ее на ноги. — Закрой глаза, — сказал он ей. — И расслабься. Очень больно не будет.

— Что… что ты собираешься делать? — прошептала Марша.

— Я собираюсь вытащить нас отсюда. Единственным способом, который, кажется, работает. — И, пока кольцо стволов вокруг них поднималось, щелкая затворами, Хэмилтон отвел кулак, тщательно прицелился и нанес своей жене точный удар в челюсть.

Чуть задрожав, Марша осела в руках Билла Лоуса. Хэмилтон подхватил ее обмякшее тело и глупо остановился, сжимая его. Глупо, поскольку бесстрастные рабочие по-прежнему были весьма ощутимы и реальны, заряжая и нацеливая свое оружие.

— Бог ты мой, — сказал Лоус. — Они все еще здесь. Мы не вернулись к Беватрону. — Потрясенный, он помог Хэмилтону поддержать его оглушенную, находящуюся без сознания жену. — То есть это и в самом деле не мир Марши.

16

— Но ведь этого не может быть, — бессмысленно произнес Хэмилтон, держа в руках неподвижное и податливое, теплое тело своей жены. — Это ведь должен быть мир Марши. Если не ее, то чей же это мир?

И тут с невероятным облегчением он увидел.

Чарли Макфайф начал изменяться. Это было бессознательно; Макфайф не мог этого контролировать. Трансформация исходила из глубочайших, самых коренных слоев его личности. Из неотъемлемой части, из фокуса его взглядов на мир.

Макфайф заметно увеличивался в размерах. Прямо у них на глазах он перестал быть приземистым и тяжеловатым невысоким человеком с пивным животом и курносым носом. Он стал высок. Он стал величественен. Божественное благородство снизошло на него. Руки его стали гигантскими столбами мышц. Грудь стала массивной. Глаза извергали праведный огонь. Его квадратная, морально безупречная челюсть застыла сурово и справедливо, когда он строгим

взглядом обвел зал.

Сходство с Тетраграмматоном было разительным. Макфайф, судя по всему, так и не смог избавиться от всех своих религиозных убеждений.

— Что это? — не в силах оторвать взгляд, воскликнул Лоус. — Во что он превращается?

— Что-то мне не очень хорошо, — прогудел Макфайф раскатистым богоподобным голосом. — Думаю, надо принять таблетку от изжоги.

Мускулистые рабочие опустили свои ружья. В страхе и трепете они глядели на него с почтением.

— Товарищ комиссар, — пролепетал один из них. — Простите, не узнали вас.

Макфайф, болезненно сморщившись, обернулся к Хэмилтону.

— Чертовы дурни, — прогремел он своим грохочущим властным голосом.

— Да будь я проклят, — тихо сказал Хэмилтон. — Сам маленький Святой Отец.

Благородный рот Макфайфа открылся и вновь закрылся, но ответа не последовало.

— Так вот в чем все дело было, — сказал Хэмилтон. — Когда зонт поднялся туда и Тетраграмматон разглядел тебя как следует. Ничего

удивительного, что ты был в шоке. И ничего удивительного, что Он послал в тебя молнию.

— Да, я был поражен, — признал Макфайф после паузы. — Я на самом деле не верил, что Он есть там, наверху. Я думал, это обман.

— Макфайф, — сказал Хэмилтон, — да ты же коммунист.

— Ну да, — прогудел Макфайф. — Разве не похож?

— И давно?

— Много лет уже. С самой Великой депрессии.

— Маленького братика застрелил Герберт Гувер?

— Нет. Просто голод, безработица и усталость. Надоело получать от жизни по роже.

— Ты не такой уж плохой, в каком-то смысле, — сказал Хэмилтон. — Но внутри ты весь перекрученный. Ты чокнутый больше, чем мисс Рейсс. Ты больше ханжа, чем миссис Притчет. И ты более верующий в Отца Вседержителя, чем Сильвестер. Ты — это худшее из них, сложенное вместе. И еще сверх того. Но во всех остальных аспектах ты нормальный.

— Я не обязан тебя выслушивать, — заявило величественное золотое божество.

— И ко всему прочему, ты еще и подлец. Ты

подрывной элемент, бессовестный лжец, жадный до власти мерзавец, и еще ты подлец. Как ты мог поступить так с Маршей? Как ты мог придумать всю эту дрянь?

После паузы сияющее существо ответило ему:

— Говорят, что цель оправдывает средства.

— Партийная тактика?

— Люди вроде твоей жены — опасны.

— Почему? — спросил Хэмилтон.

— Они не принадлежат ни к одной группе. Они играют, дурачатся со всем. И как только мы откроем им спину…

— И поэтому ты уничтожаешь их. Отдаешь их патриотам-фанатикам.

— Патриотов-фанатиков, — сказал Макфайф, — мы понять можем. Но не твою жену. Она одновременно подписывает партийные петиции — и читает «Чикаго трибьюн». Люди вроде нее представляют максимальную угрозу партийной дисциплине; больше любой другой группы. Этот культ индивидуализма. Эти идеалисты с собственными оценками, собственной этикой. Отказывающиеся подчиняться авторитетам. Это подрывает общество. Это может перевернуть, разрушить всю структуру. Ничего долговечного на таких не построить. Люди вроде твоей жены

просто не примут приказов.

— Макфайф, — сказал Хэмилтон, — вот-вот тебе придется простить меня.

— Почему?

— Потому что я собираюсь совершить нечто бесплодное и тщетное. Потому что — хоть я и сознаю, что это бесполезно, — я собираюсь избить тебя до потери сознания.

Уже бросаясь на Макфайфа, Хэмилтон заметил, как напрягаются гигантские стальные мышцы. Бой был слишком неравным; он не смог оставить даже отметины на величественной фигуре. Макфайф сделал шаг назад, собрался и нанес ответный удар.

Закрыв глаза, Хэмилтон крепко схватил Макфайфа, отказываясь отцепляться. Весь в синяках, с выбитыми зубами, истекая кровью из ссадины над глазом, в лохмотьях одежды, он продолжал висеть на противнике, словно загнанная в угол крыса. Что-то вроде религиозного экстаза овладело им; сжимая Макфайфа в апофеозе ненависти и презрения, он начал методично стучать божественной головой о стену. Пальцы цеплялись за него и соскальзывали, но его невозможно было оторвать.

И все же бой был почти закончен; его жалкая

маленькая атака была без всякого ущерба отражена. Лоус лежал навзничь с разбитым черепом, поблизости от забытой и скорчившейся фигурки Марши Хэмилтон. Та лежала там, где он ее и оставил. Сам Хэмилтон, все еще на ногах, видел, как приближаются приклады ружей; его время пришло.

— Ну, давайте, давайте, — подбодрил он их, тяжело дыша. — Это абсолютно все равно. Даже если вы в щепки нас разнесете. Даже если перемелете в муку и построите из нас баррикады. Даже если используете нас как цемент. Это не мир Марши, а больше мне…

Приклад ружья обрушился на него; он закрыл глаза и сжался от боли. Один из рабочих-партийцев пнул его в пах, другой размеренно крушил ему ребра. Хэмилтон смутно почувствовал, как массивное тело Макфайфа ускользает из его захвата. Силуэты рабочих появлялись и исчезали среди вихрей тьмы; он очутился на карачках, стонал и полз, пытаясь разыскать Макфайфа сквозь пелену собственной крови. И пытаясь скрыться от нападающих.

Крики. Удары прикладами по черепу. Он вздрогнул, в окружающей сумятице на ощупь различил бездыханно лежащую фигуру и пополз к ней.

— Отпустите его, — услышал он голоса. Игнорируя их, он пополз дальше в поисках Макфайфа — фигурой оказалась Джоан Рейсс.

Через какое-то время он разыскал Макфайфа. Слабый, еле живой, он начал искать подходящий обломок, чтобы убить того. Но лишь только его руки сомкнулись на куске бетона, страшный удар перевернул его. Неподвижная фигура Макфайфа отдалилась; он остался один среди обломков и хаоса, затерянный в опускающихся хлопьях пепла, что сыпались повсюду.

Мусор вокруг него был разбросанными обломками Беватрона. Осторожно подступающие фигуры, медленно пробирающиеся вперед, были работниками Красного Креста и техниками.

В безоглядном шквале ударов прикладами кто-то свалил и Макфайфа. Во всеобщем убийственном порыве ему не досталось отдельной поблажки. Тонкие нюансы не соблюдал никто.

Справа от Хэмилтона лежало неподвижное тело его жены, обгоревшая одежда на ней все еще тлела. Одна ее рука была неловко подогнута под туловищем; чуть подогнувшая колени, она выглядела маленьким и жалким сверточком на закопченной поверхности бетона. А недалеко от них лежал Макфайф. Хэмилтон рефлекторно по-

полз в его сторону. На половине дороги команда медиков оттащила его и попыталась уложить на носилки. В шоке и смятении, но все еще жестко мотивированный, Хэмилтон смог отбиться от помощи и кое-как сесть.

На лице Макфайфа, которого отправили в бессознательное состояние собственные товарищи по партии, застыло выражение яростного бешенства; оно было искажено гневом и ужасом. Это выражение так и осталось на лице, когда он начал болезненно приходить в себя. Дыхание Макфайфа было хриплым, неровным. Что-то бормоча, он барахтался и бился; толстые пальцы смыкались на пустоте.

Наполовину засыпанная обломками, мисс Рейсс уже начинала шевелиться. Неуверенно встав на колени, она слабо потянулась к разбитым вдребезги очкам.

— Ох, — слабо прошептала она; из подслеповатых мигающих глазах полились слезы страха. — Что… — Оборонительным жестом она подхватила свое обгорелое и рваное пальто и закуталась в него.

Группа спасателей добралась до миссис Притчет; они быстро разбросали обломки, покрывающие ее колеблющееся и дымящееся тело.

Безуспешно пытаясь подняться на ноги, Хэмилтон дополз до своей жены и начал сбивать тлеющую линию искр, что все еще ползла по ее изорванному обугленному платью. Марша вздрогнула и рефлекторно дернулась.

— Не двигайся, — предупредил он ее. — У тебя может быть что-то сломано.

Она послушно лежала не двигаясь, застыв с закрытыми глазами. Издалека, теряясь в клубящихся облаках закопченной пожаром цементной пыли, раздался испуганный вопль Дэвида Притчета. Уже все они шевелились, все возвращались к жизни. Билл Лоус тянулся куда-то руками, а вокруг него собрались побледневшие коллеги. Вопли, крики, вой тревожных сирен…

Жестокий звук реального мира. Едкий дым горящего полуразбитого электронного оборудования. Нервные медики, наскоро оказывающие первую помощь.

— Мы вернулись, — сказал Хэмилтон жене. — Ты слышишь меня?

— Да, — сказала Марша. — Я слышу тебя.

— Ты рада? — потребовал он ответа.

— Да, — тихо сказала Марша. — Не кричи, милый. Я очень рада.

Полковник Т. Е. Эдвардс терпеливо и без замеча-

ний выслушал сделанное Хэмилтоном заявление. После того как Хэмилтон подвел резюме под своими обвинениями, в длинной комнате для совещаний воцарилось молчание. Единственными звуками в ней остались глухой ритм курения сигар и скрип стенографического аппарата.

— Ты обвиняешь нашего офицера по безопасности в принадлежности к Коммунистической партии, — сказал Эдвардс после продолжительной хмурой задумчивости. Я правильно понял?

— Не совсем так, — сказал Хэмилтон. Его все еще немного трясло; с инцидента на Беватроне прошло лишь чуть больше недели. — Я утверждаю, что Макфайф — дисциплинированный коммунист, который использует свое служебное положение для продвижения целей Коммунистической партии. Но внутренняя или внешняя эта дисциплина…

Резко обернувшись к Макфайфу, Эдвардс спросил:

— Что ты скажешь на это, Чарли?

Не поднимая глаз, Макфайф ответил:

— Я скажу, что это совершенно очевидная клевета.

— Ты утверждаешь, что Хэмилтон просто пытается поставить под сомнение твои мотивы?

— Именно так, — Макфайф механически выплевывал фразу за фразой. — Он стремится бросить тень на искренность моих побуждений. Вместо того чтобы защищать свою жену, он нападает на меня.

Полковник Эдвардс снова повернулся к Хэмилтону.

— Боюсь, что мне придется согласиться. Под обвинениями находится твоя жена, а не Чарли Макфайф. Твоя защита должна касаться именно этого факта.

— Как вы понимаете, — сказал Хэмилтон, — я не могу ни сейчас, ни когда-либо в будущем доказать, что Марша не является коммунистом. Но я могу показать вам, почему Макфайф выдвинул против нее эти обвинения. Я могу показать вам, что он делает и в чем суть всего этого конфликта. Взгляните на позицию, которую он занимает; кто сможет заподозрить его? У него есть свободный доступ ко всем досье безопасности; он может выдвигать обвинения против любого, кого только захочет… идеальная позиция для партийного крота. Он может устранить любого, кто не нравится партии, любого, кто стоит на ее пути. Партия методически уничтожает своих оппонентов его руками.

— Но все это крайне косвенные доказательства, — заметил Эдвардс. — Много логических рассуждений — но где улики? Можешь ли ты доказать, что Чарли красный? Как ты сам сказал, он не член Коммунистической партии.

— Я не детективное агентство, — возразил Хэмилтон. — И не полицейский отряд. У меня нет возможности собрать компрометирующую его информацию. Я предполагаю, что у него есть какой-то контакт с Компартией США или с какими-то подставными организациями партии… откуда-то он должен получать указания. Если ФБР возьмет его в разработку…

— Ну то есть нет улик, — перебил его Эдвардс, жуя свою сигару. — Верно?

— Улик нет, — признал Хэмилтон. — Я не могу доказать, что думает Чарли Макфайф. Но и он ровно так же не может доказать, что думает моя жена.

— Но против твоей жены собран обвинительный материал. Все петиции, что она подписала, все те розовые сборища, что она посещала. Покажи мне хоть одну петицию, что подписал Чарли. Хоть одно собрание фронта, которое он посетил.

— Ни один настоящий коммунист не выдаст себя так глупо, — сказал Хэмилтон, тут же осознав,

насколько абсурдно это прозвучало.

— Мы не можем уволить Чарли на этих основаниях. Ты и сам видишь, насколько все шатко и зыбко. Уволить его за то, что он *не* посещал розовые сборища? — Тень улыбки появилась на лице полковника Эдвардса. — Извини, Джек. Ты проиграл это дело.

— Я знаю, — согласился Хэмилтон.

— Ты знаешь? — Эдвардс растерялся. — Ты *признаешь* это?

— Конечно же, я признаю это. Я и не надеялся победить. — Довольно бесстрастно Хэмилтон объяснил: — Я просто посчитал, что этот вопрос необходимо будет поставить перед вами. Для записи, для истории.

Пухлый и насупившийся, осевший глубоко в свое кресло Макфайф промолчал. Он изучал свои плотно сцепленные пальцы; сосредоточившись на них, он не поднимал взгляд на Хэмилтона.

— Я был бы рад помочь тебе, — невесело сказал Эдвардс. — Но, Джек, черт побери. По твоей логике, каждый в нашей стране будет рассматриваться как угроза безопасности.

— Да так оно и будет все равно. Я просто хотел бы, чтоб этот метод распространялся и на Макфайфа. А то чертовски досадно, что у него

индульгенция.

— Я считаю, — официально сказал Эдвардс, — что патриотизм и преданность Чарли Макфайфа вне подозрений. Ты же понимаешь, что этот человек сражался во Второй мировой в рядах Армейского авиационного корпуса? Что он искренний католик? Что он член организации Ветеранов зарубежных войн?

— Точно, а еще он был бойскаутом, — согласился Хэмилтон. — И скорее всего, каждое Рождество наряжает елку.

— Ты хочешь сказать, что католики и легионеры не патриоты?

— Вовсе нет. Я пытаюсь сказать, что человек может иметь все эти регалии и тем не менее быть опасным подрывным элементом. А женщина может подписывать мирные петиции, и выписывать «На самом деле», и тем не менее любить каждый дюйм земли этой страны.

— Я считаю, — холодно сказал Эдвардс, — что мы напрасно тратим наше время. Это очевидная чушь и заблуждение.

Отодвинув кресло, Хэмилтон встал.

— Благодарю за то, что выслушали меня, полковник.

— Не за что. — С чувством неловкости Эдвардс

сказал: — Жаль, что не могу сделать для тебя большего, мальчик. Но ты же видишь мое положение.

— Это и впрямь не ваша вина, — согласился Хэмилтон. — Честно говоря, я даже где-то рад, что вы не обратили внимания на мои предупреждения. В конце концов, Макфайф ни в чем не виновен, пока его вина не доказана.

Совещание окончилось. Директора компании начали выходить в коридор, облегченно возвращаясь к своим обязанностям. Подтянутая стенографистка забрала свой стенографический аппарат, сигареты и сумочку. Макфайф, искоса бросив злобный взгляд на Хэмилтона, бесцеремонно протолкался мимо него и исчез.

В дверях полковник Эдвардс остановил Хэмилтона.

— Чем ты теперь займешься? — поинтересовался он. — Рванешь вверх по побережью? Дашь шанс Тиллингфорду и его EDA? Ты же знаешь, он тебя примет. Он близко дружил с твоим отцом.

В этом, реальном, мире Хэмилтон еще не обращался к Гаю Тиллингфорду.

— Он возьмет меня, да, — ответил он задумчиво, — отчасти по этой причине, а отчасти потому, что я все же очень хороший электронщик.

Эдвардс смутился и даже слегка покраснел.

— Извини, парень. Я не хотел тебя оскорбить; я просто имел в виду…

— Я понимаю, что вы имели в виду. — Хэмилтон пожал плечами — осторожно, не забывая о трещине в туго сейчас стянутом ребре. Два новых передних зуба во рту ощущались чужими, непривычными; непривычной была и выстриженная дорожка над правым ухом, где на его скальп были наложены два шва. Этот инцидент, эти мытарства во многих отношениях сделали его совершенно иным человеком. — Я не пойду к Тиллингфорду, — объявил он. — Попытаюсь начать свой бизнес.

Поколебавшись, Эдвардс спросил:

— Ты на нас в обиде?

— Нет. Ну я потерял работу у вас, но это не имеет значения. В каком-то смысле оно и к лучшему. Если бы это не случилось, я бы тут работал веки вечные. Совершенно не задетый системой безопасности, я б даже толком и не знал, что она существует. Но вы ткнули меня носом, заставили столкнуться с ней. Мне волей-неволей пришлось очнуться.

— Ну, Джек…

— Мне всегда все легко доставалось. У моей

семьи была куча денег, а отец был очень известен в своей сфере. Обычно люди типа Макфайфа не задевают таких, как я. Но времена меняются. Макфайфы вышли на охоту за нами, мы начинаем конфликтовать впрямую. Так что самое время заметить их существование.

— Все это очень хорошо, — сказал Эдвардс. — Очень благородно и трогательно. Но тебе придется как-то зарабатывать на жизнь, придется найти работу, чтобы содержать семью. Без допуска к секретности ты не сможешь разрабатывать ракеты ни здесь, ни в любом другом месте. Тебя не наймет никто работающий на правительство.

— Может быть, и это тоже к лучшему. Я слегка устал делать бомбы.

— Однообразие надоело?

— Я бы сказал, совесть проснулась. Кое-что со мной случилось — такое, что изменило мой способ мышления. Выбросило меня из колеи, так сказать.

— О да, — неуверенно согласился Эдвардс. — Этот инцидент.

— Я увидел некоторые аспекты реальности, о которых даже не подозревал. И я вышел из этого с изменившимся взглядом на мир. Наверное, нужно нечто подобное, чтобы выскочить из ко-

леи. И если да, то все мною пережитое вполне стоит этого.

В коридоре за его спиной прозвучал частый дробный стук каблучков. Марша, задыхающаяся и раскрасневшаяся, подбежала и схватила его за руку.

— Мы готовы отправляться, — сказала она ему.

— И еще один очень важный вопрос нашел свое разрешение, — сказал Хэмилтон полковнику Т. Е. Эдвардсу. — Марша говорила правду, а это для меня критически важно. Работу я всегда найду новую, а вот с женами беда.

— Так чем же ты планируешь заняться? — допытывался Эдвардс, но Хэмилтон с женой уже двинулись по коридору.

— Я пришлю вам открытку, — бросил через плечо Хэмилтон. — На бланке моей компании.

— Милый, — возбужденно начала Марша, когда они вышли из парадного входа здания «Калифорния Мэйнтенанс» и двинулись по бетонной дорожке. — Грузовики уже начинают прибывать и разгружаться.

— Отлично, — обрадовался Хэмилтон. — Будет что показать, когда мы будем обрабатывать эту старую дуру.

— Нехорошо так говорить, — озабоченно ска-

зала Марша, стискивая его руку. — Мне стыдно за тебя.

Хэмилтон, улыбаясь, помог ей сесть в машину.

— С этого момента я планирую быть кристально честным со всеми, говорить ровно то, что я думаю, и делать именно то, чего я хочу. Жизнь слишком коротка для чего-то иного.

Марша сердито пожаловалась:

— Вы с Биллом… я начинаю задумываться, к чему все это приведет?

— Мы разбогатеем, — весело сказал ей Хэмилтон, выезжая на автостраду. — Запомни мои слова, солнышко. Вы с Нинни будете трескать сметану плошками и спать на шелковых подушках.

Полчаса спустя они вдвоем стояли на возвышении над пустошью, критически изучая небольшой ангар из гофрированного металла, который арендовали Хэмилтон с Лоусом. Оборудование поступало в огромных фанерных ящиках; цепочка тяжелых грузовиков была припаркована у заднего пандуса.

— Скоро, — задумчиво сказал Хэмилтон, — с этой платформы будут отправляться маленькие блестящие коробочки с циферблатами и тумблерами. Грузовики будут забирать товар, а не

сгружать его.

Им навстречу широким шагом, чуть согнув свое гибкое тело на резком осеннем ветру, вышел Билл Лоус. Смятая незажженная сигарета торчала у него изо рта, а руки были глубоко в карманах.

— Что ж, — ухмыльнулся он, — не сказать, чтоб очень круто, но точно будет очень весело. Может, мы и потонем, но сперва чертовски хорошо проведем время.

— А Джек только что сказал, что мы разбогатеем, — разочарованно протянула Марша, изобразив обиженную гримаску.

— Это уже потом, — объяснил Хэмилтон. — Это когда мы уже станем слишком старыми и утомленными, чтобы веселиться. А Эдит Притчет подъехала? — поинтересовался Хэмилтон.

— Да, крутится где-то неподалеку, — неопределенно махнул рукой Лоус. — Я видел, что ее «кадиллак» запаркован чуть выше по улице.

— А он на ходу?

— О да, — заверил Лоус. — Отлично работает. Мы абсолютно точно больше не в *том* мире.

Маленький мальчик лет десяти заинтересованно подбежал к ним.

— Чего делать тут будете? — потребовал он ответа. — Ракеты?

— Нет, — ответил Хэмилтон. — Проигрыватели. Чтобы люди могли слушать музыку. Это очень перспективно.

— Круто! — Мальчик явно проникся. — Эй, в прошлом году я построил приемник с наушниками на одной радиолампе и одной батарейке!

— Отличное начало.

— А сейчас я собираю детекторный приемник.

— Очень хорошо, — сказал ему Хэмилтон. — Возможно, мы наймем тебя на работу. Если, конечно, нам не придется печатать свои собственные деньги.

Осторожно пробираясь по не облагороженной пока территории, подошла миссис Эдит Притчет. Она была закутана в тяжелое меховое пальто, а на окрашенных хной волосах сидела изящная шляпка.

— Так, не беспокой мистера Лоуса и мистера Хэмилтона, — велела она сыну. — У них и без тебя полно дел.

Дэвид Притчет расстроенно отошел в сторону.

— Мы обсуждали электронику.

— Однако вы закупили много оборудования, — с сомнением сказала миссис Притчет мужчинам. — Наверняка это стоило кучу денег.

— Нам все это понадобится, — сказал Хэми-

лтон. — Мы не будем собирать усилители из стандартных частей; мы будем разрабатывать и выпускать наши собственные компоненты — от конденсаторов до трансформаторов. У Билла есть схема нового типа картриджа без трения. Это должно произвести революцию на рынке хай-фай — гарантированное отсутствие износа записи.

— Вы вырожденцы, — смеясь, сказала Марша. — Удовлетворяете прихоти класса паразитов.

— Я думаю, — сказал Хэмилтон, — что музыка будет всегда. И вопрос такой: как с ней работать? Управлять хай-фай-системой — это будет само по себе искусство. Системы, что мы собираемся выпускать, будут требовать для работы с ними умения не меньшего, чем нужно нам, чтобы их собрать.

— Ага, я прямо вижу это, — улыбаясь, сказал Лоус. — Стройные молодые парни сидят на полу своих апартаментов в Норт-Бич и восторженно настраивают ручки и переключатели, а в это время невероятно реалистические звуки моторов грузовых поездов, снежных буранов, самосвалов, сгружающих металлолом, и других редких записей громыхают из колонок.

— Что-то я в этом не уверена, — с сомнением

поведала миссис Притчет. — Вы как-то слишком уж эксцентричны.

— Такая уж это эксцентричная сфера, — сообщил ей в ответ Хэмилтон. — Хуже моды. Хуже, чем организация мальчишников. Но очень, очень интересная.

— Но все же, — миссис Притчет не сдавалась, — вы убеждены в финансовом успехе вашего предприятия? Я не люблю вкладывать деньги туда, где не уверена в достаточной прибыли.

— Миссис Притчет, — резко сказал Хэмилтон, — мне казалось, я однажды слышал, как вы сказали, что хотите быть спонсором искусств.

— Святая правда, — заверила его миссис Притчет, — нет ничего более жизненно важного для общества, чем надежное спонсорство культурных мероприятий. Жизнь без великого художественного наследия, созданного поколениями вдохновенных гениев…

— Тогда вы поступаете верно, — заверил ее Хэмилтон. — Вы принесли свой клад в правильное место.

— Мой…

— Ваш вклад, — сказал Билл Лоус. — Вы внесли свой вклад в правильное место. Мы в музыкальном бизнесе; с нашими системами массы

услышат музыку так, как не слышали до сей поры никогда. На сотнях неискаженных ватт. На десятках килогерц полосы пропускания. Это настоящая культурная революция.

Обняв жену рукой, Хэмилтон с энтузиазмом привлек ее к себе.

— Как тебе такое, солнышко?

— Отлично, — охнула Марша. — Но ты как-то поосторожнее со мной, не забывай про мои ожоги.

— Ты думаешь, нас ждет успех?

— Безусловно.

— Этого должно быть достаточно для каждого, — сказал Хэмилтон миссис Притчет, отпуская свою жену. — Правда же?

Все еще в сомнениях, миссис Притчет начала искать чековую книжку в своей объемистой сумке.

— Что ж, похоже, что это доброе дело.

— Все так, доброе дело, — согласился Хэмилтон. — Дело в том, что если мы не получим денег, то не сможем начать работать.

С резким щелчком миссис Притчет захлопнула свою сумку:

— Пожалуй, мне лучше в это не ввязываться.

— Не обращайте на него никакого внимания, —

быстро сказала Марша. — Они оба болтают что попало, сами не знают, что говорят.

— Ну ладно, — согласилась миссис Притчет, уверившись наконец. Очень аккуратно и точно она выписала чек, покрывающий их первоначальные расходы. — Я рассчитываю получить эти деньги назад, — сказала она строго, подавая чек Лоусу. — В соответствии с нашей договоренностью.

— Вы получите, — сказал Лоус. И тут же отпрыгнул назад от боли. Схватившись за лодыжку, он злобно нагнулся и раздавил пальцами что-то маленькое и извивающееся.

— Что это? — спросил Хэмилтон.

— Уховертка. Залезла ко мне в носок и укусила меня. — Неловко усмехаясь, Лоус добавил: — Просто совпадение.

— Мы *надеемся*, что вы получите свои деньги назад, — объяснил Хэмилтон миссис Притчет, на всякий случай сформулировав поточнее. — Обещать мы, понятно, не можем. Но мы приложим все наши усилия.

Он подождал, но ничто не укусило и не ужалило его.

— Слава богу, — выдохнула Марша, взглянув на чек.

В предвкушении устремившись к ангару, Билл Лоус выкрикнул:

— Ну, чего же мы ждем? За работу!